

"Ее властелин и повелитель"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Карен Хокинс

Ее властелин и повелитель

Дюку, псу моего сына,

с благодарностью за то, что согревал

мои ноги и никогда не смотрел

на меня с таким видом, словно говорил:

«Какая же ты глупая»,- а приберегал этот

взгляд для кошки.

Каждому нужна собака вроде Дюка

ИСКУССТВО БЫТЬ ОБРАЗЦОВЫМ ДВОРЕЦКИМ

Исчерпывающее руководство, составленное Ричардом Робертом Ривсом

Завершая тридцатый год службы в качестве дворецкого в доме одного джентльмена, я оглядываюсь на пройденный путь. Не считая особого способа чистки обуви (незаменимое умение для каждого дворецкого) и поистине великолепного рецепта удаления винных пятен с бархата (что некоторые ошибочно считают невозможным), моя память обогатилась житейской мудростью и опытом, а также многочисленными поучительными историями.

Я сожалею лишь о том, что в силу преданности своей профессии не удосужился обзавестись детьми, которым мог бы передать жизненный опыт и с кем мог бы поделиться воспоминаниями. Поэтому, задумав написать книгу, я решил посвятить ее всем молодым людям, которые подумывают о том, чтобы поступить на должность дворецкого в приличный дом. Все они в какой-то степени являются моими сыновьями.

Пролог

Слуга, любой слуга, никогда не должен преступать границы своих должностных обязанностей, за исключением случаев возникновения чрезвычайных обстоятельств. Но даже в чрезвычайных обстоятельствах он должен соблюдать предельную осторожность. Исходя из собственного опыта, могу сказать, что когда слуга случайно переходит границы дозволенного, общество - или какая-то сила внутри его - в большинстве случаев немедленно водворяет его на место.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Гостиница «Белый чертополох»,

Йоркшир, Англия

1781 год

- Он приедет, - пробормотал десятилетний Тристан Ллевант, прижимаясь лбом к холодному оконному стеклу. Внизу, за грязным гостиничным двором, проходила дорога в Лондон. Но длинная и узкая дорога, которая коричневой лентой вилась по отнюдь не живописной сельской местности, была пустынна. - Я знаю, что он приедет, - прошептал мальчик, затуманивая дыханием влажное стекло. - Наш отец никогда не лжет.

- Откуда ты знаешь? - презрительно скривив губы, сказал Кристиан. - Герцог никогда не разговаривает с нами. Он даже не считает нас своими детьми.

Тристан повернулся к брату:

- Герцог Рочестер - человек занятой. И он считает нас своими детьми, потому что дает маме деньги на наше содержание и оплату услуг гувернера.

Похоже, Кристиану эти доводы не показались убедительными.

- Он нашел бы для нас время, если бы мы были его законными наследниками. И уж конечно, не оставил бы нас здесь, где так холодно и скучно.

Законные. Слово это больно отозвалось в сердце Тристана, и он крепко стиснул зубы, чтобы удержаться от слез.

- Он приедет, чтобы спасти нас. Он должен.

Кристиан скептически посмотрел на Тристана. Глядя на них, было трудно догадаться, что они близнецы. Тристан был белокур, широкоплеч и обладал крепкими кулачками, тогда как темноволосый Кристиан был худенький и изящный, хотя и одного роста с братом.

Единственным общим у них был цвет глаз - удивительный, неотразимо привлекательный светло-зеленый, как только что распустившаяся листва. Загадочный цвет, словно у эльфов, как сказала одна из горничных.

Тристану это нравилось. Возможно, он и впрямь обладает какой-нибудь волшебной силой и если очень постарается, то сможет заставить отца прискакать сюда сквозь туман и спасти их. Особенно маму, которая больше всех нуждалась в спасении.

При мысли о матери, запертой в полном одиночестве в сырой тюремной камере, Тристан потерял место на груди, где сосредоточилась боль. Он знал, что это за боль. Это был страх. Если его не одолеть, Тристан не сможет принимать решения и ему не удастся найти выход из трудного положения, в котором они оказались. А Кристиану, хоть он и делает вид, будто ему все нипочем, наверняка было так же страшно, как и Тристану.

В пивной, расположенной внизу, было шумно, и звуки громких голосов эхом отдавались в деревянных стенах лестничной клетки, отчего становилось еще страшнее.

Кристиан тревожно взглянул на дверь:

- Нам надо уходить. Здесь оставаться опасно.

- Нельзя, - решительно заявил Тристан. - Мы написали отцу, что будем ждать его здесь.

- Но Брукс сказал, что люди герцога даже не пустили его в дом. Они просто взяли письмо и закрыли перед ним дверь.

- Отец – очень важный человек. Уверен, что как только он найдет время и прочитает письмо...
- Он даже не захотел увидеться с Бруксом. Почему ты думаешь, что он прочитает наше письмо?

Тристан в отчаянии покачал головой:

- Нет, ты ошибаешься. Отец приедет. Он должен приехать, Крис. Должен.

Кристиан нахмурил лоб.

- Надеюсь, ты не собираешься расплакаться?

Тристан взял себя в руки и, хотя слезы душили его, проговорил хриплым голосом:

- Я и не думаю плакать.

Кристиан посмотрел ему прямо в глаза.

- Я тоже, – сказал он. Но мгновение спустя он ссутулился и уставился невидящим взглядом в окно, за которым сгушались серые сумерки.

Сжав кулаки, Тристан сказал спокойным тоном:

- Если отец не поможет, мама может... – Не договорив, он судорожно глотнул воздух.

Кристиан потер лоб.

- Брукс это знает. Поэтому он так странно вел себя последнее время. Он... он боится.

Тристан понимал, что мистер Брукс оставался с ним и Кристианом только в надежде на вознаграждение, которое получит от мамы после ее освобождения. Сначала губернёр исполнял свои обязанности весьма добросовестно. Но время шло, надежды на возвращение матери почти не оставалось, и настроение у мистера Брукса изменилось.

За последнюю неделю, после того как его не впустили в дом герцога, мистер Брукс заметно помрачнел и стал злым. Он сильно пил и перестал вежливо обращаться со своими подопечными. А иногда бывал с ними даже груб. Тристан пошевелил лопатками и поморщился: все еще болело то место, по которому Брукс ударил его палкой, узнав, что он осмелился написать отцу еще одно письмо.

- Все еще болит? – тихо спросил Кристиан.

- Только когда двигаешь плечом. Я почти забыл об этом.

В глазах Кристиана промелькнула такая неистовая ярость, что Тристан даже охнул от удивления. Но это выражение так же быстро исчезло, как и появилось. Кристиан снова отвернулся и стал смотреть в окно.

Это было характерно для Кристиана: он умел скрывать свои чувства. Мать всегда говорила, что он похож на озеро: на поверхности тишь да гладь, а в глубине – мощное течение. Тристан же был похож на океан: его чувства бурлили и пенились на поверхности, словно волны, разбивающиеся о берег. Он остро реагировал на все, что происходит. Особенно сейчас.

Из пивной, размещавшейся внизу, раздался взрыв пьяного хохота. Кристиан и Тристан, не сговариваясь, повернулись и взглянули на закрытую дверь. Рев голосов несколько стих, хотя было по-прежнему очень шумно. Где-то там, среди этого шума, находился мистер Брукс, который пьянствовал и проигрывал то небольшое, что у них еще оставалось.

- Ненавижу все это, - сказал Тристан, прижавшись лбом к стеклу.

Кристиан взглянул на старшего брата. Он любил Тристана и относился к нему с уважением, но бывали случаи, когда его близнец продолжал цепляться за надежду, хотя надеяться уже было не на что.

- Мы не можем оставаться здесь.

- Мы должны ждать отца, - со вздохом сказал Тристан. - Может быть, мистер Брукс напишет секретарю отца и узнает, почему он не ответил...

- Мистер Брукс уже сделал достаточно, - сказал Кристиан резче, чем намеревался.

Тристан поджал губы и обиженно взглянул ему в глаза. Почувствовав себя виноватым, Кристиан заложил руки за спину и до боли стиснул пальцы. Не хватало еще, чтобы брат заметил, как дрожат у него руки. Вчера вечером, когда он сидел на лестнице, ему удалось услышать еще кое-что, о чем он не сказал Тристану. Мистер Брукс разговаривал с каким-то человеком в длинном плаще. Гувернер был должен этому человеку крупную сумму денег. Брукс уже продал все, что у них было ценного. У них не осталось ничего, кроме...

Кристиан стиснул зубы. Не станет он думать об этом сейчас. Ночью, когда Тристан заснет, Кристиан подумает, как им сбежать отсюда, пока гувернер не продал единственное, что у них осталось. Они с Трисом как-нибудь доберутся до Лондона и отыщут друзей матери. Возможно, кто-нибудь из них поможет ей. Кто-нибудь не такой равнодушный, как их отец.

Вспомнив об отце, он почувствовал нарастающий гнев. Он ненавидел его. Когда-нибудь он убьет своего отца за боль, которую он причинил ему и Тристану. За то, что этот старикашка не помог их матери. У него есть титул, земли, огромное состояние, но он и знать ничего не желает о тех, кого разлюбил. Даже о матери, которая когда-то безумно любила этого человека.

Мысль о матери повлекла за собой другие воспоминания. Прошло уже почти шесть месяцев с тех пор, как ее, подняв ночью с постели, арестовали и без всяких объяснений бросили в тюрьму. В течение нескольких недель никто не говорил им, за что ее арестовали. Когда Кристиан, подслушав разговор дворецкого с экономкой, узнал, что маму бросили в тюрьму по обвинению в государственной измене, он не поверил своим ушам. Однако он не ослушался.

Даже сейчас этот день кажется кошмарным сном. Миссис Фелтс, экономка, плакала, а мистер Мелтон, дворецкий, выглядел расстроенным и был очень бледен. Мальчики, конечно, ничего не понимали. Они знали лишь то, что сказал им мистер Брукс: мать уехала, но со дня на день вернется домой. Обвинения могут быть опровергнуты и сняты. Но время шло, и эти слова произносились все реже и реже, а потом их вообще перестали произносить.

С того момента, как мать бросили в тюрьму, перестали поступать финансовые средства от герцога. Ни одного пенса. Слуги один за другим ушли, и остался один мистер Брукс.

Как-то раз в дом прибыл толстый мрачный человек, который прибил к входной двери дощечку, где указывалось, что дом с надворными постройками и участком переходит в собственность банка вследствие большой задолженности по уплате ренты.

Кристиан плохо понимал, что такое «задолженность», но не прошло и часа, как Брукс сложил в двуколку все серебро, которое было в доме, и они двинулись в путь. Семейного серебра хватило ненадолго. Шло время, и качество их жизни стало мало-помалу ухудшаться. Они больше не останавливались в гостиницах, расположенных в центре города, ограничиваясь теми, которые находились на окраинах. Грязные и сырые, кишевшие паразитами перины сменились набитыми сеном тюками, а потом пришлось спать и вовсе на голом полу.

У них оставалось всего две свечи. Интересно, что им делать, когда свечи догорят, думал Кристиан. А главное, что будет делать Брукс?

На его плечо опустилась рука брата.

- Крепись. Я что-нибудь придумаю, - сказал Тристан.

- Надеюсь, - ответил Кристиан.

Тристан сжал плечо брата, преисполнившись решимости выбраться из сложившейся ситуации.

- У нас все получится. Вот увидишь.

Кристиан отбросил назад упавшие на глаза волосы. Свет коснулся его лица, грязного кружева воротничка, блеснул на выношенном бархате камзола.

- Тристан, я должен кое-что сказать тебе. Вчера, когда я сидел на ступеньках, я слышал, как Брукс разговаривал с каким-то человеком. О нас.

У Тристана учащенно забилося сердце.

- Что он сказал?

- Брукс должен этому человеку много денег. Человек спросил, сильные ли мы. И он сказал... - Кристиан нервно сглотнул, явно собираясь с духом, - он сказал, что последние двое рекрутов, которых он притащил на судно, умерли, так и не вернувшись на землю.

У Тристана перехватило дыхание. Жизнь матроса тяжела и смертельно опасна. Корабли иногда посылают группы вербовщиков, которые хватают мужчин и мальчиков покрепче, а потом волокут их на судно, чтобы заставить служить матросами. Поступать так считалось делом законным, хотя многие домой так и не возвращались.

Они должны найти способ выбраться из этой ситуации. Может быть, взять свечи и убежать от Брукса? Да. Именно так они и должны поступить...

Тристан насторожился. За шумом толпы он услышал, как по лестнице поднимается Брукс. Он был не один. Времени на размышление не было.

- Кристиан! Скорее! Прыгай из окна!

Его брат, широко раскрыв глаза, прислушался к долетавшему до них голосу Брукса, потом повернулся к окну и принялся открывать задвижку.

Тристан тем временем схватил единственный стул и вставил его под дверную ручку. Жалкий колченогий стул был ненадежной защитой, но ничего другого у них не было.

Оконный шпингалет наконец поддался. Кристиан распахнул окно и выглянул наружу.

- Трис, высоко...

Дверь загрохотала. Раздался злой голос Брукса:

- Проклятие! Открывайте!

Тристан метнулся к кровати и схватил спрятанный под ней маленький красный сверток, в котором находились свечи. Дверь загрохотала еще сильнее.

- Открывайте эту чертову дверь или я изобью вас обоих! - орал Брукс.

Тристан со свертком в руке подбежал к Кристиану.

- Вот. - Он сунул брату сверток. - Возьми это.

- Трис, но ведь до земли целых два этажа.

- У нас нет выбора. Я прыгну следом за тобой...

Дверь распахнулась. На пороге со сбившимся на сторону галстуком и перекошенной физиономией стоял мистер Брукс. За его спиной виднелся длинный, мертвенно-бледный тип с красными от пьянства глазами.

Тристана охватила паника. Он действовал не раздумывая. Повернувшись к брату, он вытолкнул его из окна. Кристиан, вцепившись в сверток со свечами, полетел вниз. Одинокий вскрик раздался в ночи.

- О Господи! - воскликнул побледневший Брукс, вбегая в комнату.

Тристан как сумасшедший бросился к окну, но человек, явившийся с Бруксом, оказался проворнее его.

- Ах ты, нечисть проклятая! - взревел он. Схватив Тристана, он втащил его назад в комнату, сильно оцарапав ему грудь о подоконник.

Тристан пнул его, угодив башмаком прямо в пах.

- Ну, я тебе покажу! Никому так не позволено обращаться с Джеком Дантером! - Он еще крепче вцепился в Тристана, так что тот едва мог дышать.

- Осторожней, Дантер, - сказал Брукс. - Ты обещал, что не причинишь им зла.

- Не распускай сопли и хватай второго! - грубо оборвал его Дантер, оскалив желтые зубы. - А я займусь этим.

Гувернер судорожно глотнул воздух.

- Не думаю, что мне следует...

- Тогда плати то, что должен! - Дантер прищурился и еще крепче стиснул Тристана.

Тристан хватал ртом воздух, на глазах его выступили слезы. «Беги, Кристиан! Спасайся!» - повторял он про себя как заклинание.

Взгляд Брукса переместился на Тристана, и в глазах его промелькнуло что-то вроде печали. На мгновение Тристану показалось, что губернёр, возможно, все-таки спасет его. Но Брукс понурил голову, повернулся и молча вышел из комнаты.

Тристана охватил гнев. Сделав глубокий вдох, он высвободился из цепких рук Дантера.

- Кристиан! Беги!

Дантер схватил его за горло и с искаженной гневом физиономией занес над ним кулак. Словно во сне, Тристан видел, как кулак приближается к нему. Он не мог ничего сделать. Он мог лишь надеяться, что Кристиану удалось убежать, и что он не убил своего единственного брата, вытолкнув его из окна.

Это была последняя мысль перед тем, как кулак опустился на висок Тристана и он, испытав острую боль, потерял сознание.

Глава 1

Первейшая задана дворецкого – служить своему хозяину верой и правдой, проявляя при этом осмотрительность. Как известно, без осторожности нет и доблести. Не мешает также обладать терпимостью и очень, очень короткой памятью.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Рочестер-Хаус, Сомерсет,

Англия

1806 год

Речка с идеально прозрачной водой вилась по тщательно ухоженным перелескам и мягко впадала в кристально-чистый пруд. В темно-синих водах пруда отражались очертания безупречно спланированной ротонды, украшенной колоннами из розового мрамора. За долгие годы эта ротонда для кого только не служила местом свидания!

Над этим созданным рукой мастера идиллическим пейзажем возвышался холм. На его вершине, словно корона, возлежащая на бархатной подушке, стоял массивный и величественный дом из золотистого кирпича с высокими узкими окнами, стекла которых поблескивали на предзакатном солнце.

По общему признанию, Рочестер-Хаус был олицетворением отменного вкуса. Сам король восторженно отзывался о доме и его мебелировке как о «самых изысканных во всей Европе».

Это высказывание было сделано почти два десятка лет назад, и в то время шестой герцог, услышав его, лишь слегка кивнул. В душе он, естественно, был очень польщен, однако признаться в этом было бы проявлением невоспитанности. А ни один Рочестер никогда не был плохо воспитан.

Однако, оставаясь один, герцог подолгу смаковал восхищение короля. Каждый вечер, прежде чем закрыть глаза, он вспоминал слова короля и выражение лица, с которыми они были сказаны. Это помогало Рочестеру заснуть и видеть весьма приятные сны.

Только не сейчас, конечно. Сейчас он был слишком занят выполнением неприятной

обязанности: умереть с достоинством.

Умереть было довольно просто. А вот насчет «с достоинством» дело обстояло значительно сложнее. Но все хорошее заслуживало того, чтобы за него как следует подраться. Эту мудрость герцог постиг очень давно.

Откровенно говоря, Рочестера не должно было удивлять, что он умирает. Как-никак ему было далеко за семьдесят, хотя этот факт он пытался скрыть от равных ему по положению пэров, нося напудренные парики, пока они окончательно не вышли из моды, щедро пользуясь румянами и отдавая предпочтение превосходной одежде, которая ослепляла великолепием и отвлекала внимание от дряблой кожи и морщин на лбу.

Для того чтобы еще сильнее поддержать иллюзию молодости, он женился на женщине, которая, как ни считай, была более чем на полвека моложе его. Казалось, он женился на миловидной, апатичной мисс Петиции Кроуэлл для того лишь, чтобы дополнить свой домашний интерьер красивой женщиной. Это было равносильно тому, чтобы добавить к убранству обеденного стола экзотическую орхидею.

Правда же заключалась в том, что Рочестер отчаянно хотел обзавестись ребенком. И он решил жениться, произвести на свет сына и закрепить за ним право наследования своих земель, состояния и титула. Он поморщился даже сейчас, удивляясь глупости всего этого. И вульгарности. Секс ради удовольствия – это искусство. Но заниматься сексом в попытке произвести на свет орущего младенца... Рочестер скорчил презрительную гримасу.

Он никогда не думал, что может возникнуть проблема с тем, чтобы сделать ребенка. В конце концов, были же у него незаконнорожденные дети до того, как он женился, так почему же должны возникнуть с этим трудности после женитьбы? Поэтому он и ждал так долго, прежде чем связать себя с какой-нибудь глупой девчонкой, которой приходится повторять дважды, что, отправляясь с утренним визитом, бриллианты не надевают. Но он знал свой долг и поэтому, хотя и с большой неохотой, в конце концов, женился.

К сожалению, судьба обладает жестоким чувством юмора. И вот теперь он, находясь при последнем издыхании, женат на особе, у которой больше волос, чем ума, но не имеет ни одного законного сына, который мог бы унаследовать его богатство или хотя бы имя Рочестеров. Теперь это имя, которое он всеми правдами и неправдами превратил в нечто единственное в своем роде, уникальное и запоминающееся, обречено умереть вместе с ним.

Он взглянул на листок бумаги, который держал в руке. Ах да, список. Он с облегчением улыбнулся. Как-никак это была надежда.

Он исправит все, что сделал неправильно. Даже из могилы он поддержит престиж имени Рочестеров и сохранит дом во владении семьи. Это был дерзкий план. Но ведь и он... человек смелый.

Он улыбнулся, поморщившись от боли в плече. Дышать стало труднее. Пропади все пропадом, у него осталось слишком мало времени. Почему он ждал так долго?

Массивная дверь красного дерева, которая вела в покои герцога, открылась, и в комнату вошел высокий, хорошо ухоженный человек. Спокойный, преисполненный достоинства, он был одет в черное, как подобает дворецкому. В руке он нес серебряный поднос, накрытый льняной салфеткой.

Рочестер принимал на службу только самых элегантных слуг. Однако даже ему приходилось

признать, что его дворецкий, незаменимый Ривс, был сокровищем из сокровищ. Было в нем что-то на редкость величественное. Он был строен, темные волосы на висках чуть заметно тронуты сединой. А его хитроумный способ наведения глянца на штиблеты привлек внимание даже самого Бо Браммела!

У Рочестера был лучший в мире дворецкий, и весь высший свет знал это. Четыре раза только за последние два месяца другие представители титулованного дворянства предпринимали попытки переманить Ривса, но Рочестер знал цену этому человеку и платил дворецкому целое состояние.

Ривс поставил поднос на столик возле кровати. Потом он поднял серебряную крышку, под которой находился стакан, наполненный янтарной жидкостью.

Рочестер с надеждой взглянул на стакан:

- Бурбон?

- Именно так, милорд.

- Но Летти сказала, что вылила мой бурбон из окна!

- Если бы я знал, что затевает миледи, то, возможно, убедил бы ее поступить более благоразумно, а именно - отослать бурбон в вашу летнюю резиденцию. Увы, я опоздал.

- Проклятая девчонка! Везде сует свой нос!

- Леди Рочестер была расстроена тем, что вы отказались последовать доброму совету доктора, и продолжаете пить.

- Я, возможно, болен, но пока еще в уме.

- Именно так, милорд. К счастью для всех заинтересованных сторон, я только что вспомнил, что припрятал в погребе бутылочку бурбона на случай ухудшения отношений с Францией и прекращения поставок оттуда.

- Ривс, тебя мне сам Бог послал, - заявил Рочестер и, облизнув пересохшие губы, попытался приподняться и сесть.

Ривс помог ему, взбил подушку герцога, разгладил простыни, то есть произвел именно те манипуляции, которые делали его незаменимым.

Рочестеру потребовалось какое-то время, чтобы отдышаться после всех этих усилий, а Ривс тем временем извлек из кармана небольшой пузырек и накапал из него несколько капель в стакан с бурбоном.

- Остановись! - возмутился Рочестер. - Что ты делаешь?

- Добавляю в бурбон лекарство, милорд.

- Не хочу я этого проклятого снадобья!

Ривс спокойно взял чайную ложку и, позвякивая серебром о тонкое стекло, осторожно перемешал содержимое стакана.

- Не желаете бурбона, милорд? Совсем?

- Я желаю бурбон! Но не желаю этого мерзкого лекарства.

- Я вас понял, милорд. Как и доктор, которого вы приказали лакеям выставить из дома.

Рочестер понимал, что поступил грубовато, хотя шарлатан того заслуживал.

- Мне не нужно лекарство.

Ривс пристально смотрел на руку герцога. Рочестер осознал, что потирает ладонью грудь в надежде облегчить дыхание. Он опустил руку.

- Убери эту отраву! Я не буду пить ее сейчас.

Ривс положил ложку на поднос и снова накрыл серебряной крышкой стакан.

- Хорошо, милорд. - Он взял поднос. - Не хотите ли чего-нибудь еще? Может быть, немного хереса?

Рочестер с недовольным видом взглянул на дворецкого:

- Херес - это лошадиная моча с водой! Уходи. Мой камердинер Миллер принесет мне другой стакан бурбона.

- Ваш камердинер, конечно, принес бы вам стакан бурбона... если бы знал, где его найти. - Ривс спокойно направился к двери. - Только он этого, разумеется, не знает.

Рочестер громко и весьма живописно выругался. Дворецкий и бровью не повел. Как только приступ герцогского гнева пошел на спад, он спокойно произнес:

- Я скажу Миллеру, чтобы он принес вам теплого молока. У вас желчь разыгралась.

- У меня не разыгралась желчь, и ты это знаешь! Ладно, будь по-твоему, черт бы тебя побрал! Тащи сюда бурбон. Надеюсь, ты не загубил его окончательно этой отравой!

Стакан бурбона в мгновение ока оказался в руке герцога. Он недоверчиво понюхал содержимое и отхлебнул глоток. Теплая волна распространилась в его груди, а язык с наслаждением ощутил великолепный вкус бурбона.

- Ах-х!

Ривс улыбнулся.

- Микстура не слишком изменила вкус? Присутствие горького лекарства в бурбоне практически не ощущалось. Однако нельзя было допустить, чтобы Ривс стал излишне самоуверенным. Рочестер очень нуждался в его услугах и не мог этого позволить. Сейчас более чем когда-либо. Поэтому, вместо того чтобы согласиться, герцог брюзгливо промолвил:

- Сойдет.

Сделав еще глоток, Рочестер опустил стакан и взглянул на дворецкого:

- Я рад, что ты здесь, Ривс, потому что хочу кое о чем попросить тебя.

Ривс взял халат его светлости и аккуратно повесил в большой изящный гардероб.

- Я вас слушаю, милорд.

- Тебе платят больше, чем любому дворецкому в Англии.

- Да, милорд. И я того стою.

«В этом он прав», - раздраженно подумал Рочестер.

- Я не хочу сказать, что ты этого не заслуживаешь, а лишь констатирую факт: тебе хорошо платят.

- Очень любезно с вашей стороны разделить эти два понятия, милорд, - нараспев произнес Ривс.

Рочестер прищурил глаза.

- Это звучит саркастически.

Ривс чуть заметно улыбнулся:

- Сарказм сейчас в цене, не так ли? Возможно, мне следует просить прибавки к жалованью, поскольку я обладаю таким чувством юмора?

Рочестер пристально взглянул на него.

- Значит, мне следует платить тебе за сарказм?

- Я бы, скорее, назвал это компенсацией за то, что я мирюсь с вашим сарказмом, милорд.

Несмотря на боль в груди, Рочестер расхохотался:

- Пропади ты пропадом, Ривс! Тебя следовало бы выпороть на конюшне за твою наглость.

- Вы этого не сделаете, потому что я знаю, где спрятана последняя и единственная бутылка бурбона.

Лекарство и бурбон начали оказывать свое действие. Боль в груди герцога несколько поутихла, он расслабился и поставил пустой стакан на прикроватный столик.

- Ривс, я должен поговорить с тобой. Обо всем этом... - герцог широким жестом обвел комнату, имея в виду все имущество, - после того, как я умру.

- Я схожу за ее светлостью...

- Избави Бог! Зачем мне все эти кошачьи концерты? Ривс, как бы я хотел быть неженатым. Заметь, я ничего не имею против Летти. Просто если нет наследника, то мне вообще не было никакого резона жениться. - Герцог попытался улыбнуться. - А так получается ни то ни се. С тех пор как ты ко мне поступил, Ривс, ты выполнял многое такое, что выходило за пределы твоих должностных обязанностей.

- Спасибо, милорд. Я считал это своей привилегией.

- Поэтому я хочу, чтобы ты отыскал моего преемника. Руки Ривса, складывавшие простыню так, чтобы было удобнее лежать рукам герцога, застыли в воздухе.

- Простите, не понял, милорд?

- Я, черт возьми, умираю! И у меня нет времени для каламбуров.

У Ривса дрогнули губы.

- Милорд, независимо от того, имеете ли вы время на каламбуры или нет, мне потребуется более подробная информация, чем то, что вы мне сообщили.

Почему-то от его мягкого тона у Рочестера комок в горле образовался.

- Все очень просто: я хочу, чтобы ты нашел моего наследника и позаботился о том, чтобы он не посрамил имени Рочестеров.

- Вашего наследника, милорд?

Герцог снова взял листок, который он отложил при появлении дворецкого. Он развернул его и взглянул на список:

- Хотя я не смог родить ребенка, будучи в браке, судьба с лихвой вознаградила меня внебрачными детьми.

У Ривса брови поползли на лоб от удивления.

- Что вы говорите, милорд?

- Старший из моих незаконнорожденных сыновей станет следующим герцогом.

- Но... Извините меня, милорд, я несколько растерялся.

Герцог сделал глубокий вдох.

- Ривс, я недавно вспомнил, что уже был однажды женат.

Рочестер внимательно наблюдал за Ривсом, ожидая увидеть на его лице удивление, но Ривс лишь промолвил:

- Вот оно как!

Герцог не очень убедительно взмахнул рукой.

- Бракосочетание держалось в секрете, однако у моего секретаря имеются все касающиеся его подробности. Нашли священника, который совершал церемонию бракосочетания, и заставили его вспомнить это событие. Мы даже нашли регистрационную книгу, в которой была сделана соответствующая запись... но зачем тебе все эти подробности? Ты лишь должен знать, что мы обо всем позаботились.

- Понятно. Вашему сыну очень повезло. Как вы думаете, общество поверит этой истории?

- А куда деться-то? Тот священник теперь стал архиепископом Кентерберийским. - Рочестер фыркнул. - К тому же он человек вспыльчивый. Если вдруг появится откуда-нибудь какой-то

мой дальний родственник и попытается опровергнуть его слова, он выставит его из церкви под зад коленом. – Герцог усмехнулся. – Мне бы очень хотелось увидеть это своими глазами! Я бы, кажется, умирать подождать, лишь бы полюбоваться на это!

– Возможно, ваш сын насладится этим зрелищем за вас, милорд.

– Не сын, а сыновья. Близнецы. Имя старшего Тристан Пол Ллевант.

– Ллевант, – тихо повторил Ривс. – Это имя я слышал.

Герцог скорчил гримасу.

– Знаю, черт возьми. Этот болван сам себе сделал имя, а воспитанные люди так не поступают. Но теперь я уже ничего не могу с этим сделать.

– Понятно, милорд, – сказал Ривс, пытаясь вспомнить, где он слышал это имя раньше.

– Я действительно любил Полин и, если бы мог, спас ее от несправедливых обвинений в государственной измене. Вот что происходит в результате нетрадиционного воспитания. Ее отец был сторонником несостоятельных политических теорий и разрешал дочери читать всякую чушь.

– Чушь, милорд?

– Всякие политические глупости. Он умер до того, как я появился на горизонте, и это было очень хорошо. Она была самоуверенной и во всем строго придерживалась своего особого мнения, что отнюдь не добавляло ей привлекательности.

– Да уж, – согласился Ривс, – самоуверенность никого не красит.

Рочестер с подозрением взглянул на дворецкого:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего, милорд. Совсем ничего.

– Гм-м... Мы с Полин в конце концов расстались, хотя я присылал ей деньги на мальчиков. – Герцог нахмурил лоб. – Черт возьми, и почему Летти не смогла... хотя теперь это не имеет значения. – Он бросил на Ривса несколько виноватый взгляд. – Возможно, я навещал своих внебрачных детей реже, чем следовало, – вздохнув, сказал он. – Этого теперь уже не исправить. Но как я уже говорил, все шло хорошо, пока Полин не обвинили в государственной измене. Это было ужасно.

Ривс поправил подушку герцога.

– Я уверен, что вы сделали все, что должны были сделать, милорд.

– Меня в тот момент здесь не было. Я был за пределами Англии... – Рочестер недоговорил. Его переполняли эмоции.

– Милорд? – озабоченно окликнул его Ривс.

– Я был в Италии. Чтобы добраться домой, мне потребовалось несколько недель. Едва ступив на землю, я бросился к королю, но... опоздал. Она умерла в тюрьме за неделю до этого, а

мальчики исчезли. Испарились! Я пытался разыскать их, но безуспешно. Пока... - Рочестер стиснул губы.

- Пока? - напомнил ему Ривс.

- Пока я не прочел имя Тристана в одной мерзкой газетенке. Трудно передать, в каком я был ужасе, когда увидел, как имя моего собственного сына склоняют в газете, словно имя какого-то простолюдина!

- Понимаю, милорд.

Герцог попытался вспомнить своих сыновей, но воспоминания были весьма смутными.

- Кажется, я помню только, что они были красивые мальчики, хотя и совсем разные: один беленький, другой черненький.

- Если они внешностью пошли в Рочестеров, то, должно быть, действительно очень красивы.

- Все мои дети чрезвычайно хороши собой, - упрямо заявил Рочестер, надеясь, что так оно и есть.

- Все ваши дети, милорд?

Рочестер взглянул на список, который держал в руке, и щеки его чуть порозовели.

- Умирать - чертовски несправедливо! Взять, например, меня: один из столпов общества, все меня знают, я близкий друг принца - и полюбуйтесь, что со мной происходит! - Он сердитым жестом указал на свое исхудавшее тело. - Кто бы мог ожидать такого конца?

- Да, милорд. Зачем бы умирать хорошо одетому человеку?

Рочестер, прищурив глаза, с подозрением взглянул на него:

- Ты насмехаешься надо мной?

- Как можно, милорд! Просто меня удивляет, что вы полагали, будто никогда не умрете. Мы все умрем, милорд. Иначе это было бы противоестественно.

Герцог понурил голову.

- Я знаю, знаю. Просто... я еще многое не успел сделать! Я собирался устроить бал по случаю дня рождения Летти, на нем обещал присутствовать принц, так что бал стал бы сенсацией сезона... Но для всего этого уже нет времени. - Герцог протянул Ривсу список: - Держи. Это мои дети. Я собирался сам разыскать их, но... не получится.

- Одним из парадоксов жизни является то, что мы никогда не успеваем закончить свои земные дела. Сколько бы ни было нам отпущено времени, мы тратим его на дела, а когда все время вышло, дела все еще остаются. - Ривс развернул лист бумаги. - Я считаю, что такого понятия, как «достаточно времени», не существует, милорд. Для любого человека.

- Ты прав.

- Хотя... - Ривс взглянул на список, - возможно, некоторым делам следовало бы предоставлять первоочередность. Вы имели внебрачных детей, однако за все время моей службы у вас в доме

никогда о них не упоминали.

Рочестер смутился.

- Говорят, у герцога Ричмонда более дюжины незаконнорожденных детей. А у меня не так уж много – всего девять.

- Гм-м... Не тот ли это герцог, которого вы называете «принцем махинаций»?

Рочестер мрачно взглянул на дворецкого:

- Ну и память у тебя, черт бы тебя побрал!

- Минуту назад вы превозносили мою память, когда пили бурбон.

Герцог с трудом подавил улыбку.

- Ради Бога, не пытайся отвлечь мое внимание. Я приказал своему поверенному, мистеру Данстеду, узнать местонахождение этих детей. Каждому из них я оставляю кое-что в своем завещании – при условии, конечно, что они оказались достойными имени Рочестеров. – Герцог вздохнул и поморщился от боли. – Вот тут-то мне и потребуются твои услуги. Данстед отыщет их, а ты сделаешь из них цивилизованных людей.

- Цивилизованных? Но, милорд, я не...

- Ривс, это очень важно. – Рочестер беспокойно заерзал в постели. – Моих детей следует обуздать. Видишь ли, Тристан Пол Ллевант, следующий герцог Рочестер, некогда был пиратом.

Ривс удивленно вытаращил глаза, и герцог смог поздравить себя с тем, что впервые за двадцать лет службы Ривса ему удалось ошеломить дворецкого.

- Пиратом?

- Ну-у, он теперь больше не пират и называет себя капитаном дальнего плавания.

Ривс приподнял брови.

- Ллевант? Я действительно знаю это имя. Вся Англия его знает. Капитан Тристан Ллевант всего год назад был вместе с Нельсоном на борту «Виктории», во время Трафальгарского сражения. Я видел его имя в «Морнинг пост» и...

- Не напоминай мне, что он стал общественной фигурой. Это крайне невоспитанно с его стороны.

- Но, милорд, он герой! Правда, писали, что он некогда был капитаном каперского судна...

- Пиратом. И не пытайся подсластить горькую истину.

- Ладно, пусть будет пират, милорд. Но Нельсон добился для него помилования, и он смог участвовать вместе с адмиралом в битве при Трафальгаре. Это многое говорит о его характере.

- Этот дурень называет себя капитаном дальнего плавания, что немногим лучше, чем обычный пират. Я не удивился бы, если бы оказалось, что следующий герцог копается зубочисткой в зубах за столом и редко моется.

- Многих ли капитанов дальнего плавания вы знаете, милорд?
- Я встречал, например, этого самого Нельсона. Он присутствовал на одном светском рауте. Насколько я понимаю, это грубый мужчина невысокого роста. Ни манер, ни изящества.
- Надеюсь, вашему капитану дальнего плавания повезло больше. Представители семейства Рочестеров отличаются изяществом.
- Это так, но если то, что выяснил Данстед, правда, то следующий герцог имеет увечье. Ну почему ему так не везет? Мало того, что он капитан дальнего плавания, так еще это увечье! Остается лишь надеяться, что он не изуродован страшными шрамами. Это было бы уже слишком.
- Об этом я тоже читал, - сказал Ривс, еще не оправившийся от потрясения. - Не знаю, насколько серьезно увечье, но оно заставило его уйти в отставку.
- Гм-м... Ну что ж, мне остается лишь надеяться, что он возьмется за ум и согласится выполнить мои условия получения наследства.
- Прошу прощения, милорд, но вы говорите об этом так, словно совсем недавно лично разговаривали с ним.

Герцог смущенно пощипывал пальцами покрывало.

- Милорд?
- Да, да! Я тебя слышу! Я написал этому парню. А что мне оставалось делать, когда я понял, что не оправлюсь после своей болезни?
- Можно поинтересоваться, что он ответил?
- Нет.
- Понятно. Тогда скажите, что именно вы ему написали?
- Я сказал ему, что, надеюсь, ему известно, что от него потребуется, когда титул будет принадлежать ему... Он ответил мне чрезвычайно грубо.

Ривс вздохнул:

- Милорд, это очень трудная задача.
- Ничего особенно трудного я в ней не вижу, - брюзгливо возразил Рочестер, который вдруг почувствовал себя очень усталым. - Просто найди Ллеванта и убеди его надеть на себя мантию герцога. Потом научи его всему, что требуется, чтобы носить ее с изяществом и достоинством хорошо воспитанного человека, как это делал я.
- Но... если он является капитаном дальнего плавания...
- Если ты не добьешься своего, из него ничего не получится. Титул и земли будут принадлежать ему, но состояние получит его брат, если, конечно, он тоже станет более цивилизованным человеком. Тогда необходимо заставить его принять на себя эти обязанности. Я не хочу, чтобы величие имени Рочестеров, которого я добился, продлилось всего одно поколение.

- Понимаю, милорд.

Герцог откинулся на подушки с явным облегчением.

- Спасибо, Ривс, я знал, что ты меня не подведешь. Когда я умру, твое жалованье увеличится вдвое. Как только ты закончишь превращение старшего сына в настоящего Рочестера, тебе придется приняться за Кристиана, младшего, и проделать с ним то же самое. Это будет не слишком трудно. Уверен, что все мои дети отличаются превосходной сообразительностью.

Ривс аккуратно сложил список.

- Мистер Данстед отыскал их всех?

- Еще нет. - Герцог зевнул. - Боюсь, что мой второй сын скрывается. Есть кое-какие основания считать, что он еще более - как бы это сказать? - «знаменит», чем его брат.

- Более знаменит? Чем герой морского сражения?

- К сожалению, это так. - Герцог сжал губы. - Данстед объяснит тебе это.

- Милорд, мне не хотелось бы спрашивать об этом, но нет ли у кого-нибудь из ваших сыновей склонности к насильственным действиям? Не сочтите это проявлением неуважения. Это всего лишь вопрос личной безопасности.

- Пусть даже мои сыновья не умеют одеваться, но они все же мои сыновья. Ни один Рочестер никогда не был замешан ни в каких дурно пахнущих делах.

- Спасибо, вы меня очень успокоили, - сухо промолвил Ривс.

Герцог снова зевнул, глаза его полузакрылись.

- Происхождение всегда скажется.

- Разумеется, милорд. - Ривс сунул список в карман и стал сдвигать тяжелые шторы балдахина.

- Вам надо отдохнуть, милорд.

- Спасибо, Ривс. Я буду крепче спать, зная, что ты работаешь над ликвидацией пробелов в воспитании наследников славного имени Рочестеров. - Герцог с трудом поднял отяжелевшие веки. - Ах да, чуть не забыл. В дополнение к твоему жалованью я предоставлю тебе щедрое ассигнование, которое ты сможешь тратить по своему усмотрению. Возможно, тебе потребуется взять с собой еще несколько человек.

- Зачем, милорд?

- Не думаю, что у капитана дальнего плавания имеется приличный повар или камердинер.

- Возможно, у него есть и то и другое, - сказал Ривс, притемняя свет лампы.

Рочестер едва ли услышал его слова. Лекарство в сочетании с бурбоном оказало свое действие: он засыпал. Он сделал все, что от него зависело, чтобы направить работу в нужное русло, и был уверен, что его дворецкий Ривс позаботится обо всем остальном.

Ривс всегда умел это делать.

Воздерживайтесь от непреодолимого желания слишком сильно накрахмалить галстук своего хозяина или испачкать его штилеты в отместку за реальное или воображаемое проявление неуважения с его стороны. Если вы чувствуете, что обязаны высказаться, то разумнее всего сделать это, когда джентльмен принимает пищу. В это время он бывает настроен более миролюбиво, да и рот у него обычно занят. Проницательный дворецкий должен знать, как воспользоваться этим весьма благоприятным обстоятельством.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Волны с грохотом разбивались о скалистый берег. На вершине высокого утеса, нависшего над океаном, стоял большой дом. Построенный из местного черного камня, такого же, как скалы, расположенные вдоль всей береговой линии, он был бы почти незаметен, если бы не густой дым, валивший из всех трех труб.

Капитан Тристан Пол Ллевант стоял перед домом, уставившись на бушующие темные волны внизу, завороченный, как всегда, их неистовством. Ветер трепал полы его плаща, облепляя ноги влажной тканью. Тупая боль пронзила ногу от пятки до колена, и он крепко сжал бронзовый набалдашник ненавистной трости.

«Проклятие! Даже стоять больно», – сердито проворчал капитан, крепко обругав раненую ногу.

Он сделал глубокий вдох, набирая в легкие влажный воздух океана и словно пополняя им запас жизненной энергии.

За спиной послышался звук хлопнувшей двери. Мгновение спустя появится кто-нибудь из его людей – якобы для того, чтобы спросить о чем-то. С тех пор как он был ранен, члены его экипажа – те, кто с ним остался, – взяли за обыкновение обращаться с ним как с презренным салагой, только что попавшим на судно, у которого молоко на губах не обсохло.

Это его раздражало, напоминая о первых днях службы, когда он был всего лишь неопытным новичком и не понимал, что означает «находиться в море». Сначала он сопротивлялся. Он всеми силами пытался бороться с судьбой. Он был опечален, напуган и сходил с ума от тревоги за Кристиана...

Нет, о тех днях лучше не вспоминать. Лучше вспомнить о том, что было дальше. Когда он, наконец, смирился с морем и жизнью на борту судна.

Хотя он возненавидел своего первого капитана, человека грубого и несправедливого, который имел обыкновение бить членов экипажа за малейшую провинность, Тристан полюбил жизнь в море и бушующий океан, который некогда так пугал его.

Капитана Рейнолдса Тристан не любил, но навсегда сохранил хорошие отношения с его экипажем. Многие люди из той первой команды были до сих пор с Тристаном, пройдя вместе с ним сквозь штормы и штили в сотнях миль от берега, когда кончаются запасы пресной воды. Это были верные, мужественные люди, которые вместе с ним боролись с мародерами всех мастей и габаритов.

Губы его дрогнули в улыбке. Некоторые проклинали пиратов, и он был уверен, что среди пиратов действительно встречаются недостойные люди. Однако Тристану, которого схватили на берегу и насильно заставили служить на судне под командованием грубого капитана,

склонного к рукоприкладству, пиратство не казалось таким ужасным занятием, как это могло быть при других обстоятельствах.

Капитан Баллалье, командир пиратского судна, был некогда французским морским офицером. Он занялся пиратством, чтобы расплатиться с карточным долгом, и решил пополнить свой экипаж английскими моряками. Обещание хорошей добычи, сытной пищи и милостивого хозяина было слишком заманчивым, чтобы его упустить. Так Тристан совершил безболезненную трансформацию из английского моряка в морского разбойника.

Тристан смотрел на ревущий океан невидящим взглядом. Он не был святым и совершал в жизни поступки, о которых теперь жалел. Ведя эту безнравственную жизнь, он был удачлив, и, в конце концов, капитан Баллалье, захватив одно судно, отдал его Тристану. Так они и держались рядом до тех пор, пока в разгар одного особенно трудного abordage шальная пуля не угодила в грудь капитану Баллалье. Если бы не тот случай, Тристан, возможно, до сих пор бороздил бы моря в поисках какого-нибудь соблазнительного судна, так и напрашивающегося на то, чтобы его захватили.

Однако после смерти Баллалье боевой задор покинул Тристана, и он бесцельно утюжил моря. Члены команды были недовольны, потому что им платили только тогда, когда удавалось взять богатую добычу. Если бы он не захватил возле Гибралтара одно судно и не встретился с адмиралом Нельсоном, его жизнь повернулась бы совсем по-другому. Нельсон разглядел в Тристане что-то такое, ради чего его стоило спасать. Чтобы отплатить адмиралу, Тристан пообещал, что его судно и экипаж будут участвовать в Трафальгарском сражении. Это была потрясающая победа, но какой ценой она досталась? Нельсон погиб, множество людей были покалечены или смертельно ранены.

Ветер взъерошил волосы Тристана. Он закрыл глаза, позволив влажному воздуху гладить кожу. Если стоять очень спокойно, то начинало казаться, будто земля движется, словно корабль во время штиля. Он почти слышал поскрипывание и потрескивание такелажа, ощущал запах смолы и вара от только что надраенной палубы. Задумавшись, Тристан перенес тяжесть тела на пятки...

От резкой боли в ноге искры посыпались из глаз.

- Проклятие!

- Капитан! - воскликнул первый помощник Стивенс, хватая его за предплечье.

Тристан стряхнул с себя его руку.

- Иди ты знаешь куда, Стивенс! Мне не нужна нянька.

- Знаю, капитан. Просто я не хотел, чтобы вы свалились через борт, словно пустой бочонок. С этого утеса довольно высоко падать.

Стиснув зубы, Тристан осторожно переместил вес тела на всю ступню, тяжело опираясь на трость.

- Падение с утеса мне не угрожает, дуралей ты этакий. Возможно, я не способен прочно стоять на своей увечной ноге на палубе судна в открытом море, но по суше вполне могу передвигаться без посторонней помощи!

Ответом на его взрыв негодования было молчание. Тристан, даже не глядя, знал, что у его

первого помощника обиженно вытянулась физиономия. Черт возьми, он не хотел ранить чувства этого человека. Тристан мысленно обругал себя за неуравновешенный характер.

- Извините, что побеспокоил вас, капитан, - произнес Стивенс страдальческим тоном. - Я не хотел...

- Конечно, - коротко сказал Тристан, с нетерпением ожидая, когда же боль в ноге пойдет на убыль. - Все дело во мне. У меня немного сдали нервы. Эта погода... - Он прижал руку к бедру.

Стивенс кивнул:

- Понятно, капитан. Шкипер Гунтер Теруэлл тоже жаловался нынче утром на боль в руке.

- Теруэлл слишком часто жалуется на свою поврежденную руку, хотя доктор сказал, что все у него в порядке.

- Я это заметил, - сказал Стивенс, глядя на океан, и при виде волн лицо его немного расслабилось. Он понюхал воздух: - Норд-вест поднимается.

- Да-а. И очень сильный, если не ошибаюсь. - Тристан взглянул на низенького первого помощника и криво усмехнулся. - В такие дни мне особенно не хватает моря. Оно бы раскачалось под нами и задало нам веселенькую жизнь.

- Что правда, то правда, капитан, - мечтательно сказал Стивенс. - Экипаж и я сам уже не те, как тогда, когда были моряками. - Он прислонился спиной к одинокому дереву на краю утеса и натянул плотнее вязаную шапочку, прикрывающую растрепанные седые волосы. Глаза его смотрели печально. - Я и не подозревал, как много значило для меня быть первым помощником, пока все не кончилось. Сегодня ты моряк, а завтра... - он развел руками, мозолистые пальцы заметно дрожали, - завтра ты никто. И мне это не нравится.

Тристан стиснул зубы. Что-то происходит с человеком, когда судьба вынуждает его расстаться с морем и ковылять по суше, подобно простому смертному. Это заставляет чувствовать себя опустошенным. Бесполезным. Именно из-за этого он и не спал. Вернее, спал плохо.

Единственное место, где он был в ладу с собой, находилось здесь, на краю утеса, где он чувствовал порывы ветра, приносившего водяную пыль. Если закрыть глаза, можно было вызвать в памяти звуки и ощущения и притвориться, будто ты снова находишься в море.

Он нечаянно перенес вес тела на больную ногу, вызвав сильную боль, но был даже рад этому, потому что боль позволяла заполнить пустоту в душе, отвлечь мысли от вереницы пустых дней, предстоящих ему в будущем.

- Силы небесные, капитан! - воскликнул Стивенс. - Задрать люки! В нашем направлении движется Леди Воительница собственной персоной, и, судя по всему, она готова дать по нам залп.

Тристан посмотрел в направлении взгляда Стивенса. Там, на колдобистой тропинке, ведущей в огород, появилась знакомая фигурка. Женщина была миниатюрная, на голову ниже даже Стивенса. Она энергично шагала, не глядя себе под ноги, а это означало, что путь хорошо ей знаком.

Дойдя до калитки, она отодвинула задвижку, вошла в огород и аккуратно закрыла за собой калитку. Ветер трепал подол ее голубого плаща, потом облепил лапами ноги, обутые в

сапожки, и попытался взлохматить собранные в тугий пучок волосы.

Тристан взглянул на Стивенса:

- Мне казалось, что мы решили поставить замок на калитке.

- Я помню, но до этого еще очередь не дошла, капитан. - Тристан так взглянул на него, что Стивенс торопливо добавил: - Я хочу сказать, что позабочусь об этом сегодня же.

Тристан кивнул. Когда он купил этот дом на утесе, он и его люди были здесь единственными жителями в радиусе нескольких миль. По правде говоря, если не считать заброшенного дома, почти скрытого от глаз зарослями кустарника, который стоял в полумиле отсюда, никаких строений рядом не было.

Тристану нравилась эта уединенность, и у него появилось дурное предчувствие, когда однажды утром, взглянув на море, он заметил, что фасад заброшенного дома очистили от зарослей куманики. В его райском уголке появились непрошенные гости. А три месяца назад перед домом остановился тяжело нагруженный экипаж, из которого вышли две женщины и их слуги. Жизнь Тристана явно изменилась к худшему.

- Не понимаю, зачем она является сюда?

Стивенс скорчил гримасу.

- Возможно, вы ей понравились.

- И она решила привлечь мое внимание, украв мою овцу и обвинив во всем меня? Что-то не верится.

- Наверное, вы правы, - согласился Стивенс, с явным интересом наблюдая за приближающейся женщиной. - Говорят, молодой доктор не прочь зайти в этот порт. - Стивенс приподнялся на цыпочки, когда визитерша на мгновение скрылась из виду за большим тисовым деревом. - Говорят, доктор влюбился и хотел бы жениться на вдовушке - я имею в виду на молодой, а не на ее мамаше.

Тристан строго глянул на Стивенса:

- Ты обладаешь сверхъестественной способностью собирать всякие глупые сплетни. Жаль, что нас никогда не посылали шпионить за французами. Уверен, благодаря твоим умениям война закончилась бы скорее.

- Это одно из моих многочисленных превосходных качеств, - невозмутимо заявил Стивенс. - Ага! Вот она снова появилась. Идет на всех парусах прямо по курсу. - Стивенс покачал головой. - Помогите вам Господь, капитан, но миссис Тистлуэйт явно настроена решительно. Должно быть, эти проклятые овцы снова что-нибудь натворили.

Тристан оглянулся через плечо на женщину, которая, двигаясь против ветра, приближалась по тропинке. Несмотря на энергичные движения, она выглядела довольно беспомощной с этим личиком в форме сердечка и каштановыми волосами, собранными в строгую высокую прическу, одна-две кудряшки из которой выбились и упали на лоб.

О ее фигуре было трудно что-либо сказать, потому что он никогда не видел ее без просторного плаща, хотя нежные черты лица и изящная форма рук позволяли предполагать, что и с

фигурой у нее все в полном порядке, как на корабле, готовом к выходу в море.

Разумеется, ему это было безразлично. Его абсолютно устраивало, что он одинок, а свою похоть, если приспичит, он удовлетворял, наведываясь время от времени в маленький городишко у подножья холма. Там в гостинице работали две пышнотелые веселые служанки, любую из которых, а то и обеих вместе можно было заполучить в свое распоряжение, лишь бы было чем заплатить.

К тому же он сразу понял, что это за особа. Она принадлежала к тому типу женщин, на которых женятся, чтобы в доме были хорошо выбитые ковры, и была горячая пища, а за это они согласны слушать бесконечную болтовню за обеденным столом. Тристан любил есть молча. А что касается ковров, то кого волнует, хорошо ли они выбиты, если они все равно под ногами?

Дойдя до конца тропинки, она остановилась перед ним. Ее фигура и выражение лица говорили о крайней степени раздражения.

Окинув ее взглядом, Стивенс весело кивнул:

- Здравствуйте, миссис Тистлуэйт. Что привело вас сюда в такой день?

- Я пришла, чтобы поговорить с капитаном.

Тристан взглянул на Стивенса:

- Займись этим.

- Ну уж нет! - Гостья сложила на груди руки, затянутые в перчатки. - Капитан Ллевант, я пришла, чтобы поговорить с вами, а не с кем-то другим.

- Этого я и опасался.

Тристан, несмотря на раздражение, вдруг обратил внимание на ее глаза - широко распахнутые и чуть приподнятые у висков, они были поразительного темно-карего цвета, словно самые темные волны штормового моря. Они были опущены очень густыми ресницами и смотрели из-под бровей идеальной формы.

- Вам известно, о чем я собираюсь поговорить с вами?

Стивенс, наклонившись к Тристану, сказал якобы шепотом, но на самом деле почти в полный голос:

- Капитан, я уверен, что речь снова пойдет об овцах. Одна из них повадилась ходить в огород леди.

Тристан пожал плечами:

- Что она хочет от меня в связи с этим? Овец нельзя привязывать. Их может задрать волк.

Стивенс развил эту мысль далее:

- Конечно. Как их привяжешь? Если использовать веревку, они ее съедят. А на цепь посадить их нельзя, потому что цепь натрет их тоненькие ножки. Надо сказать ей, что мы не можем...

Леди всплеснула руками.

- Перестаньте разговаривать обо мне, как будто меня здесь нет!

Стивенс перевел взгляд с леди на капитана:

- Капитан, вам не показалось, что мы разговаривали с миссис Тистлуэйт, как будто ее здесь нет?

Тристан сделал вид, что обдумывает ответ, сознавая, что раздражение леди увеличивается с каждой минутой. Чтобы разозлить ее еще больше, он позволил своему взгляду медленно прогуляться по ее фигуре, задержавшись на тех местах, где под широким плащом угадывались округлости.

- Нет, - ответил он наконец, - я не думаю, что мы разговаривали с ней, как будто ее здесь нет, поскольку, если бы ее здесь не было, мы бы вообще не разговаривали ни с ней, ни о ней.

- Вот как? - воскликнула она, уперев в бока руки. - Капитан, я могу пожаловаться констеблю!

Тристан вздохнул.

- Очень хорошо, миссис Тистлуэйт. - Он сунул руку в карман и достал трубку. - Расскажите мне о прегрешениях моего неуправляемого домашнего скота. Надеюсь, овцы не пьянствуют? Я не допущу появления моих овец на публике в нетрезвом виде.

- Перестаньте говорить чепуху. - Она с неодобрением взглянула на его трубку: - Вам обязательно это делать?

- Да. - Он набил трубку табаком и убрал в карман кожаный кисет.

Она поджала губы.

- Капитан Ллевант, я переехала в эти места, чтобы создать здесь учебное заведение для юных леди. Мы с матерью трудимся, не покладая рук, чтобы все подготовить, в том числе выложить плиткой дорожку в огороде. Но мы не сможем ничего сделать, если эта овца будет продолжать забредать к нам, поедать зелень и доводить до истерики нашу экономку.

Прикрыв одной рукой трутницу от ветра, Тристан раскурил трубку. Из нее поднялся ароматный дымок, который сразу же отнесло в сторону ветром.

- Знаете, что сделал бы я, если бы какая-нибудь овца доводила до истерики мою экономку? Я бы немедленно отделался от экономки. Она явно не способна выполнять свои служебные обязанности. Жаль, что вы не на корабле. Там вы могли бы протащить ее под килем в наказание, чтобы впредь было не повадно устраивать истерики.

- Капитан Ллевант, ваше зубоскальство неуместно.

Он вскинул брови.

- Миссис Тистлуэйт, я не хотел и не хочу, чтобы вы находились здесь. Более того, я не желаю вам успеха в усилиях, направленных на то, чтобы преумножить число созданий женского пола в этом мирном уголке земли.

Она вздернула подбородок.

- Так, значит, вы для этого запускаете овец в наш огород? Хотите заставить нас уехать?

- Я не хочу, чтобы вы находились здесь, это правда. Но не настолько, чтобы запускать куда-нибудь свою овцу. Все мои овцы помечены и пасутся, не нарушая закона графства. Они могут гулять там, где пожелают.

- Но ведь кто-то запускает их в наш огород! Они не могут сами открывать калитку.

Он взглянул на возмущенное лицо. По правде говоря, он сожалел о том, что его овцы плохо ведут себя. Он купил их для того лишь, чтобы чем-то занять своих людей.

Покинув судно, Тристан не собирался продолжать нести ответственность за свою команду. Но так уж получилось, что когда он поселился в доме на утесе с одним Стивенсом, туда начали «подгрести» члены его экипажа – по одному, а то и по два человека сразу. Сначала все шло хорошо, но каждому морскому капитану известно, как опасна праздность. Чтобы предотвратить проблемы, которые могли возникнуть в связи с этим, он постарался найти своим людям какие-то занятия, в том числе поручил им ухаживать за овцами, работать на кухне, драить сверху донизу их коттедж и выполнять другую работу, которую они со Стивенсом считали необходимой.

- Мадам, – сказал Тристан, попыхивая трубкой, – возможно, вам это невдомек, но я капитан. А капитаны не занимаются овцами.

- В таком случае кто занимается?

- Стивенс!

Первый помощник с готовностью сделал шаг вперед:

- Слушаю, сэр!

- Выслушай за меня эту женщину. Прошу тебя, сделай так, чтобы ей не казалось, будто ты не уделяешь ей должного внимания. А я вернусь в дом. Там теплее. – Тристан повернулся и зашагал к дому, слегка опираясь на трость.

Голубой плащ, взметнувшись, моментально преградил ему дорогу. Миссис Тистлуэйт снова стояла перед ним, на сей раз раскинув в стороны руки, чтобы не дать ему пройти. Тристан покачал головой, пораженный бесполезностью ее попытки. Поистине у этой женщины упорства было больше, чем... чем у любого из известных ему людей. И еще она была весьма миловидная, если не обращать внимания на то, что у нее почти всегда был нахмурен лоб.

Она снова остановила взгляд огромных карих глаз на его лице, и он заметил, что глаза ее сердито сверкают. Странно, но при виде этого его собственное плохое настроение значительно улучшилось.

- Капитан Ллевант, я не желаю разговаривать с вашим слугой. Я всегда говорю с мистером Стивенсом, но от этого ничего не меняется. Моему терпению пришел конец.

- Ваше терпение меня не касается.

- Вот как? Да вы... вы...

- Великолепный довод. Все равно, что отстреливаться горохом в ответ на орудейный залп.

Уверен, что вы можете сказать что-нибудь более вразумительное. – Тристан и сам не знал, зачем злит хорошенькую вдовушку, но это было весьма приятное времяпрепровождение. Видимо, плохи были его дела, если он одновременно ненавидел эти пререкания с ближайшей соседкой и испытывал от них удовольствие.

Она опустила руки, но ее поза демонстрировала крайнее раздражение.

– Я пришла не для того, чтобы обмениваться любезностями с вашим первым помощником или обсуждать пушечное мясо.

– Залп. Пушечный залп.

– Называйте это как хотите.

– Мадам, я уже говорил и повторяю снова: это не моя проблема. Закройте эту проклятую калитку. И покрепче. И все будет в порядке.

Она топнула ногой, причем ее сапожок угодил в лужу, забрызгав грязью изумрудно-зеленые юбки, едва видневшиеся из-под мешковатого голубого плаща.

– Капитан, калитка была закрыта. Крепко.

– Значит, моя овца прыгает в ваш огород через забор?

– Да. Белая с черной мордой.

Тристан оглянулся через плечо:

– Стивенс, у меня есть белая овца с черной мордой?

Стивенс, наморщив лоб, почесал подбородок.

– Гм-м... Похоже, я недавно видел одну такую.

– Может ли именно эта овца перепрыгнуть через забор такой высоты, как тот, которым обнесен огород миссис Тистлуэйт?

– Нет, клянусь могилой Питера, погибшего в море, – воскликнул первый помощник и чуть не расхохотался, представив себе такую картину.

Она нахмурилась, но не успела ничего сказать. А Тристан продолжил:

– Стивенс, может ли овца летать?

Стивенс фыркнул.

– Но может быть, овцы умеют ползать? Может ли овца проползти под калиткой?

– Конечно, нет! Они слишком толстые. Овца даже в открытую калитку протискивается с трудом.

Полные губы миссис Тистлуэйт сложились в сердитую гримасу.

– Капитан, не знаю, как ваша овца умудряется пробираться через мой забор, но она это делает.

А потом она отправляется напрямиком на грядку с пряной зеленью и ощипывает ее дочиста.

- Стивенс?

- Да, капитан.

- У нас есть огород?

Стивенс огляделся вокруг и поморгал.

- Да. Вы стоите как раз в его центре.

Тристан затаился трубочкой и окинул взглядом траву по обе стороны тропинки.

- Это пряная зелень?

- Да. В том числе и она.

- Скажи, наши овцы пробираются через забор, чтобы есть эту зелень?

- Нет, капитан. Не припомню, чтобы такое случилось.

- Гм-м. - Тристан заметил, как лицо вдовушки заливается краской. Возможно, ему нравилось дразнить ее именно потому, что она казалась такой безупречной с этой своей строгой прической, в плаще, застегнутом по горло, с решительно стиснутыми губками, которые так и напрашивались на то, чтобы их попробовали на вкус.

Он поймал себя на том, что пристально смотрит на ее рот. Нижняя губа, более полная, чем верхняя, была нежно округлена. Интересно, такая ли она чувственная, как выглядит, и как бы она отреагировала, если бы он ее поцеловал?

Потрясенный направлением, которое приняли его мысли, Тристан заставил себя вернуться к действительности.

- Миссис Тистлуэйт, овцы не перепрыгивают через надежные заборы, они не проползают под закрытыми калитками и не взлетают в воздух, чтобы приземлиться посередине огорода. У меня самого имеется огород, но овцы никогда на него не покушаются, поэтому я считаю, что для ваших претензий нет никаких оснований. Вам придется решать овечий вопрос своими силами.

- Капитан, - ледяным тоном сказала миссис Тистлуэйт, - я вижу, что, явившись сюда, зря потратила время.

- Вы не только зря потратили время, но еще сделали себя нежеланной гостьей. Если вы будете продолжать надоедать мне, я научу своих собак каждое утро загонять всех этих глупых овец на вашу территорию. Тогда у вас и впрямь появятся основания для жалоб.

- Ушам своим не верю! Да как вы смеете? - Она расправила плечи, глаза ее засверкали. - Вы, сэр, не джентльмен.

«Не джентльмен». Эти слова так и вспыхнули в его мозгу. Его отец был джентльменом.

- Я никогда не желал быть джентльменом. Не желаю сейчас. И не пожелаю в дальнейшем. Судя по моему опыту, с джентльменами не стоит знаться.

- Сомневаюсь, что вы знали многих джентльменов.

- Больше, чем хотелось бы, – грубо обрезал он, начиная злиться. – А как насчет вас? Если я не джентльмен, то вы-то разве леди? Вы непристойно ведете себя, являясь к одинокому мужчине без сопровождения. Что-то не вижу с вами дуэньи!

Глаза ее чуть затуманились... уж не обидел ли он ее? Тристан немедленно пожалел о своих необдуманных словах, ведь он хотел лишь сделать выпад, а не ранить. Но он не успел ничего сказать, потому что она повернулась и пошла прочь. Она стала торопливо спускаться по тропинке, направляясь к калитке и далее – к спасительному укрытию под крышей своего дома.

Первый помощник смотрел ей вслед.

- Темпераментная женщина.словно штормовое море. И такая же непредсказуемая.

В его словах чувствовалось восхищение. Тристан и сам не мог не восхититься силой духа, проявленной молодой леди. И ее губами... так мило изогнутыми и такими пухленькими.

- Интересно, какая она под складками этого вечно окутывающего ее мешковатого плаща? Может, она толстуха?

Он не заметил бы, что произнес эти слова вслух, если бы Стивенс не покачал головой.

- Опомнитесь, капитан! Ничуть она не толстая! Фигурка у нее аккуратненькая, но все, что нужно, при ней, как и положено настоящей женщине. Все в ажуре. Сказать по правде, она... – Поймав удивленный взгляд Тристана, Стивенс покраснел до корней волос.

- Когда это ты видел миссис Тистлуэйт без плаща? Лично я никогда не видел ее без этой проклятой хламиды.

- Это было тогда, когда вы попросили меня привести доктора для мистера Теруэлла. Доктор в это время находился в доме вдовы.

Пропади он пропадом этот доктор. Однако... интересно было бы узнать, почему она так остро прореагировала на его поддразнивание. Она как-то сразу сникла, словно ветер упал и перестал надувать паруса. Он озадаченно нахмурил лоб. Эту загадку следовало разгадать.

- Капитан? – неожиданно окликнул его Стивенс, смотревший с края утеса вниз на дорогу из деревни, которая вилась по склону холма.

- Да? – с рассеянным видом откликнулся Тристан. Его мысли все еще были заняты миловидной вдовушкой и ее тайнами.

- Вам лучше подойти сюда и взглянуть самому. Тристан вздохнул и заковылял к первому помощнику, остановившись по дороге, чтобы выбить о камень трубку.

- Ну, в чем дело?

- Видите, сэр? Два экипажа и три фургона, битком набитые людьми и пожитками, поднимаются по дороге сюда.

Тристан нахмурился еще сильнее. Кому, интересно, придет в голову приезжать к нему с визитом в такой день, как сегодня? И кто вообще может явиться с визитом с подобным антуражем? Первый экипаж был запряжен шестеркой великолепных лошадей, с трудом

одолевающих извилистую дорогу, ведущую на утес. Он заметил, что к роскошному экипажу был приторочен ремнями солидный багаж в виде многочисленных сундуков и чемоданов. Пока Тристан размышлял, кому бы мог принадлежать этот громоздкий экипаж, он увидел чуть блеснувший под затянутым тучами небом гербовый щит на боку экипажа.

У Тристана кровь застыла в жилах. Он знал единственного человека, который обладал такими великолепными экипажами и лошадьми. Единственного человека, который мог приехать, не сообщая заблаговременно о своем прибытии, и привезти с собой целую толпу слуг, которые удовлетворяли бы все его желания и прихоти. Однако ожидать приезда именно этого человека можно было меньше всего.

Или все-таки можно было ожидать этого? Тристан, сердце которого отбивало бешеный ритм, выпрямился и повернул назад к дому.

- Кто бы это ни был, им потребуется еще час, а то и более, чтобы пришвартоваться к берегу. У нас достаточно времени, чтобы подкрепиться чем-нибудь существенным по случаю холодной погоды.

Стивенс улыбнулся щербатым ртом.

- Пинту нашего излюбленного?

- Или две, - сказал Тристан, ускоряя шаг, насколько позволяла ему хромота. Нога от холода разболелась еще сильнее. Кто бы ни приехал к нему с визитом, ему будет оказано то же гостеприимство, что и любому другому, - то есть никакого гостеприимства он не дожидается.

Ему не нужны были люди, кроме тех, кого море уже выбросило на его берег. Тех, кого он понимал. Тех, кому он был готов помочь. Что касается всех остальных, то ему хотелось лишь, чтобы его оставили в покое.

Он надеялся, что пассажир экипажа не ожидает от него гостеприимства, потому что он его не получит, будь он хоть трижды герцогом. Только не от Тристана. Ни за что.

Глава 3

Ваш долг позаботиться о том, чтобы хозяин и все, что его окружает, выглядели самым наилучшим образом перед людьми, равными ему по положению. Хороший дворецкий не успокоится, пока каждая ложечка не окажется на своем месте, пока столовое белье не будет выглажено и накрахмалено, полы не будут натерты до блеска, а бренди разлито по бокалам. Упорство и труд все перетрут.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Пруденс отправилась домой, громко топая сапожками по каменистой тропинке. Что он за человек! Невыносимый, грубый, наглый, возмутительный и еще того хуже. А она ведь всего лишь попросила его держать своих глупых овец на собственной территории. Почему бы ему просто не выполнить ее маленькую просьбу?

Но он отнесся к ее просьбе с полным безразличием. Возможно, он не смеялся над ней, когда сказал, что держать овец в загоне по закону не требуется. Это, конечно, было крайне глупо. Жизнь в деревне многому ее научила. В том числе она узнала, например, о несовершенстве некоторых законов.

Она свернула на дорожку, ведущую через огород, и сразу же почувствовала аромат мяты в свежем воздухе. Ветер танцевал вокруг, шурша опавшей листвой.

Пруденс подошла к входной двери. Выкрашенная в красный цвет, она соответствовала ее настроению. Сердито нахмурясь, она взялась за холодную бронзовую ручку и решительно повернула ее. Дверь со скрипом распахнулась. Она переступила порог, а ветер с силой захлопнул дверь за ее спиной. Резкий звук эхом отозвался во всем доме.

- Пруденс? - окликнула ее мать, выходя из гостиной и встревоженно глядя на нее кроткими зелеными глазами. Ее мягкие каштановые волосы были лишь немного тронуты сединой на висках. - Пруденс! Почему ты так сильно хлопнула дверью?

Пруденс развязала ленты шляпки и положила ее на столик под вешалкой, на которую повесила шарф.

- Дверь захлопнул ветер. Надеюсь, это тебя не испугало?

У матери явно отлегло от сердца. Она разгладила юбки и улыбнулась.

- Нет, что ты! Я просто подумала, что ты чем-то взволнована.

- Я? Взволнована? Что за странная мысль!

Нельзя сказать, что ей совсем не хотелось хлопнуть дверью, - ей этого очень хотелось. Но в ответ на наглое поведение капитана такой примитивной выходки было мало. Здесь требовалось что-нибудь более продуманное и хитрое.

Какой-нибудь грандиозный план, который заставил бы его поежиться. Представив себе эту заманчивую картину, Пруденс несколько успокоилась, повесила на вешалку поверх шарфа плащ и заставила себя улыбнуться.

- Как ты провела утро, мама? - спросила она, проходя мимо матери в гостиную. - Ты закончила починку...

Стоявший посередине гостиной мужчина повернулся к ней. Он был среднего роста, голубоглазый, с каштановыми волосами. И довольно привлекательный.

Пруденс нехотя присела, приветствуя его.

- Доктор Барроу! Какой приятный сюрприз. - Она строго взглянула на мать, но та, хотя и покраснела, смотрела на нее с самым невинным видом.

- Миссис Тистлуэйт, - сказал доктор, нервно глотая воздух, - я очень рад видеть вас. Я пришел, чтобы спросить... чтобы узнать... - Он в панике взглянул на мать.

- Пруденс, - излишне бодрым голосом сказала мать, - доктор Барроу хотел спросить, не захочешь ли ты прокатиться в его новом экипаже.

Пруденс меньше всего хотелось кататься в экипаже с мужчиной, который двух слов связать не может, не покраснев при этом. Хотя доктор был очень добрым и внимательным человеком, не было между ними той глубокой духовной связи, которая существовала у нее с Филиппом.

Филипп. Она до сих пор тосковала по своему мужу, хотя он умер три года назад. Конечно, уже не так сильно, как в самом начале, когда ей казалось, что она никогда в жизни больше не

улыбнется. Она, конечно, стала улыбаться. Но для этого потребовалось время. Долгое время. Однако теперь она могла не только вспоминать Филиппа, но и радоваться времени, проведенному вместе с ним.

Они стали встречаться и поженились в течение шести сумасшедших месяцев, когда ей едва исполнилось восемнадцать лет. Филипп был совсем немного старше ее. Они практически росли вместе. Возможно, именно это составляло часть их дружбы, их любви. Как бы то ни было, а ей не хватало их близости, той чистой радости, когда ты смотришь на человека, сидящего напротив тебя за завтраком, и понимаешь, что это именно то место, где тебе следует быть.

Указав жестом на поднос с чаем, стоявший у камина, мать сказала:

- Ты вернулась как раз вовремя, Пруденс. Миссис Филдингс только что приготовила чай.

Миссис Филдингс, их экономка, была суровой, мрачной особой, но непревзойденной мастерицей готовить пирожные, целое блюдо которых и сейчас красовалось на подносе.

Пруденс улыбнулась.

- Чай сейчас - именно то, что надо. Я проголодалась. - Она взглянула на доктора: - Вы останетесь?

Он покраснел еще сильнее, бросил беспомощный взгляд на ее мать, потом посмотрел на Пруденс.

- Я... мне уже пора идти.

Интересно, подумала Пруденс, есть ли у капитана человек, в присутствии которого он бы краснел? Она попыталась представить себе его заикающимся от смущения, но не смогла. Откровенно говоря, она даже вежливым его не могла представить.

Не человек, а какое-то чудовище. Взять хотя бы его габариты: он возвышается над всеми, у него такие мощные плечи, что он, кажется, мог бы без труда взвалить на них корабль, а не только им командовать. Его профессия сказывалась в каждом отрывисто отданном приказании, в каждой фразе.

Но больше всего ее возмущало то, что ему, кажется, все действительно было безразлично. Ей вспомнилось, как она впервые пришла к нему в огород, и как он окинул ее взглядом с головы до ног, причем взгляд его самым возмутительным образом задерживался на разных местах ее тела. Ей стало не по себе при этой мысли, а по коже побежали мурашки, как будто он к ней прикоснулся.

- Гм-м, миссис Тистлуэйт, позвольте сказать, что вы великолепно выглядите сегодня.

Обычно Пруденс находила неуклюжие пресные комплименты доктора весьма нудными, но, проведя двадцать минут в компании такого неотесанного мужлана, как капитан, она даже к высказываниям доктора отнеслась благосклонно.

- Вы слишком добры! Надеюсь, вы останетесь на чашку чаю, ведь на воздухе сейчас так холодно.

Он с явным сожалением взглянул на часы, украшавшие комнатную полку, и покачал головой.

- Я хотел бы остаться, но... пациенты, видите ли.

Мать продолжала настаивать:

- Я думаю, они вас поймут, если вы задержитесь, чтобы выпить чашечку чаю.

- Может быть, в следующий раз. - Он поклонился Пруденс, бросив на нее умоляющий взгляд.

Она немедленно улыбнулась:

- Конечно, вы должны идти. Возможно, в следующий раз вы сумеете задержаться подольше.

Он радостно улыбнулся.

- С большим удовольствием. - Он поклонился обеим женщинам. Пруденс присела в реверансе, а взгляд ее уже скользнул в сторону подноса с чаем.

Как только за доктором закрылась дверь, Пруденс сразу же оказалась возле сервировочного стола.

- Миссис Филдинг снова превзошла самое себя. - Она перенесла поднос на столик рядом с кушеткой и налила две чашки чаю. - Интересно, зачем приходил доктор?

- Чего не знаю, того не знаю, - сказала мать, накладывая пирожные на две тарелочки и одну из них подавая Пруденс. - Могла хотя бы пригласить его отужинать с нами.

- Мне не хочется, чтобы доктор приходил ужинать, - сказала Пруденс, откусывая кусочек пирожного. - Он всегда так смущается, что с ним трудно поддерживать разговор.

- Он доктор. Это уже о многом говорит.

- Несомненно. Если, например, я объежусь этими вкусными пирожными и почувствую себя плохо, то сразу же его позову.

- Не знаю, что с тобой делать, - вздохнула мать.

- Ничего. - Пруденс доела пирожное и вытерла руки о салфетку. - Я сама о себе позабочусь, спасибо.

- Оно и видно, - сказала мать, отхлебнув чаю. - Как прошел твой визит к капитану?

- Ужасно. Будь его воля, капитан вытолкал бы меня вшаей.

Мать расстроилась:

- Плохо. Я-то надеялась... - Она сердито посмотрела на Пруденс: - Ты была с ним вежлива?

- Конечно! Зачем ты спрашиваешь?

- Иногда - заметь, я говорю «иногда» - ты позволяешь гневу возобладать над здравым смыслом.

- Мама!

- Извини, но это правда.

- Я была предельно вежлива. Это капитан демонстрировал свой злобный нрав. Он так плохо относится ко всем женщинам вообще, что желает даже, чтобы наши усилия по созданию учебного заведения закончились неудачей. Это ужасный, эгоистичный тип.

- Может быть, он был чем-то расстроен, - осторожно заметила мать. - Он ведь герой войны. Люси разговаривала с одним из его людей.

- Мама, тебе не следует сплетничать со служанками.

- Но она знает все о капитане! Как еще мы смогли бы узнать, что он герой войны?

- Мы до сих пор не знаем, правда ли, что он герой войны. А знаем лишь, что один из людей капитана сказал Люси, что его хозяин является героем войны. А это не совсем одно и то же.

Мать вздохнула:

- Ты еще слишком молода, чтобы быть такой уставшей от жизни.

- А ты достаточно стара, чтобы быть такой наивной. Хотя я должна признаться, что ты выглядишь не старше сорока. Я бы очень хотела выглядеть так молодо в твои годы.

Мать просияла, словно солнце выглянуло из-за туч.

- Ты действительно думаешь, что я выгляжу не старше сорока?

- Я начинаю думать, что доктор Барроу приходит к нам из-за тебя, а не из-за меня.

Мать хихикнула и принялась пить чай.

Пруденс доела второе пирожное. Покинув капитана, она была вне себя от гнева, но теперь, когда она сидела перед камином, держа в руках чашку горячего чая с большим количеством сахара и сливок, ее раздражение рассеялось, словно дым, подхваченный ветром.

Она с довольным видом огляделась вокруг. В гостиной было тепло и уютно. Шторы и обивка кушетки были приятного красного цвета. Цветные подушки и толстый обюссонский ковер, на котором стояли кресла вишневого дерева, добавляли комнате тепла и цвета.

- Филиппу понравилась бы эта комната, - произнесла она.

Мать сразу же всполошилась:

- Ох, Пруденс, извини меня. Что заставило тебя подумать о нем?

- Я всегда о нем думаю, - со вздохом сказала Пруденс.

- Я это знаю. - Мать потрепала ее по руке. - Но иногда, Пруденс, мне хочется, чтобы ты... Ладно, это не имеет значения.

- Что я слышу? Ты не хочешь, чтобы я помнила Филиппа?

- Это не так, дорогая. Но я хочу, чтобы ты нашла кого-то другого. Ты заслуживаешь счастья.

- Я счастлива. Очень. Если не считать этой проблемы с овцами.

- Да уж, это действительно выводит из себя, - сказала мать, искоса поглядывая на Пруденс. - Интересно было бы узнать, каким образом они проникают за калитку.
- Как бы они это ни делали, капитан категорически отказывается держать их в загоне. От этого человека одни неприятности.
- Ты действительно так думаешь?
- Мама, он не только отказывается держать овец в загоне, он еще пригрозил, что обучит своих собак загонять этих безмозглых животных на нашу территорию, если мы не перестанем досаждать ему!
- Боже милосердный! - воскликнула мать. - Значит, вам не удалось договориться?
- Не удалось. Но я этого капитана в покое не оставлю! Я найду способ заставить его выслушать нас. Вот увидишь!
- Да уж, никакой выдержки не хватит терпеть, как это глупое животное пробирается сквозь зеленую изгородь и поедает на грядке всю мяту!
- Интересно все-таки, каким образом овцы проникают через забор?
- Да, это всем вопросам вопрос. Я уж начинаю подумывать, не нашли ли они какой-нибудь способ отодвигать задвижку?
- И задвигать ее снова? Не думаю.

Возможно, ей следует сходить в деревню и разузнать подробнее, каковы законы относительно домашнего скота. Она отлично знала, реверансом какой глубины следует приветствовать принцессу, герцогиню и виконтессу. Но она абсолютно ничего не знала о домашнем скоте.

- Если ты будешь так сердито хмуриться, то наживешь себе морщинки на лбу, - сказала мать. - Чем этот человек так сильно тебя расстроил?

Пруденс с рассеянным видом уставилась в чашку. Капитан не сказал ничего неожиданного. Дело было скорее в том, как он смотрел на нее при этом. Его взгляд смущал ее. Так смотрел на нее Филипп, только взгляд капитана словно поджигал что-то внутри ее тела. С Филиппом она никогда ничего подобного не ощущала.

- Пруденс? - окликнула ее мать. Она пристально смотрела на нее, удивленно приподняв брови. Пруденс немного покраснела.

- Извини, мама. Я думала о капитане. Он был груб, и это меня разозлило. - Это было сущей правдой. Может быть, ей и следовало сосредоточить мысли на том, как он ее разозлил? Да, пожалуй, это то, что нужно. Пруденс поставила чашку на поднос. - Мне надоело, что капитан столь недобросовестно относится к содержанию своего скота. Если он не займется своими овцами, то это сделаю я. Уж я приготовлю рагу из баранины под мятным соусом!

- Пруденс! Нельзя угрожать человеку тем, что приготовишь рагу из его овцы.

- Мама, мы с тобой находимся в глуши Девона. Лондонские правила здесь неприменимы. Позволь мне самой уладить овечью проблему, а ты занимайся подготовкой к открытию школы.

- Пруденс расправила плечи. Она справится с капитаном своими методами. - Мама, что

слышно о твоей подруге, леди Маргарет? Она обещала первой отправить свою дочь в твою школу.

Лицо матери опечалилось.

- Я собиралась сказать тебе...

У Пруденс екнуло сердце.

- Она отказалась?

- Я уверена, что, давая обещание, она не имела намерения его не сдержать. Должно быть, что-то очень серьезное заставило ее... Вот, почитай сама. - Она сунула руку в карман домашнего платья и протянула Пруденс крошечную записку.

- Ого! Какое длинное послание, - сдержанно сказала Пруденс, развернув записку. - Значит, она никогда не собиралась присылать сюда Джулию?

- Уверена, что собиралась. Но школа леди Чизурт предназначена только для самых избранных... - Мать печально вздохнула.

- Ты расстроилась из-за того, что подруга, которую ты знала с шестилетнего возраста, предала тебя? Ты бы никогда не разочаровала подругу, которая приходила на помощь всякий раз, когда нездоровилось кому-нибудь из твоих многочисленных отпрысков. Сколько раз ты бросалась на помощь леди Маргарет и выхаживала вместе с ней ее детишек?

- Пруденс, не надо так говорить...

Пруденс вздохнула.

- Ты права, извини меня. Просто меня злит, когда люди тебя обманывают. Мы купили дом, чтобы ты могла открыть школу. Нам всего лишь было нужно заполучить нескольких учениц из обеспеченных семей, а потом ты со всем бы справилась. Я действительно думала, что твои подруги не бросали слова на ветер, обещая помочь тебе.

Мать понурила голову.

- Я тоже так думала. Меня подвела не только леди Маргарет, но и леди Каролина тоже. Похоже, что они никогда не были моими настоящими друзьями.

Пруденс накрыла руку матери своей рукой.

- Очень жаль, что все обернулось не так, как мы ожидали.

Мать заставила себя улыбнуться.

- Я не позволю себе расстраиваться по этому поводу. Мы найдем способ открыть нашу школу.

- Я в этом уверена. Нам просто надо подумать. Кто еще из наших знакомых имеет дочерей школьного возраста?

Они на мгновение замолчали, мысленно перебирая своих знакомых. Сделать это было непросто, потому что многие мнимые друзья отошли от них, когда бизнес Филиппа потерпел крах и разразился скандал. При воспоминании об этом тяжелом времени у Пруденс

перехватило дыхание.

Мать вдруг встрепенулась:

- Пруденс! Я знаю, что нам надо сделать! Я напишу письмо моей старой приятельнице, леди Босуэлл.

- Леди Босуэлл? Из Шотландии? Той, которая каждый год присылает на Рождество это ужасное черствое печенье? Я не знала, что у нее есть дети.

- Детей у нее нет, зато имеется более двадцати племянниц. В прошлом году на званом обеде я слышала, как она говорила, что намерена оплатить обучение каждой из них, поскольку ее братья имеют весьма скромные средства. Что бы там о ней ни говорили, но она всегда была ярой сторонницей образования.

- Двадцать племянниц, мама... Тебе не кажется, что ей следовало бы предоставить скидку?

- Вот именно! Она чрезвычайно расчетлива. Мы могли бы сразу же заполнить места в пяти группах...

- Великолепно! - воскликнула Пруденс. - Вот только ремонтные работы в доме надо ускорить. Ты будешь учить девочек осанке, танцам и всем прочим вещам, а я буду обучать их садоводству, рисованию, философии, греческому языку и...

- Но, прежде всего нам надо решить овечью проблему. Мы просто не можем допустить, чтобы эти животные бродили по нашему огороду. Что, если какая-нибудь овца укусит ученицу? Возможно, тебе придется еще раз поговорить с капитаном, хотя прошу тебя на этот раз говорить с ним помягче.

- Он не оставляет мне выбора. Я неоднократно просила его сделать что-нибудь с этой проклятой овцой...

- Пруденс! - В голосе матери чувствовалось неодобрение.

- Извини. Но я столько раз просила его принять меры, а он ничего не делает и гонит меня, словно какое-то надоедливое насекомое.

- Это еще не повод для того, чтобы опускаться до вульгарных выражений. Как я неоднократно говорила тебе, о женщине судят...

- Не только по тому, как она поступает, но и по тому, как она говорит. Я знаю, знаю. Я не хотела грубить, но этот человек вывел меня из себя.

- Гм-м... Знаешь что, Пруденс, очевидно, твоему раздражению есть какое-то объяснение. Должно быть, есть что-то в этом капитане, если он заставляет тебя терять самообладание.

- Вздор! Меня часто раздражают мужчины, с которыми я совершенно незнакома. Например, когда я читаю «Морнинг пост». Есть там несколько корреспондентов - заметь, все они мужчины, - которые безумно раздражают меня. Всякий раз, когда они обмакивают перо в чернильницу, я возмущаюсь. Они выражают исключительно собственное мнение, хотя утверждают, что выступают от имени широких масс. Меня выводит из себя подобная самоуверенность.

Губы матери дрогнули в улыбке.

- Не будь такой мрачной, дорогая. Все образуется. А если нет, то ты всегда можешь выйти замуж за доктора.

«Это было бы просто великолепно», - грустно подумала Пруденс. Выйти замуж за доктора было бы равносильно тому, чтобы дремать, слушая оперу.

Что бы ни случилось, она победит в этой войне с капитаном. Победит и поможет матери сделать ее школу престижной. А там она еще посмотрит, кто будет смеяться последним. Капитан узнает, что она еще не открывала боевых действий.

Глава 4

Огромное значение имеет первая встреча с вашим хозяином. Именно в этот момент вы должны задать тон вашим будущим отношениям. Это весьма деликатная задача, потому что излишняя фамильярность порождает пренебрежительное отношение, а ее нехватка имеет опасную тенденцию способствовать появлению у хозяина высокомерия в обращении, привычки попиравать ваши чувства. В важных вопросах занимайте твердую позицию, но делайте это незаметно, чтобы хозяин мог сохранить свое чувство достоинства. А вы - свое.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Тристан откинул голову на высокую спинку любимого кресла, смакуя обжигающее тепло бренди. Чуть изменив позу, он поморщился. Боль у него сосредоточилась где-то очень глубоко, как будто кости терлись друг о друга.

Он попытался отвлечься от боли и стал думать об экипажах, поднимающихся по дороге на вершину утеса. Прежде всего, ему пришло в голову, что это едет его отец. Но такого просто не могло быть. Да это и не имело значения. Герцогу не найдется места в жизни Тристана. Ни сейчас, ни когда-либо в дальнейшем.

Он покончил с надеждами. Время, когда Тристан верил в рыцарей в сверкающих доспехах и в сказки со счастливым концом, прошло давным-давно, когда его насильно притащили на борт того проклятого судна. Жизнь научила его одной простой истине: если хочешь чего-нибудь добиться, делай все сам, не дожидаясь, что это сделает для тебя кто-нибудь другой.

Он перевел взгляд на двери, выходившие на террасу, которая шла вдоль стены. Он любил эту комнату, которую отделал так, чтобы она максимально напоминала его каюту на «Виктории». Она была обставлена такой же мебелью, за исключением его койки. Ночью, если он мог спать, он занимал большую угловую комнату наверху, единственную из всех, не набитую до отказа членами его бывшего экипажа.

Тристан вздохнул, глядя в стакан. Когда он был ранен и понял, наконец, что для морской службы больше не пригоден, он решил скрыться от всех здесь, чтобы зализывать раны и ждать смерти. Больше никаких целей у него не было.

Потом кое-что произошло. Вскоре после его прибытия здесь появился Стивенс. Первый помощник был тоже ранен при Трафальгаре. Учитывая крошечную пенсию и отсутствие дома на суше, ему было некуда идти.

Поэтому Стивенс отправился к своему бывшему капитану. Он не оповестил заранее о своем

прибытии, и Тристан, находившийся в трехмесячном запое, был слегка удивлен, но почувствовал облегчение. По крайней мере, ему не грозила смерть в полном одиночестве.

Стивенс оказался, так сказать, первой ласточкой. Затем начали подтягиваться и другие раненые моряки, которые приезжали навестить капитана, а потом оставались здесь. И теперь почти в каждой комнате коттеджа жили трое или четверо, а иногда и больше человек. Стивенс ввел порядок, существующий на корабле, и даже обедали они в две смены, чтобы не перегружать камбуз.

Для Тристана присутствие здесь бывшего экипажа было подарком судьбы. Оно давало ему смысл существования. Единственная проблема заключалась в том, что его весьма скромной пенсии не хватало, чтобы обеспечить питание и оплату счетов за лечение. Пока он служил, ему удалось сделать кое-какие инвестиции. Они приносили доход, причем неплохой. Однако Тристан понимал, что при таких расходах недалек тот день, когда ему придется закрыть двери своего небольшого дома.

Вот, наверное, обрадуется его энергичная соседка! Особенно если он заберет с собой своих овец. Тристан чуть не засмеялся при воспоминании о возмущенном выражении лица этой леди, когда он при ней раскурил трубку. Темпераментная особа, ничего не скажешь. Так и вспыхнула от гнева, словно трут от искры. Нынче утром он получил наслаждение от состоявшейся перепалки. Это, по крайней мере, нарушило монотонное течение жизни. Интересно, как бы она отреагировала, если бы в следующий раз он снял с нее этот плащ?

Послышался резкий стук, и в приоткрытую дверь просунул голову Стивенс:

- Капитан?

Тристан, которого оторвали от приятных размышлений о скрывающихся под плащом прелестях соседки, бросил недовольный взгляд на первого помощника:

- Ну?

Стивенс, держа в руке фуражку, вошел в комнату.

- Извините, что беспокою, но вы не забыли о том, что карета и другие повозки поднимаются по дороге на утес?

Карета. Он позволил себе забыть об этом, но теперь мысли снова нахлынули на него. У него похолодело сердце, легкое опьянение от выпитого бренди мгновенно испарилось, оставив в абсолютно трезвой голове единственную мысль: «Они уже здесь». Он произнес эти слова вслух.

- Да, капитан. И их много, но только двое подошли к входной двери. Один высокий, худощавый, а другой низенький и коренастый. Высокий нагоняет на меня страх. - Стивенс оглянулся через плечо, потом, понизив голос, добавил: - Уж больно властный у него вид.

- Скажи, чтобы убирался ко всем чертям, - резко приказал Тристан.

Стивенс мял в руках фуражку.

- Я так и сделаю, капитан. По правде говоря, я им сказал, что вас здесь нет, но высокий так глянул на меня сверху вниз... - Стивенс до такой степени истерзал руками свою фуражку, что ее едва ли можно будет когда-либо надеть снова. - Мне не хотелось беспокоить вас, но вам, возможно, лучше поговорить самому с этим типом.

- Нет.

Стивенса такой ответ не удовлетворил.

- Но...

- Я знаю, кто эти люди. Они работают на герцога Рочестера, не так ли?

- Ну да. Можно и так сказать. Но...

- Я не желаю иметь с ними никакого дела.

- Но...

- Это приказ, Стивенс. Ты меня понял?

- Да, сэр. - Первый помощник тяжело вздохнул. - Я им говорил, что вы не пожелаете их видеть.

- Так скажи это им еще раз.

- Да, да, конечно, капитан, - пробормотал Стивенс и ретировался.

Тристан получил двухминутную передышку, потом снова раздался стук в дверь. Дверь открылась, но на сей раз вошел не Стивенс, а незнакомец.

Высокий, худощавый, с патрицианскими чертами лица и темными волосами, чуть тронутыми сединой, этот человек держался, словно пэр Англии. Взгляд его голубых глаз окинул Тристана с головы до ног.

Сердито взглянув на него, Тристан и не подумал встать.

- Кто вы такой, черт побери?

Из-за спины первого выглянул второй, приземистый и плотный, в помявшейся в дороге одежде. Он прижимал к груди папку, как будто боялся, что кто-нибудь нападет на него и отнимет ее силой.

Худощавый поклонился:

- Милорд, позвольте представиться: меня зовут Ривс. Я дворецкий...

- Не утруждайте себя. Я не желаю иметь ничего общего с Рочестером. Для меня герцог мертв.

Низенький человек прокашлялся.

- Извините, но... милорд, я мистер Данстед, поверенный, и...

- Я не лорд.

- Ошибаетесь, - сразу же вмешался в разговор человек по имени Ривс. - Вы лорд. А я, если говорить точнее, дворецкий покойного герцога Рочестера. Сожалею, милорд, но должен сообщить вам, что ваш батюшка умер.

У Тристана замерло сердце. Герцог мертв. Исчез навсегда. Он знал, что этот день наступит, и представлял себе, какое облегчение испытает, когда это наконец произойдет. Он говорил себе,

что мечтает об этом дне, потому что после смерти отца обретет покой, которого был лишен, и жизнь, которая была у него украдена. Возможно, даже вернет своего потерянного брата.

При мысли о Кристиане он так крепко вцепился в стакан, который держал в руке, что едва не раздавил его. Ему пришлось усилием воли заставить себя ослабить хватку. Он приказал себе не думать об этом.

Уж лучше он будет думать об утрате человека, которого никогда не знал. Человека, который оставил его без помощи. В глубине души у него шевельнулось какое-то чувство, которое он не сразу опознал: это было горе. Глубокая печаль. Конечно, не по самому этому человеку – Тристан его почти не знал. Но это было чувство утраты того, чего уже никогда не будет. Как будто какая-то его часть так и осталась тем ребенком, который когда-то ждал в комнате на постоялом дворе приезда отца. Ждал хоть какого-то знака, который говорил бы о том, что его любят.

- Милорд, – уважительно произнес тихий голос, – мы вам соболезнуем.

Тристан поднял взгляд и увидел, что оба мужчины смотрят на него с жалостью. Он с грохотом поставил стакан на стол возле локтя.

- Не смотрите на меня так! Зачем вы приехали ко мне? Чтобы сообщить эту бесполезную информацию? Я не могу быть новым герцогом. Этот сукин сын даже не признал меня. Разве могу я унаследовать титул?

Низенький Данстед поморгал глазами, спрятанными под очками.

- Видите ли, это сложная история... но ваш отец...

- Не называйте этого человека моим отцом! Он им не был и никогда не будет.

Ривс снова прокашлялся.

- Милорд, я понимаю, почему вы расстроены. Но я должен сказать, что я был с его светлостью до его последнего вздоха. Он был твердо уверен, что вы станете следующим герцогом.

- Почему? Потому что у него не было других сыновей?

На лице Ривса промелькнуло страдальческое выражение.

- Это и так и не так. Но вы герцог. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы обеспечить вам это право.

Тристан откинулся на спинку кресла.

- Как видно, вы не поняли. Мы с братом внебрачные дети. Как бы я ни любил свою мать, но должен признать, что она была слишком доверчива. Она думала, что он женится на ней, а он не женился. Так что я не могу стать новым герцогом.

- Да, но у герцога в его смертный час, очевидно, наступило прозрение. Он вдруг вспомнил, что на самом деле женился на вашей матушке. Он даже разыскал священнослужителя, готового удостоверить этот факт.

Тристан невесело усмехнулся:

- Он пошел на все эти хлопоты не потому, что сильно любил меня. Если ему был так нужен наследник, то почему же он не женился и не завел этого проклятого наследника?

- Он пытался, - сказал Ривс. - Но у них с герцогиней не было детей.

Данстед кивнул, подтверждая его слова:

- Вы его старший сын. Место отца принадлежит вам по праву.

Тристан горько рассмеялся:

- Место моего отца - разве не забавно это звучит?

Дворецкий и поверенный переглянулись. Мистер Данстед положил на стол свою папку.

- Возможно, когда вы увидите завещание своими глазами... Предполагается, что я вам его должен зачитать, если позволите...

- Оставьте его там.

- Не понял?

- Положите его на стол и уходите, - сказал Тристан и, опираясь на трость, поднялся на ноги. - Я не хочу, чтобы вы находились здесь.

- Но, милорд! Я должен объяснить условия завещания.

- Условия?

- Да. Вы унаследовали титул. Однако для того, чтобы унаследовать состояние, вы должны получить одобрение попечителей как человек, хорошо зарекомендовавший себя... - Поверенный беспомощно оглянулся на Ривса.

Дворецкий взглянул в глаза Тристану:

- Покойный герцог хотел быть твердо уверенным в том, что следующий хозяин Рочестер-Хауса будет достоин имени Рочестеров.

Достойн? Этот сукин сын так и не позаботился о том, чтобы открыто признать за Тристаном право первородства, а на смертном одре потребовал, чтобы Тристан был достоин его имени?

- Не нужно мне это проклятое состояние. И этот проклятый титул тоже. А свой проклятый дом он может взять с собой в ад.

Ривс вздохнул:

- Он бы так и сделал, если бы мог. Уж поверьте мне.

- Я не возьму ни пенса из наследства этого старого хрыча.

Мистер Данстед поморгал. За толстыми линзами очков его глаза казались огромными.

- Не спешите, милорд! Вы сознаете... Вы понимаете... Это просто неслыханно...

- Мистер Данстед пытается сказать, - спокойно объяснил Ривс, - что было бы крайне глупо

отказываться от двадцати тысяч фунтов дохода в год.

Тристан повернулся к нему:

- Вы сказали «от двадцати»?

- Тысяч. - Ривс приподнял брови. - Плюс Рочестер-Хаус, плюс городская резиденция Рочестеров в Лондоне, причем оба здания - шедевры архитектуры и полностью меблированы самым элегантным образом.

Данстед кивнул в подтверждение.

- К тому же они укомплектованы вышколенным персоналом. Вам останется только въехать туда. Конечно, после того, как вы получите одобрение попечителей.

Двадцать тысяч фунтов. Сколько всего он смог бы сделать с помощью такой суммы! Он мог бы сменить этот коттедж на более просторный или еще того лучше - построить несколько коттеджей для своих людей. Он мог бы нанять доктора, который жил бы здесь же и лечил их всех. А потом он, возможно, смог бы... Открывалось столько возможностей, что он не знал, с чего начать.

Конечно, эти возможности появились бы при условии «одобрения» со стороны попечителей. Он взглянул на поверенного:

- Кто такие эти попечители?

- Современники вашего батюшки. Отлично разбирающиеся в правилах поведения, изяществе манер, умении одеваться - то есть во всем, что следует знать джентльмену.

- Силы небесные! Значит, я должен стать хлыщом, а потом позволить кучке болванов выносить мне приговор?

Данстед то и дело поправлял сползавшие с носа очки и переминался с ноги на ногу.

- Ну что ж, если вам желательно, то можно и так сказать...

- Я этого делать не буду!

Трудно себе представить, но его папаша даже из могилы пытается заставить Тристана чувствовать собственную неполноценность. Он сердито вздернул подбородок.

- Нет, мне ничего не надо. А теперь уходите - оба.

Данстед изумленно охнул и принялся собирать бумаги, но Ривс не двинулся с места. Он лишь вздохнул.

- Печально, - промолвил он. - В таком случае нам, наверное, придется отыскать лорда Уэстервилла.

- Это еще кто?

- Ваш брат Кристиан.

Тристан помолчал, впившись взглядом в лицо дворецкого.

- Кристиан?

- Если вы не будете соответствовать критериям для получения состояния, оно перейдет к вашему брату, виконту Уэстервиллу.

Данстед запер замочек на папке.

- Если вы пожелаете прочесть завещание, оно лежит на вашем столе.

- Не может быть, чтобы вы нашли моего брата, - сказал Тристан, совершенно игнорируя слова поверенного. - Я пытался сделать это долгие годы, но не смог обнаружить никаких следов.

- Может быть, вы искали не в том месте?

Тристан, тяжело опираясь на трость, шагнул к дворецкому:

- Вы знаете, где он находится?

Ривс улыбнулся:

- Вас же мы нашли, не так ли?

Данстед снова водрузил на место сползшие очки.

- Нам пора идти, Ривс. Уже темнеет, а нам предстоит долгая дорога.

Ривс взглянул на дверь, выходящую на террасу.

- Уже слишком поздно. Экипажам и фургонам опасно спускаться в темноте по этой ужасной дороге. К тому же лошади измучены... - Он взглянул на Тристана: - Я подумал, не позволите ли вы, милорд, нам задержаться здесь на денек-другой? Мы приехали издалека и немного устали. Наши лошади нуждаются в отдыхе, тем более что тащили такой тяжелый груз по отвратительной дороге.

Если Ривс знает, где найти брата, то было бы глупо выпускать его из поля зрения.

- Оставайтесь. Только боюсь, что у меня тесновато в доме.

- С нас будет достаточно и конюшни, - сказал Ривс, как будто предвидел именно такое развитие разговора.

- Конюшня? - Мистер Данстед поморгал. - Но как...

- Мы отлично разместимся, - спокойно сказал Ривс. Он поклонился Тристану: - Спасибо, что вы вошли в наше положение. Как только лошади отдохнут, мы сразу же отправимся в путь.

- Но... - начал было Данстед.

Ривс взял поверенного за плечо и развернул к двери.

- Спасибо, лорд Рочестер! Надеюсь, мы скоро поговорим с вами снова, когда вы не спеша переварите все новое, что произошло в вашей жизни. - С этими словами дворецкий вывел поверенного в коридор и вышел сам, тихо закрыв за собой дверь.

Тристан долго стоял, уставясь на закрытую дверь. Столько всего произошло: умер его отец; возможно, нашелся брат. Огромное состояние, которое он может получить. И титул. Лорд Тристан Ллевант, герцог Рочестер.

Это была очень жестокая шутка.

Чтобы переварить все это, потребуется целая бутылка бренди. А может быть, десять. Покачив головой, он снова опустился в кресло, наполнил стакан и сделал большой глоток. Он стал герцогом. По непонятной причине ему вдруг стало любопытно, что подумала бы обо всем этом его чопорная соседка. Произвело бы это на нее впечатление? Или она бы просто еще раз потребовала, чтобы он держал своих овец подальше от ее огорода?

Он поднял стакан, мысленно провозгласив тост в ее честь. Она была не только восхитительная на вид, но и здравого смысла в ней было хоть отбавляй. Тристан чувствовал опасность. Она была из тех женщин, которых следовало избегать любой ценой, – из тех, на которых женятся.

Вздыхнув, он откинул голову на спинку кресла. Откровенно говоря, он отдал бы свое герцогство за одну ночь в постели с этой леди. За одну долгую страстную ночь, наполненную запахом ее кожи и ощущением шелка ее волос...

Эта мысль заставила его смущенно заерзать в кресле. Проклятие! Ну и что ему теперь делать? Он стал герцогом. Герцогом с изувеченной ногой и коттеджем, набитым списанными на сушу по болезни моряками.

Даже из могилы его папаша был способен раздражать его. Стиснув зубы, Тристан попытался сосредоточить мысли на Кристиане. На надежде. Время шло, бутылка пустела, а мысли все кружились и кружились. Только перед самым восходом солнца ему удалось наконец в достаточной степени успокоиться и доковылять до постели. Но даже тогда в затуманенном алкоголем сознании отчетливо вырисовывался образ прелестной соседки, которая низко приседала в реверансе, демонстрируя одобрителюму взору герцога свою грудь.

И прежде чем погрузиться в глубокий сон, он подумал, что, возможно, быть герцогом – не такое уж невыносимое бремя.

Глава 5

Образцовый дворецкий ни при каких обстоятельствах не должен вмешиваться в личные дела хозяина. Разумеется, кроме тех случаев, когда его вмешательство может в какой-то степени положительно воздействовать на жизнь хозяина. Кстати, некоторые оправдывают этим обстоятельством довольно большую степень вмешательства.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

– Вы, сэръ, должны немедленно убрать своих овец из моего огорода, – потребовала Пруденс, дрожа, словно от холода. Не странно ли, что во сне она ощущает холод?

Капитан повернулся, явно не сознавая, что все это Пруденс видит во сне. Он стоял на краю обрыва, как это было на днях, а ветер хлопал лапами его плаща. Тонкая белая сорочка с распахнутым воротом приоткрывала широкую грудь, а черные бриджи туго обтягивали мощные мускулистые бедра.

Пруденс стало трудно дышать. Таких великолепных снов она еще никогда не видела. Как будто

мало было неприлично распахнутой на груди рубахи, так еще эти обтягивающие бриджи привлекали ее внимание настолько, что...

Неожиданно он оказался перед ней и, положив теплые руки на ее плечи, заглянул в глаза.

- Я сделаю все, что пожелаешь, дорогая, за один твой поцелуй.

- Поцелуй? Но я не могу... - Неправда. Наверняка сможет. Во сне человеку позволено делать то, чего он не сделал бы наяву. - Ладно. Один поцелуй. Но не больше...

Схватив ее в объятия, он слегка отклонил назад ее голову и прикоснулся губами к ее губам. Даже во сне он был нетерпелив и по-мужски дерзок. Пруденс задрожала, застонав от жара, охватившего ее тело, когда она ощутила его губы на своих губах и его язык, скользнувший между ее губами. Она и не подозревала, что можно испытывать во сне подобные ощущения. Она чувствовала текстуру его кожи, запах свежести от белья, едва заметный привкус соли на губах. Как случилось, что она...

Резкий стук в дверь ворвался в ее сон. Пруденс зажмурилась и зарылась лицом в подушку, чтобы не исчез образ капитана, его красивое лицо, склонившееся над ней, его губы всего в нескольких дюймах от ее губ...

Резкий стук повторился. На сей раз дверь открылась, и появилась миссис Филдингс, сказавшая своим обычным решительным тоном:

- Вставайте, мадам. Петухи уже пропели.

Пруденс аж застонала, когда образ капитана исчез окончательно. Перекатившись на живот, она крепко обняла подушку.

Миссис Филдингс раздвинула шторы, и комнату залил свет.

- Я не хотела бы, чтобы вы это делали, - сказала Пруденс, натягивая на голову одеяло. В выстывшей за ночь комнате было прохладно.

Миссис Филдингс спокойно водворила одеяло на место.

- Кто рано встает, того удача ждет, - сказала она. Пруденс терпеть не могла нравоучений, особенно перед завтраком. Она чуть приоткрыла глаза.

- А от недостатка сна даже рыба бывает в дурном настроении, - заявила она. Получилось несколько неуклюже, но по сравнению с избитыми истинами миссис Филдингс и это сойдет.

Экономка фыркнула:

- Это вы сами придумали.

- А вот и нет, - высокомерно заявила Пруденс, все еще прячась под одеялом. - Я слышала это... от людей капитана.

- От этих бездельников? Ну а теперь вставайте, мадам. Ранняя пташка червячка ловит.

Черт побери! Это уже настоящая война. Прогнав последние обрывки сна, Пруденс села.

- Последним пришел, первым ушел.

Широкое лицо миссис Филдингс напряглось.

- Праздность - мать всех пороков.

- Две в руке лучше... - Пруденс спустила ноги с кровати и сладко потянулась. - Ну хватит. Вы все равно каждый раз выигрываете.

На лице экономки промелькнуло что-то похожее на улыбку.

- Завтрак готов. Ваша матушка уже в столовой. - Она налила свежей воды в фарфоровый таз на умывальнике, положила рядом чистое полотенце и удалилась.

Встав с кровати, Пруденс направилась к умывальнику. Вымыв лицо и руки, она осторожно потерла губы, все еще горевшие, как будто их целовали не во сне, а наяву. Взглянув в зеркало, она улыбнулась. Давненько она не видела во сне никого, кроме Филиппа. «Видимо, пришло время», - сказала она себе.

Она понимала, конечно, что капитан не подходил на роль героя романа. Он был таинственный, опасный и неуправляемый. И все же видеть его во сне было приятно. Некоторые мужчины только для этого и годятся.

Усмехнувшись чепухе, которая лезла в голову, она сняла с себя ночную сорочку, расплела косы, провела по волосам щеткой и заколола наверху шпильками длинные пряди. Вопреки моде волосы у нее были длинные - ниже талии - и густые. Надо бы, наверное, укоротить их, но все как-то руки не доходили.

Теплые лучи солнца проникали в комнату, несмотря на холодный ветер, грохотавший ставнями. Стоя в теплом солнечном луче, Пруденс надела через голову домашнее платье из розового муслина и плотно затянула пояс.

Странно, что она проснулась, думая о капитане. К тому же она не просто думала о нем, а мечтала... о его глазах удивительного зеленого цвета, которые так пристально смотрели на нее... О форме его губ и белозубой улыбке, взбудоражившей все ее чувства. О том, как эти губы прикоснулись к ее губам, и о самом страстном поцелуе из всех, которые когда-либо выпадали на ее долю...

Она закрыла руками лицо и вздрогнула. До сих пор она считала, что поцелуи Филиппа были великолепными, щедрыми и нежными, как он сам. При этой мысли у нее защемило сердце. Разве можно сравнивать поцелуй, полученный во сне от такого человека, как капитан, с поцелуем Филиппа, который был ее мужем и лучшим другом?

Однако если поразмыслить, Филипп никогда не целовал ее с такой страстью, как капитан во сне. Конечно, это, наверное, объясняется особенностями личности капитана. Находясь рядом с ним, она чувствовала, что вся его энергия направлена только на нее и ни на кого другого. Как будто в этот момент они были одни на всем свете, пусть даже она раздражала его своим разговором об овцах. С Филиппом она никогда себя так не чувствовала, хотя любила его. Всем сердцем.

Этому могло быть единственное объяснение: то, что она чувствовала к капитану, было просто похотью.

Силы небесные! У нее, как видно, с головой не все в порядке. Очевидно, мыслительный процесс до завтрака вреден для здоровья. Чувство голода вернуло ей привычную спокойную

логику. Прежде чем заниматься тяжелыми проблемами, особенно теми, которые касались одного очень мужественного и очень возмутительного капитана дальнего плавания и его своенравных овец, ей следует плотно позавтракать и выпить чаю.

А потом... Ну что ж, потом она постарается не вспоминать больше о нем. Ни разу. Да, именно так она и сделает. К тому же у нее отложено на сегодня множество дел. Она легко сбежала по ступенькам лестницы, чуть касаясь кончиками пальцев гладких деревянных перил.

Внизу было теплее. Когда Пруденс вошла в столовую, мать сидела во главе обеденного стола, задумчиво пощипывая бахрому салфетки.

- Доброе утро! - Пруденс наклонилась и поцеловала мать в щеку, потом уселась рядом с ней за стол. - Извини, я немного опоздала. Я сегодня никак не могла проснуться.

В столовую вошла миссис Филдингс и, подойдя к сервировочному столику, сняла крышку с блюда.

- Время никого не ждет.

Пруденс вздохнула.

- Думаю, на сегодня нам достаточно нравоучений.

Миссис Филдингс фыркнула. Она решительным жестом поставила перед Пруденс и матерью по тарелке и удалилась из столовой.

- О Господи! - промолвила мать, глядя ей вслед. - Она явно в дурном настроении.

Пруденс намазала маслом ломтик поджаренного хлеба и положила поверх щедрую порцию конфитюра.

- У нас сегодня много дел. Прежде всего, надо закончить подрубать шторы для двух спален и подготовить их к приему наших пансионеров.

- На это потребуется некоторое время.

- Если мы возьмемся за работу вдвоем, то один комплект успеем закончить сегодня. После этого нам следует привести в более презентабельный вид конюшню. Со временем нужно будет приобрести еще одну лошадь, кроме Эльмиры.

- Надеюсь, что мы сможем позволить себе это. Горько смотреть, как бедненькую Эльмиру запрягают в телегу. Она так быстро устает.

- Мы сделаем это. Я уверена. Я тут подумала, мама, почему бы нам не придать школе какую-нибудь специализацию?

- Силы небесные! - воскликнула мать, наливая сливки в чашку. - Нынче утром голова у тебя полна свежих мыслей. Должно быть, ты хорошо выспалась.

Сон, приснившийся Пруденс, почему-то придал ей заряд энергии. Она пожала плечами.

- Просто я хочу помочь.

- Но ты уже помогаешь, дорогая. Что бы я делала без тебя! Ну, что тебе еще пришло в голову?

- Другие школы для девочек на чем-то специализируются. В школе миссис Эштон считают, что постановка театральных пьес развивает приличествующую юным леди уверенность в себе, и они каждый семестр ставят несколько пьес, отличающихся изяществом и тонким вкусом. В школе леди Баркстоу имеется собственный инструктор по верховой езде. Каждой девочке по прибытии вручается лошадь, причем школа обещает сделать из них классных наездниц.

- Лошади? - Мать отложила вилку. - По-моему, это слишком дорого.

- Я не предлагаю делать то, что делается в других школах, - поспешила сказать Пруденс. - Но мы должны найти собственную специализацию, чтобы родители из уважаемых семей предпочитали отдавать своих детей именно сюда. Мы могли бы предложить сочетание изящных искусств и каких-нибудь полезных для здоровья занятий на свежем воздухе. Мы находимся в сельской местности и могли бы, пожалуй, обернуть это обстоятельство себе на пользу.

Мать вздохнула.

- Пруденс, я очень надеюсь, что нам не придется это делать. Идея создания школы мне нравится, но мне не хочется, чтобы мы были вынуждены ее создавать. Это лишает идею всякой привлекательности.

- Мама, я очень сожалею, что дела Филиппа...

Мать накрыла рукой руку Пруденс.

- Перестань. Он не хотел оставлять свои дела в таком состоянии.

- Дело не только в деньгах, а в унижении... Все эти люди доверяли ему. Он должен был осознать, что дела его плохи, и не раздавать обещания налево и направо.

- Возможно, он был слишком большим оптимистом. Но то, что он делал, не было преступлением. Однако общество от нас отвернулось. Мы оказались в изоляции. Я знаю, как тяжело ты это переживала.

- Это было тяжело для нас обеих. Некоторых женщин я читала своими друзьями, но все оказалось не так.

Более того, ее мнимые «друзья» поверили лжи, опубликованной в газетах, о том, что Филипп присвоил деньги своих инвесторов, и что она завлекала мужчин, с тем, чтобы они делали инвестиции. Это было так ужасно и так вульгарно, что даже теперь, по прошествии трех лет, при воспоминании об этом она ощущала мерзкий привкус во рту. Но хуже всего было то, как эти отвратительные слухи подействовали на Филиппа. Он находился в постоянном напряжении. А потом заболел. Казалось, он постепенно таял у нее на глазах.

Пруденс сделала глоток чаю, чтобы немного успокоиться.

- Мы ничего не добьемся, если будем ворошить прошлое. К тому же...

Неожиданно послышалось громкое блеяние. Мать и Пруденс взглянули друг на друга. Блеяние повторилось, на этот раз звук был громче и раздавался где-то совсем близко.

Мать вскочила и побежала к окну.

- Пруденс! Это та же самая овца! Она объедает верхушки у зимнего келпа.

- Только не зимний келп! – воскликнула Пруденс, швырнув нож и вилку на стол. – Моему терпению пришел конец! Я отправляюсь к капитану. И я знаю, что сделаю на этот раз, мама. Я приведу эту овцу к нему. Пусть он сам с ней разбирается!

Мать удивленно заморгала.

- Но...

Пруденс уже вышла за дверь. Мать бросилась за ней следом.

- Пруденс, подожди! Не ходи, пока ты в таком возбуждении! Ты скажешь какую-нибудь глупость. Доешь хотя бы завтрак! – Мать схватила Пруденс за локоть. – Это тебя немного успокоит. Возможно, ты даже успела бы что-нибудь сделать со своими волосами. И хотя мне нравится твое домашнее платье, но, возможно, следовало бы сменить его на синее...

- Нет! – Пруденс вырвалась из ее рук, схватила с вешалки плащ и накинула его на плечи. – Пора поговорить с капитаном на его языке.

- Боже милосердный!

Пруденс намотала на шею шарф.

- Я намерена для разнообразия отвести овцу капитана прямо в его дом. Посмотрим, как ему это понравится!

- Пруденс, может быть, тебе лучше...

Но дочь, настроенная крайне решительно, уже умчалась.

- Ну, капитан Ллевант, – сердито бормотала она, направляясь на звук овечьего блеяния, – даже если вы не готовы к такому повороту событий, нынешнее утро вам придется посвятить решению «овечьей» проблемы.

Глава 6

Важно, чтобы ваш хозяин пользовался уважением людей, равных ему по положению, и своих соседей. Это непросто сделать, но то, насколько вам удастся способствовать достижению этой цели, в конечном счете, вам же и зачтется. Хотя это и несправедливо, но о качестве вашей работы будут судить по его внешнему виду. Какое-нибудь жирное пятно на новом жилете хозяина может существенно понизить оценку качества вашей работы, а, следовательно, подорвать ваше уважение к самому себе.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Пруденс резко постучала в обветшавшую под воздействием непогоды дверь, так что даже сквозь перчатки стало больно костяшкам пальцев. Кричала, кружа над головой, одинокая чайка, и крик ее навевал какой-то суеверный страх. Ветер шевелил юбки, обдавая холодом лодыжки, обтянутые чулками. Пруденс вздрогнула и подняла повыше воротник плаща.

Где этот чертов капитан? Несомненно, он где-нибудь в доме: посиживает себе в тепле у камина и пьет. Она слышала, что моряки имеют обыкновение вести себя подобным образом.

За ее спиной послышалось громкое бляение. Пруденс оглянулась через плечо на овцу, которая послушно стояла позади, привязанная к ее талии ярко-красным шарфом.

- Спокойно, миссис Филдингс! - сказала Пруденс. Ей надо было как-то назвать овцу, и имя экономки показалось ей вполне подходящим. Овца всем своим видом напоминала ей экономку с ее утренними поучениями.

Ветер подул сильнее. Миссис Филдингс потянулась и ухватила желтыми зубами кромку шарфа.

- Прекрати! - сказала животному Пруденс. - Мама связала его собственными руками.

Видимо, на миссис Филдингс это не произвело впечатления. Во всяком случае, она ухватилась за шарф зубами еще сильнее.

- Прибереги аппетит для портьер капитана, - саркастически произнесла Пруденс, почувствовав озноб. Она постучала еще раз и, не получив ответа, загрохотала кулаком по твердой деревянной обшивке. - Эй, куда вы все подевались?

В этот момент дверь распахнулась, но из-за нее выглянул не высокий и грозный капитан дальнего плавания, а Стивенс, который тер глаза, как будто только что проснулся. На нем под черным суконным бушлатом была надета полосатая тельняшка, а голова повязана платком.

Вид у него был весьма пиратский. Узнав ее, он подавил зевок.

- Глазам своим не верю, мадам! Я уж подумал, что это назойливый кредитор явился, чтобы потребовать долг.

Так, значит, капитан на мели в финансовом отношении? Этому не следовало удивляться.

- Я не занимаюсь взысканием долгов.

- Вижу, вижу, миссис Тистлуэйт. Чем могу служить?

- Я хотела бы видеть капитана.

- Ах вот как? Прекрасно. Но как бы то ни было, а в дом я вас пригласить не могу. Я не из тех, кто позволяет особам женского пола приходить сюда без приглашения, когда им заблагорассудится.

- Я приглашена.

- Кем же, позвольте полюбопытствовать? Уж наверняка не капитаном, потому что он не допустит, чтобы женщина... - Круглая физиономия Стивенса вдруг озарилась догадкой. - Тьфу! Как же я не сообразил сразу? Вас пригласил Джон Пьютер, не так ли?

- Джон? Нет, я такого не знаю.

Стивенс поднял руку над головой:

- Вот такого роста, с рыжими волосами, заплетенными в косицу, немного прихрамывает на правую ногу? Он, конечно, не назвал своего имени, поэтому вам оно незнакомо. Я послал его в таверну, чтобы найти девчонку, а он, видимо, вместо этого нашел вас...

- Никто не находил меня в таверне.

Стивенс опечалился.

- Не находил?

- Нет!

- Ну что ж, нет так нет. Жаль, конечно. - Он понизил голос до уровня полной конфиденциальности. - Мы с парнями хотели чем-то взбодрить капитана, поэтому решили... - Очевидно, прочитав что-то в изменившемся выражении ее лица, он вдруг покраснел и отступил в сторону. - Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Входите. На улице слишком холодно, чтобы рассуждать о приглашении.

Обогреться в помещении было заманчиво. Пруденс с удовольствием шагнула через порог, но тут кто-то резко дернул шарф, остановив ее. Она повернулась, уперлась в пол пятками и потянула изо всех сил. Сопrotивляясь на каждом шагу, через порог мало-помалу переступила с опущенной головой миссис Филдингс, овца. Однако, переступив порог, она запаниковала еще сильнее, дико огляделась вокруг, громко заблеяла и метнулась назад.

Пруденс едва удерживала шарф обеими руками.

- Святые угодники! - воскликнул Стивенс.

В этот момент раздался громкий топот, и из-за угла выскочили двое мужчин. Один был высокий с золотой серьгой в ухе. Голова у него была лысая, если не считать двух пучков седых волос - по одному над каждым ухом. На нем был довольно грязный бушлат, надетый поверх длинной белой ночной рубахи, а на ногах сапоги. Другой был приземистый, толстый и краснолицый, с кольцом в носу, в невероятно длинной черной рубахе поверх оранжевых бриджей.

Мужчины увидели пытающуюся удрать овцу и сразу же подбежали к ней. Снова раздался топот, и из другого коридора выбежали еще трое - все в самой невероятной одежде и с украшениями.

Похоже, что чаша терпения миссис Филдингс переполнилась, и она бросилась прочь с удвоенной силой, вырвав шарф из рук Пруденс. Она на бешеной скорости умчалась вдаль, а ярко-красный шарф развеялся за ее спиной.

- Хватай ее, братцы! - заорал Стивенс. Все мужчины уставились на Пруденс. Она торопливо отступила назад:

- Не меня! Овцу!

- Овцу! - сурово приказал Стивенс. - Ту, на которой надет шарф!

Потолкавшись в дверях и громко переругиваясь, они наконец выбежали за порог и умчались.

Пруденс тихо охнула, заметив пистолет в руках одного из них, человека злодейского вида со шрамом на лице.

Стивенс, очевидно, тоже заметил это, потому что заорал вслед этому стаду мародеров:

- Только не причините вреда бедняжке! Она принадлежит капитану, а он, возможно, хочет приберечь ее на обед в день святого Михаила! - Он закрыл дверь. - Хорошо, что вы привели

сюда эту овцу. Спасибо большое!

- Что вы этим хотите сказать? - помедлив, спросила Пруденс.

- Погоня займет людей на несколько часов. Они без конца жалуются, что им нечего делать. А теперь вот будут гоняться за этой овцой до посинения.

Великолепно. Значит, она волокла сюда от самого дома эту проклятую овцу, чтобы осчастливить Стивенса? Оставалось только надеяться, что капитан настроен менее оптимистично, чем Стивенс.

- Вы думаете, что ваши люди поймают овцу?

- Эти проходимцы? Побойтесь Бога, миссис! Конечно, они ее не поймают. Эти парни риф на парусе не смогут отыскать даже в солнечную погоду. Я не хочу сказать, что они плохие. Они хорошие. Только ими надо руководить - вот и все. Пожалуй, мы не увидим их в течение нескольких часов. А может быть, и дольше.

- Надеюсь, они не причинят вреда бедному животному, хотя она сильнее, чем может показаться на первый взгляд.

- Удивительно, как вам вообще удалось притащить ее сюда. - Он повернулся и пошел по узкому коридору. - Сюда, пожалуйста, миссис. Я отведу вас к капитану.

Пруденс помедлила. Следует ли ей идти? А если пойдет, то что ему сказать? Без овцы исчезла сама цель ее визита. Имей она хоть немного здравого смысла, ей следовало бы уйти.

Но ей очень захотелось узнать, как там все устроено внутри дома. Дом был больше, чем тот, который арендовали они с матерью, но здесь было меньше окон, а потому темновато. В небольшую прихожую выходили две двери. Обе они были плотно закрыты. Из-под одной пробивалась тонкая полоска света. Она сделала шаг вперед, не сводя глаз с этой полоски света.

Стивенс, остановившись, повернулся к ней:

- Туда вам не стоит ходить, мадам.

- Нет-нет. Конечно, не стоит. - Она взглянула на полоску света. - А что там такое?

- Туда поместили старого Райли Нельсона. Во время последней стычки с французами он был ранен в левое бедро. Мы за ним ухаживаем.

- В передней комнате нижнего этажа? - удивилась она.

- Но он не может подниматься по лестнице. Обе передние комнаты мы используем как каюты. Райли поселили по левому борту вместе с Таггартом, Луисом и Джекобсоном, тогда как я, Тоггл и Тутс Магрей разместились по правому борту.

- Вы живете в комнатах первого этажа?

- Да.

Господи, что же это за дом, если люди здесь спят в гостиной и столовой?

- А какую комнату занимает капитан?

Стивенс жестом указал в конец темного коридора:

- Библиотеку. Он называет ее своей резиденцией.

Сделав два шага в этом направлении, она остановилась.

- Он тоже спит здесь?

- Иногда. Но у него имеются комнаты наверху. Пока они пустуют, но как только придут еще люди... - Стивенс печально покачал головой. - Мы уже загружены по топсель. По самые шканцы и еще больше.

- Загружены... моряками?

- Да, мадам. Все мы в свое время служили на флоте его величества, и все мы под командованием капитана участвовали в сражении при Трафальгаре. - Лицо Стивенса расплылось в улыбке. - Ведь он, как вам известно, герой войны. Капитан говорит, что все мы герои.

Пруденс не поверила горничной, утверждавшей, что капитан является героем войны, но теперь, глядя на сияющего гордостью Стивенса, подумала, что, пожалуй, это правда.

- Должно быть, вам всем есть что вспомнить?

- Еще бы! Сам адмирал Нельсон был на борту нашего корабля, когда... - Лицо старого моряка исказила гримаса. И хотя он быстро взял себя в руки, глаза его увлажнились от слез.

Пруденс почувствовала себя последней негодяйкой.

- Сколько же вас здесь?

Стивенс заложил большие пальцы за проймы жилета и, уставившись в потолок, зашевелил губами.

- Двадцать семь, - сказал он.

- И все вы живете в одном доме?

- Ну-у, кто-то приходит, кто-то уходит. - Лицо Стивенса на мгновение опечалилось. - Моряку бывает трудно надолго бросать якорь. Задержавшись надолго на одном месте, он начинает тосковать.

- Стало быть, у вас довольно большое хозяйство?

- Вам трудно представить, как у нас тут все заведено. Капитан нас кормит и одевает. Но он не дает нам все это даром. Что очень хорошо, потому что это позволяет человеку сохранять чувство собственного достоинства. Все наши люди здесь работают и делают все, что потребуется.

Все это характеризовало капитана с более положительной стороны, чем она думала.

- Он поступает очень великодушно, - сказала Пруденс.

- Еще бы! - Первый помощник почесал подбородок и жестом указал в глубь коридора: - Сюда, пожалуйста, если желаете поговорить с капитаном.

Она начала понимать, что под суровой, грубой оболочкой скрывается доброе сердце. Конечно, нельзя исключить, что он просто собирает людей для каких-то своих целей... хотя она не могла бы сказать, для каких именно.

Стивенс вытер рукой нос.

- Следуйте за мной. Капитан сейчас гуляет, но вы можете подождать его в апартаментах.

- Спасибо, - проговорила она и пошла следом за Стивенсом по коридору.

Дойдя до последней двери, он распахнул ее и отступил в сторону:

- Входите!

От резкого перехода из темного коридора в светлую комнату Пруденс на мгновение зажмурилась. Одну из стен комнаты занимали застекленные раздвижные двери, сквозь которые было видно серебристо-серое небо в обрамлении темно-зеленых оконных штор.

- В этой комнате гораздо светлее. Это уже хорошо.

- Да, сюдаходишь, как на палубу корабля, вам так не кажется? - Стивенс указал на кресло с высоким подголовником, развернутое к небольшой террасе и утесу над океаном. Раскрытая книга и подставка для трубок многое говорили о хозяине комнаты. - Капитан любит сидеть здесь на закате солнца. Я лично думаю, что он делает вид, будто находится в море. - В голосе Стивенса прозвучала печальная нотка. - Я скучаю по тем дням.

- Он делает вид? - удивилась Пруденс. Ей почему-то казалось, что капитан не относится к числу людей, склонных к притворству.

Лицо Стивенса омрачилось.

- Иногда делать вид - это все, что остается человеку, мадам.

Пруденс вспомнилось, как она тосковала по Филиппу и как в первые дни после его смерти, чтобы пережить тяжелые времена, она делала вид - хотя бы на часок, - что он пошел навестить кого-то или уехал по делам. И что он вернется. Конечно, он так и не возвращался, и от этого ей становилось еще тяжелее.

Она вспомнила о капитане и о его хромоте.

- Будет ли капитан когда-нибудь снова плавать?

- Нет, миссис. Из-за ноги. Он не сможет удержаться на палубе. Некоторые капитаны все равно стали бы плавать. Просто привязавшись к мачте. Но наш капитан говорит, что когда кораблем командовал калека, это не раз плохо заканчивалось, и он этого не допустит. Он всегда думает о своих людях, такой уж он есть.

- Понятно. А где он сейчас?

- Думаю, что он находится возле сарая. - Стивенс усмехнулся. - К нам тут пожаловали визитеры. Капитан отправил их на конюшню. Пойду поищу его. А вы, пока меня не будет,

бросьте якорь здесь.

Пруденс кивнула. Окинув последним взглядом комнату, Стивенс ушел.

Как только за ним закрылась дверь, Пруденс огляделась. Стены комнаты украшали большие картины, на которых были изображены корабли в бушующем море. Она переходила от картины к картине, любуясь синими, зелеными и светло-серыми оттенками морских волн.

На столе ее внимание привлек какой-то бронзовый прибор, а также множество других любопытных предметов непонятного назначения. Сняв перчатки, она положила их на спинку кресла вместе с плащом и взяла в руки прибор, крепко сжав в ладонях холодный металл.

В сущности, она очень мало знала о капитане. Знала лишь, что у него есть овца, которая способна перелезть через забор. Та самая овца, которая носится где-то на свободе с ее красным шарфом на шее. А за ней гоняется целая суровая команда.

Губы у нее дрогнули в улыбке. Было бы забавно увидеть эту картину собственными глазами. Она поставила на место бронзовый прибор и медленно обвела взглядом комнату. На полке, висевшей возле камина на уровне несколько выше ее роста, она заметила небольшой резной кубок. С того места, где Пруденс стояла, ей удалось прочесть из выгравированной на нем надписи только одно слово «ВИКТОРИЯ».

Она прищурилась, приподнялась на цыпочки, пытаясь прочесть остальное. Но не смогла: слишком мало было света.

«Виктория»... Так назывался корабль, на борту которого находился адмирал Нельсон во время Трафальгарского сражения. Не может быть, чтобы капитан Ллевант командовал именно этим кораблем!

Возможно, надпись на кубке могла бы дать ответы на многие из ее вопросов. Она подошла ближе, попробовала дотянуться до полки, но полка висела слишком высоко. Оглядевшись вокруг, Пруденс нашла стул. Если встать на него, она не только сможет дотянуться до полки и разглядеть кубок вблизи, но и сумеет прочитать целиком выгравированную надпись.

Она бросила настороженный взгляд на дверь. Из темного коридора не доносилось ни звука. Деревянный пол не был покрыт ковром, а капитан едва ли будет подкрадываться на цыпочках, тем более с его-то хромотой, так что она обязательно услышит приближение человека.

Пруденс подтащила к полке стул с прямой спинкой, поморщившись, когда его ножки царапнули пол, потом осторожно подошла к двери и выглянула в коридор. Никого. Немного успокоившись, она вернулась к стулу, проворно взобралась на него, дотянулась до полки и взяла в руки кубок.

В ПАМЯТЬ О ХРАБРОЙ «ВИКТОРИИ» И ОБ АДМИРАЛЕ НЕЛЬСОНЕ – КАПИТАНУ ТРИСТАНУ ЛЛЕВАНТУ, КОТОРЫЙ СОХРАНИЛ ВЕРНОСТЬ ПРИСЯГЕ, ПРОЯВИВ СТОЙКОСТЬ И ОТВАГУ, НЕСМОТРЯ НА РАНЕНИЕ. С ВОСХИЩЕНИЕМ ОТ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОРОЛЯ ГЕОРГА III.

Вот это да! Она обвела надпись кончиками пальцев. Интересно, сам ли король Георг вручал эту награду капитану? Как странно, что король, возможно, прикасался когда-то пальцами именно к тому месту, где сейчас находятся ее пальцы.

Пруденс поставила кубок на место и, чуть покачнувшись на цыпочках, протянула руку дальше, нащупав следующую награду. Это был массивный золотой крест, отделанный синей эмалью и украшенный единственным драгоценным камнем. В петлю наверху креста была продета широкая голубая лента, видимо, для того, чтобы носить его на каком-то мундире.

Пруденс наморщила лоб. Она что-то слышала о Кресте Святого Кристофера, которым награждали моряков и солдат, проявивших чудеса храбрости на поле боя. Может быть, это он и есть? Как бы то ни было, крест был красив и внушитель. Она погладила пальцами холодный металл, восхищаясь его цветом, а сама уже скользила взглядом по следующим наградам и медалям, разложенным на полке.

Да, когда дело доходило до драки, капитан явно трусом не был. Пруденс решила, что это, возможно, очень полезная информация. Надо ей быть осторожнее и не лезть на рожон, потому что капитан может принять это за агрессию, а он, видимо, только этого и ждет, чтобы позабавиться.

Что ж, она, пожалуй, его за это не осуждала. Она и сама любила время от времени выяснить с кем-нибудь отношения. Пруденс приподнялась на цыпочки, чтобы положить на место крест...

- Что вы здесь делаете?

В гробовой тишине слова прозвучали резко и очень близко, так что Пруденс испуганно сделала шаг назад, что было крайне рискованно для человека, балансирующего на кончиках пальцев на сиденье шаткого стула. Вцепившись в крест, она шумно втянула воздух, пытаясь удержать равновесие.

Потом она отклонилась назад и рухнула прямо в руки человека, задать перцу которому сюда пришла.

Глава 7

Очень тонкое дело всегда быть правым, но не показывать этого, особенно когда имеешь дело с человеком аристократического воспитания и, конечно, обладающего чувством собственной значимости. Образцовый дворецкий должен уметь повернуть дело таким образом, чтобы казалось, будто все решения принимаются его хозяином или будто они, по меньшей мере, полностью одобряются им, хотя иногда все обстоит совсем наоборот.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Всего за несколько минут до того, как Пруденс упала со стула, Тристан стоял во дворе, сердито поглядывая на каретный сарай. Там находились слуги его отца, и это почему-то казалось ему неправильным.

Что-то прикоснулось к его ноге, и он посмотрел вниз.

- А-а, это ты, Винчестер?

Кот громко замурлыкал, прижимаясь рыжей с белым мордочкой к сапогу Тристана. Тяжело оперевшись о калитку, Тристан выпустил из рук трость и, взяв кота на руки, рассеянно почесал сильно потрепанное в кошачьих битвах ухо.

- Осторожно, дружище. Здесь неисследованная территория, мало ли с чем можно столкнуться.

Но и мы не лыком шиты и не в таких штормах побывали. Прорвемся. Вот увидишь.

Винчестер нервно дернул ухом, и Тристан, почесав его напоследок еще разок, опустил кота на землю.

- Вот вы где, капитан! - воскликнул Стивенс, подбегая к нему.

- Ну, вот он я, - сказал Тристан, не сводя глаз с широких дубовых дверей каретного сарая. Из-за дверей доносились самые разнообразные звуки. Там что-то приколачивали, пилили... Интересно, что затеял этот Ривс?

- Капитан, вы не поверите, но... - начал было Стивенс, но сильный грохот заставил его повернуться к каретному сараю. - Что там происходит?

- Одному Богу известно, но я тоже намерен это выяснить. - Тристан ухватился за набалдашник трости и оторвался от калитки, о которую опирался спиной. - Стивенс, мне начинает казаться, что я совершил ошибку, разрешив мистеру Ривсу и его компании отдохнуть денек-другой в нашем сарае.

- Я и сам так думаю, капитан. Что, интересно, он там делает?

- Не знаю. Он попросил только разрешения произвести небольшую уборку. Но мне кажется, пора это узнать. - Тристан направился к двери. Едва успел он прикоснуться рукой к большому ржавому металлическому кольцу, как порыв ветра донес до него какой-то поразительный запах.

Стивенс задрал нос, принялся.

- Силы небесные, капитан? - с благоговением произнес он, жмурясь от удовольствия. - Чем это пахнет?

- Не знаю, - озадаченно произнес Тристан. Он рывком распахнул дверь, шагнул внутрь и замер от изумления.

Помещение сарая было вычищено: надраено с полу до балок, поддерживающих крышу. Все их запасы сена - правда, весьма скудные - были аккуратно сложены возле дальней стены. Их инструменты и всякий такелаж снесли туда же и развесили на только что вколоченных крюках. В результате большая часть площади сарая освободилась. Или, вернее, освободилась бы, если бы кто-то не расставил там на одинаковом расстоянии друг от друга бочонки и не накрыл их сверху тщательно подогнанными длинными досками, в результате чего получилась конструкция, похожая на большой стол, тянувшийся вдоль всего помещения.

Ривс превратил каретный сарай в обеденный зал. Однако еще хуже было то, что там суетилась, казалось, целая армия ливрейных лакеев.

- Тысяча чертей, - промолвил Тристан. Зачем потребовалось Ривсу соорудить такую смехотворную штуковину, как обеденный стол, за которым могут усестись тридцать или даже сорок человек?

Стивенс насторожился:

- Капитан, бросьте взгляд по правому борту! Ведь это наш Тоггл, ловкач этакий!

Возле бочонка восседал с салфеткой, засунутой под подбородок, крупный мужчина с круглой, пухлой, как у ребенка, физиономией. На нем была надета грязная белая рубаша, натянувшаяся на пузе, которое было лишь частично прикрыто плащом. Его одежда была такой же неопрятной, как и он сам. Седеющие волосы на круглой, как арбуз, голове были неумело подстрижены и взлохмачены.

Увидев Тристана, он удивленно раскрыл глаза и вскочил на ноги, сжимая в руках нож и вилку и не успев утереть жир с подбородка.

- Капитан! Я не думал... что вы здесь делаете?

Тристан сжал набалдашник трости, но тут вмешался Стивенс:

- Ну и болван ты, Тоггл. Как, по-твоему, кому принадлежит этот сарай?

Тоггл огляделся вокруг удивленным взглядом.

- Он принадлежит капитану, наверное, потому что стоит на его собственном дворе.

- Это действительно собственность капитана, глупец! - раскрасневшись, рявкнул Стивенс. - А теперь положи вилку и встань, как положено моряку, или в наказание я продаю тебя с песком и прикажу высечь!

- Мистер Стивенс, сэр! Я... я хотел лишь... - Тоггл, заметив, что жестикулирует вилкой, торопливо положил ее на стол. - Я всего лишь помогал мистеру Ривсу снять пробу с приготовленного коком нового блюда... - Он с надеждой взглянул на кого-то, кто стоял позади Тристана и Стивенса. - Мистер Ривс, я опять позабыл, как называется это блюдо?

- Говядина по-польски. - Ривс подошел к бочонку и поднял крышку с блюда, стоявшего в центре. В воздухе распространился такой аромат, от которого потекли слюнки. - Милорд, мистер Стивенс. Может быть, вы тоже пожелаете отведать новое блюдо? Великолепный винный соус здесь смешан с...

- Нет, мы не станем пробовать, - сердито сказал дворецкому Тристан. - Сколько слуг вы привезли с собой?

- Двадцать одного человека, милорд. Этого достаточно, чтобы начать новое хозяйство. Если бы я знал, что у вас уже имеется такая свита, я, возможно, взял бы с собой на одного-двух лакеев меньше.

- Я не давал вам разрешения устраивать столовую из моего сарая.

- Нет, милорд. Не давали. Однако, исходя из того, что вы теперь являетесь герцогом Рочестером, кажется вполне разумным...

- Что я слышу? - воскликнул, вытаращив глаза, Стивенс. - Капитан является герцогом?

Ривс с почтением кивнул:

- Да. Он только что стал седьмым герцогом Рочестером. А кроме титула, он должен унаследовать огромное состояние.

Стивенс, схватившись за сердце, отступил на шаг.

- Герцог?

- Сбавь обороты, – сердито прошипел Тристан, оглядываясь вокруг, хотя в пределах слышимости находились лишь Тоггл и Стивенс.

Тоггл понадежнее засунул под подбородок салфетку.

- Мистер Ривс рассказал мне все о том, какая счастливая доля выпала нашему капитану, и о том, что он стал одним из самых главных пэров страны и может теперь, если пожелает, есть этот соус даже на завтрак, обед и ужин и...

- Довольно! Я не хочу, чтобы об этом знали. Вы меня поняли?

Тоггл послушно кивнул, сразу же переключив внимание на тарелку.

- Я никому не скажу, капитан. От меня ни одна душа не узнает. Можно мне теперь доесть свою порцию?

Подумать только, неужели всю его команду удастся завоевать с помощью вкусного соуса? В таком случае, что они за люди?

- Ривс! Я этого не потерплю.

Дворецкий приподнял брови.

- Не потерпите чего, милорд? Соус? Очень хорошо. Я скажу шеф-повару, что вам не нравится говядина по-польски, однако мне все-таки кажется, что вам она могла бы прийтись по вкусу, если бы вино к ней было правильно выбрано и...

- Я не хочу никакого соуса, ни по-польски, ни какого-либо другого. Ривс, я хочу, чтобы вы и ваши люди покинули мой сарай. – Тристан сердито взглянул в сторону Тоггла: – А ты можешь доесть свою порцию, но это все. После этого принимайся за работу!

- Да, капитан! – Тоггл с благодарностью уселся снова и принялся ускоренными темпами сметать соус.

Ривс вздохнул:

- Милорд, боюсь, что вы неправильно поняли мои намерения. Я просто хотел немного побаловать ваших людей хорошей пищей.

- Вы хотели завоевать их расположение, а через них – завоевать меня.

Тристан надеялся смутить дворецкого, но Ривс только улыбнулся.

- Возможно. Но я вижу, что этому не бывать. Поэтому я прикажу людям упаковывать наши пожитки.

Расстроенный Тоггл тихо охнул, но Тристан не обратил на него внимания.

- Уж позаботьтесь, чтобы они это сделали. – Нахмурив лоб, он огляделся вокруг: – А где ваши лошади?

- Мы поместили их под навесом, – объяснил Ривс, широко разводя руками, чтобы показать, что

у них не было выбора. – Лучше держать животных подальше от кухни.

– Это каретный сарай, Ривс. Сарай. Вы меня понимаете?

– Конечно, милорд. Как скажете. На то вы и герцог.

Проклятие!

– Послушайте, Ривс...

Тоггл прочистил горло.

– Извините, конечно, капитан, но мистер Ривс и его люди сделали там все как на корабле. Он чертовски хорошо умеет все организовывать. Из него получился бы классный первый помощник.

Стивенс от неожиданности вытаращил глаза.

– Повтори, что ты сказал! – рявкнул он. Тоггл заморгал.

– Конечно, не лучше, чем вы! Поверьте, я не это хотел сказать!

Ривс поклонился Стивенсу.

– Из того, что я услышал от Тоггла, я понял, что вы во многом превосходите меня. – Потом он остановил спокойный взгляд голубых глаз на Тристане. – Прежде чем уехать, я напишу все, что мне известно о местонахождении мистера Кристиана.

Кристиан! Как мог Тристан позволить себе забыть об этом? Почувствовав себя виноватым, он кивнул.

– Это очень великодушно с вашей стороны. Извините, что я не могу позволить вам остаться в моем сарае. Я не могу допустить подобного нарушения порядка в моем хозяйстве...

– Ах, милорд! Вам нет нужды извиняться.

– Ну что ж, если угодно, могу дать вам еще один день, чтобы собраться.

– Вот и правильно, капитан, – сказал Стивенс, кивая, словно это решало все их проблемы. – Мы снова взяли правильный курс!

Ривс улыбнулся первому помощнику:

– Мистер Стивенс, я не решаюсь спросить, но не пожелаете ли вы поужинать, прежде чем мы упакуем свои пожитки?

Стивенс посмотрел на Тристана:

– Вы не возражаете, капитан? То есть я хотел сказать – милорд?

– Прекрати! Я не потерплю всей этой чепухи. Никаких «милордов» в моем доме!

Стивенс понурил голову.

– Не знаю, смогу ли я теперь называть вас капитаном. Неуважение к титулам – это

оскорбление королю.

Ривс задумчиво кивнул.

- В жизни приходится подчиняться кое-каким правилам, не так ли, мистер Стивенс?

- Так оно и есть. - Стивенс хотел добавить что-то еще, но вдруг застыл на месте и хлопнул себя рукой по лбу. - Силы небесные, капитан! Чуть было не забыл! В вашем кабинете вас ждет миссис Тистлуэйт.

Тристан расправил плечи.

- Что, опять какие-нибудь проблемы с овцами?

- Она привела одну из ваших овец с собой. Говорит, что это та самая овца, которая проникает в ее огород.

- Она привела овцу с собой? - удивленно переспросил Тристан.

- Да, капитан. Она надела ей на шею свой шарф и волокла ее всю дорогу от своего дома.

Сам того не желая, Тристан фыркнул.

- Боже милосердный! - промолвил Ривс, в глазах которого вспыхнул интерес. - Кто такая эта миссис Тистлуэйт? Похоже, это весьма предприимчивая леди.

- Святые угодники, мистер Ривс! Это такая привлекательная маленькая шхуна, каких свет не видывал. Умненькая, ладненькая, элегантная, словно чайка. Она и ее матушка хотят основать школу неподалеку отсюда, и все мы с нетерпением ждем, что из этого получится. Они обе вдовы, но ни об одной из них я пока и слова дурного не слышал.

- Вдова, говорите?

Тристан сердито взглянул на Ривса. Слово «вдова» он произнес таким тоном, как будто оно позволяло на что-то надеяться.

Однако во взгляде Ривса он не заметил ничего, кроме вежливого интереса, поэтому обратился к Стивенсу:

- Где сейчас находится эта проклятая овца? Надеюсь, она не расположилась тоже в моей библиотеке?

- Упаси Господи, нет! Хотя, мне кажется, именно это было на уме у миссис Тистлуэйт. Но овца, едва переступив порог, умчалась куда глаза глядят. Сейчас ее ловят несколько человек.

- Вот и хорошо. Надеюсь, они сумеют поймать ее, и мы приготовим из нее обед. Ривс, мы с вами поговорим позднее об использовании вами моего сарая.

- Хорошо, милорд.

Тристан повернулся и похромал назад к дому. Взойдя на террасу, он открыл дверь в кабинет и замер на месте. Там, балансируя на сиденье стула, стояла его соседка и главный возмутитель его спокойствия. Она стояла на самом краю, приподнявшись на цыпочки. Одна ее рука лежала на полке над головой, а в другой она держала что-то поблескивающее, но самым интересным

ему показалось то, что она в кои-то веки была без плаща.

Тристан тихо закрыл дверь. Стивенс был прав: внешность маленькой вдовушки радовала глаз. Она протянула руку к полке, и ее домашнее платье натянулось на груди, обрисовав соблазнительные округлости, так что все его тело аж загудело от желания.

Еще большие мучения причиняло то, что горевший в камине огонь, освещая сзади ее юбки, позволял ему определить длину ее ног и домыслить соблазнительный изгиб ягодиц. Тело его напряглось от желания, и он вдруг рассердился:

- Что вы здесь делаете?

Его гостя от неожиданности отступила назад, и ее нога оказалась рискованно близко к краю сиденья. Тристан в мгновение ока оказался рядом.

Отбросив трость, он, несмотря на боль, ступил на покалеченную ногу и подставил руки. Он поймал ее как раз вовремя. Она рухнула к нему на руки, неистово размахивая руками и ногами.

Она нечаянно ударила его локтем в подбородок. Он поморгал, прогоняя белые мушки, заплывавшие перед глазами, и крепко прижал ее к себе, чтобы она чего-нибудь не повредила. На какую-то долю секунды он покачнулся, пытаясь опереться на больную ногу, потому что она продолжала извиваться в его руках.

- Угомонись, дуреха!

Его резкий тон, видимо, дошел до ее сознания, потому что она затихла и только смотрела на него широко раскрытыми глазами. У нее очень красивые карие глаза, решил Тристан, не первый раз замороженный разлетом ее бровей. В ее чертах было что-то экзотическое. Ему нравились едва заметные морщинки которые расходились лучиками от уголков ее глаз, когда она смеялась. У него даже возникло желание попробовать чем-нибудь рассмешить ее.

Она с подозрением прищурилась.

- Почему вы улыбаетесь?

- Разве я улыбаюсь? - спросил он и, повернувшись на пятке здоровой ноги, уселся на стул, с которого она упала. Он пристроил ее у себя на колене. От нее пахло свежерезанным лимоном и чем-то еще... может быть, пирожным?

- Капитан Ллевант, теперь можете отпустить меня.

- Могу, - согласился он, не выпуская ее из рук. Она была стройненькая, но с округлостями во всех нужных местах. Ему очень нравилось ощущать ее в своих руках.

- Капитан Ллевант!

Он приподнял брови.

- Отпустите меня немедленно или...

Он ждал.

- Или...

За полсекунды ее возмущение сменилось раздражением.

- Поставьте меня на пол сию же минуту!

Он понимал, что следует сделать так, как она требует. Но ее было так приятно держать в руках, она согревала его колени, ее свежий запах щекотал ему ноздри, поэтому он просто не мог этого сделать. Не мог поставить ее на пол. Не мог даже ослабить свою хватку – ни за какие деньги, и ни за какие герцогства в мире.

- Я поставлю вас на пол, когда захочу, и ни секундой раньше.

Она даже рот раскрыла от удивления.

- Прошу прощения?

Тристан ничего не мог поделать с собой: было в этой миссис Тистлуэйт что-то непреодолимо привлекательное.

- Можете просить, сколько пожелаете, дорогая, я вам мешать не буду.

Она прищурилась.

- Капитан Ллевант, я не позволю вам обращаться с собой таким...

Тристан поцеловал ее. Он не имел намерения целовать ее, но почему-то это показалось ему единственным логически оправданным способом остановить ее болтовню. Он был готов к ее гневу. Однако оказался совсем не готов к собственной реакции на это инстинктивное простое прикосновение.

В тот самый миг, когда его губы накрыли ее рот, что-то изменилось. Вместо забавного влечения, которое он старался побороть, вспыхнуло множество огоньков. Он замер, глядя на нее, потому что увидел в ее затуманившемся взгляде такую же изумленную страсть.

Тристан не дал ей времени на размышление: он поцеловал ее снова, на этот раз крепче, поддерживая за спину и прижимая к себе.

Мгновение помедлив, она вся отдалась поцелую. Она обхватила его руками за шею, а ее губы раскрылись под его губами. Время остановилось. Дыхание Тристана смешалось с ее дыханием, их сердца бились в одном сумасшедшем ритме, а ее гортанные стоны побуждали его продолжать.

Тристан услышал, как где-то далеко в конце коридора скрипнула входная дверь. Где-то на задворках воспаленного похотью сознания возникла мысль, что после этого звука кто-то вскоре должен появиться в комнате. К сожалению, та часть сознания, которая могла бы трезво оценить последствия такого вторжения, была временно заблокирована. Поэтому Тристан не удивился, когда, коротко стукнув в дверь, в библиотеке появился Стивенс.

Гораздо больше его удивило то, что он и не подумал перестать целовать свою восхитительную соседку.

С другой стороны, Пруденс, очевидно, не заметила, как открылась дверь, потому что тихо охнула, услышав прозвучавшее в комнате восклицание Стивенса:

- Святые угодники!

- Боже милосердный! - Она сразу же попыталась вырваться из объятий Тристана, отчаянно ерзая в его руках, однако он не собирался ее отпускать. Ему хотелось, чтобы она оставалась на месте. Так сильно он уже давно ничего не хотел.

- Капитан Ллевант! - прошипела она, с трудом переводя дыхание.

Он заметил, что из пучка на ее затылке выбилась длинная прядь волос.

- Думаю, вам следует называть меня Тристаном.

- Ничего подобного я не сделаю.

- А я буду называть вас... - Он нахмурил лоб. - Я не знаю вашего имени!

- Ее зовут Пруденс, милорд, - пришел на выручку Стивенс.

Пруденс бросила сердитый взгляд на первого помощника, который покраснел, переминаясь с ноги на ногу от смущения, но продолжал улыбаться во весь рот.

- Прошу прощения, миссис, - сказал он, - но ваша служанка много болтает.

- А ваш хозяин ведет себя грубо. Отпустите меня, капитан!

Тристан понял, что у него нет выбора. Не мог же он вечно держать ее в объятиях.

- Как вам будет угодно, мадам, - сказал он и, вздохнув, поставил ее на ноги.

Как только он отпустил ее, она бросилась в самый дальний конец комнаты с такой скоростью, что зацепилась юбками за низенький столик и потащила его за собой.

Посмотрев на эту картину, Стивенс покраснел еще гуще, но улыбка его стала шире.

- Ну что ж, я не хотел прерывать вас, капитан... я хотел сказать, милорд.

Пруденс, покрасневшая почти так же сильно, как он, наклонилась и отцепила подол юбки от края стола.

- Проклятый стол! - пробормотала она.

Удары сердца все еще отдавались в ее ушах, мешая ясно мыслить. Почему-то ей казалось, что она все ужасно запутала, только никак не могла сообразить, в чем тут дело.

- Я... я должна идти.

- Вздор, - спокойно сказал капитан, явно не испытывая ни малейшей неловкости от того, что его застали в такой... Пруденс не знала, как еще можно было бы назвать их объятия, кроме как «абсолютно неприличной ситуацией». - Миссис Тистлуэйт, у меня к вам имеется несколько вопросов. Вы только что пришли и сразу же бросились копаться в моих вещах. Скажите мне, пожалуйста, может быть, так принято вести себя в Лондоне? Дождаться, когда человек выйдет из комнаты, чтобы потом на свободе досматривать его личные вещи?

Пруденс снова покраснела до корней волос.

- Нет! Конечно, нет! Я не хотела что-то выведывать, просто Стивенс упомянул о Трафальгаре, и

я заинтересовалась... - Она закусила губу. - Извините. Моему любопытству нет оправдания.

- Гм-м... - Капитан сложил руки на груди и бросил взгляд на Стивенса: - Ну, что там у тебя случилось?

- Это касается Ривса, капитан.

Пруденс, приводившая в порядок свое платье, застыла на месте.

- Ривс? - Она не хотела задавать никаких вопросов, но что-то в том, как произнес это имя первый помощник, вызвало ее любопытство.

Стивенс кивнул:

. - Да, Ривс. Это дворецкий. Из Лондона! Он приехал, чтобы служить капитану.

Пруденс взглянула на капитана:

- У вас есть настоящий дворецкий?

Стивенс кивнул еще энергичнее:

- Теперь есть! Ривс был дворецким старого герцога, а теперь... - Он недоговорил фразу, заметив сердитый взгляд, который бросил на него капитан.

- Старый герцог? - Пруденс растерянно уставилась на капитана. - Вы совсем сбили меня с толку. Какой герцог?

- Герцог Рочестер, - сказал Стивенс, стараясь повернуться так, чтобы не видеть капитана. - Старый герцог был отцом нашего капитана.

Пруденс, от удивления открыла рот:

- Ваш отец был герцогом?

У капитана помрачнело лицо, и он, не скрывая неприязни, сказал:

- Мой папаша был никчемным бездельником. Это неоспоримая единственная истина. Во всем остальном, что о нем говорится, можно сомневаться. - Он сердито взглянул на Стивенса: - Так что ты хотел сообщить о Ривсе? Надеюсь, он занят ликвидацией того беспорядка, который устроил в моем сарае?

- По правде говоря, милорд, он решил, что поскольку вы позволили ему провести там еще одну ночь, а он приказал приготовить большое количество соуса, можно было бы этим воспользоваться. Поэтому пригласил нас всех к себе отужинать. Вы, разумеется, тоже приглашены!

- Что-о?

- Да, капитан. Он заставил своих людей накрыть столы белыми скатертями и поставить фарфоровую посуду, которую везли в гору на последней телеге, упаковав ее для сохранности в бочки. Они устроили там такой шум, что до смерти перепугали беднягу Винчестера.

- Винчестера? - переспросила Пруденс, которая все еще тяжело дышала, но пыталась как-

нибудь отвлечься от того, что произошло.

- Винчестер – это кот, – спокойно объяснил капитан, взглянув на нее своими удивительными зелеными глазами.

Какие необычные у него глаза, подумала она, и такие... красивые. Он приподнял брови и улыбнулся с весьма довольным видом.

Пруденс смутилась, поняв, что он заметил, как она уставилась на него.

- Мне действительно пора идти, – торопливо сказала она.

- Но вы только что пришли, – сказал капитан.

- Правда, миссис. Оставайтесь. Вам понравится Винчестер. Это рыжий кот, и такого хорошего крысолова свет еще не видывал. – Стивенс хохотнул. – Мы держали Винчестера на борту «Виктории» до самого конца. И надо сказать, за все время плавания не видели на корабле ни одной крысы.

Пруденс заставила себя улыбнуться.

- Подумать только! Похоже, что этот Винчестер первоклассный кот. – Почему-то она с трудом могла представить себе, что капитан – вернее, герцог – обращает внимание на такие пустяки, как какой-то кот.

Она постаралась смириться с тем фактом, что ее сосед совсем не такой, каким казался. И все же ей не вполне верилось в правдивость этой истории с титулом герцога. Ей показалось, что капитан и сам не очень в нее верит.

- Капитан, я хотела спросить насчет этой истории с герцогским титулом...

- Никаких вопросов, – спокойно ответил он.

- Помню, была крыса, которая могла одна, без посторонней помощи поднять парус, – сказал Стивенс.

Пруденс очень удивилась:

- Вот как?

- Именно так, мадам, – подтвердил Стивенс, радуясь вниманию аудитории. – Правда, это была очень большая крыса, размером с собаку.

К удовольствию Тристана, Пруденс хлопнула себя рукой по бедру.

- Как же это крыса может поднять парус? Неужели вы привязывали ее крошечные лапки к веревке?

- Конечно, нет! Этого нельзя сделать. Но мы изготовили для зверька веревочную сбрую. Наденешь на него сбрую, и он поднимает парус даже против ветра! Это было самое удивительное на всем свете развлечение для бездельников.

Пруденс смерила Стивенса взглядом с головы до ног:

- Вы что, пьяны?

Стивенс поморгал.

- Как можно, мадам! Сейчас еще только десять утра. Если бы уже перевалило за полдень, вот тогда...

- А если вы не пьяны, то какой черт вас надоумил, будто я могу поверить этому вранью? Крысы поднимают паруса! Вы бы еще выдумали, что крыса может управлять судном!

- По правде говоря, мадам, - сказал Стивенс, глядя на нее самым честным взглядом, - была одна крыса, которая проглотила серебряные карманные часы Джонни Варна и...

- Ни слова больше! - воскликнула она и, повернувшись к Тристану, успела заметить, что он улыбается, - Вы тоже хороши!

- А что я? - удивился он. Улыбка на его лице погасла сама собой.

- Похоже, лгать для моряков так же естественно, как дышать.

- Послушайте, - возмутился он, - я вам не лгал. Стивенс тоже. Мы просто плели небылицы.

- И о титуле герцога тоже, милорд?

- Сбавьте обороты, мадам! - вмешался Стивенс. - Капитан - настоящий герцог без всяких шуток.

Пруденс недоверчиво приподняла бровь.

- Понятно. Если он герцог, то я герцогиня Девоншир.

Стивенс охнул:

- Не может быть! И вы оказались здесь, в этой глуши! Это ли не настоящее чудо? И как хорошо, что вы близко познакомились с капитаном. Ему не помешало бы иметь на своем фрегате одну-двух герцогинь. Особенно теперь, когда он получил титул.

Пруденс вытянулась во весь свой небольшой рост и, бросив презрительный взгляд на Тристана, заявила:

- Вы их хорошо выдрессировали. Все они лгут очень убедительно.

Тристан, сложив на груди руки, откинулся на спинку кресла.

- Эта часть полученной вами информации - правда. Я действительно герцог.

- Ну, еще бы, конечно, герцог.

- Я не говорю, что заслуживаю этого. Титул принадлежал моему отцу, хотя отец отказывался признавать меня. - Тристану даже удалось улыбнуться. - Я, видите ли, незаконнорожденный.

- Я не знала, но это не имеет значения.

- Но для моего отца это, в конце концов, приобрело большое значение. Когда он понял, что

умирает, не оставляя законного наследника, он пошел на то, что обычно называется наглым надувательством, и, как всегда, повернул все так, как было нужно ему. Так я и стал обладателем гордого титула.

Она опустила голову и наморщила лоб, осмысливая услышанное.

Тристану не хотелось рассказывать ей об этом. Он даже не мог бы объяснить, зачем он это сделал. Наверное, потому, что ему не хотелось, чтобы она сочла его хвастуном, присвоившим не принадлежавший ему титул.

- Тут все не так просто. Я унаследую все состояние только в том случае, если буду соответствовать понятиям покойного герцога о достойном поведении.

- В чем заключается это поведение?

- Раскланиваться, расшаркиваться и целовать задницы половине титулованной знати.

- Боже милосердный! Вы, кажется, не в восторге от этого?

- Я не оденусь в бархат для того лишь, чтобы получить деньги, какой бы значительной ни была сумма.

Пруденс хмыкнула.

- Очень благородно с вашей стороны отказаться от состояния в попытке отстоять свое право одеваться кое-как и грубо вести себя.

Тристан рассмеялся:

- Должны же у мужчины быть свои принципы.

- Разумеется. Мне частенько приходилось слышать, что мужчина без принципов похож на корабль без руля. Кем бы вы были без вашего скверного характера и невоспитанного поведения? Конечно же, не тем суровым капитаном дальнего плавания, которого все мы знаем, и...

- Не стесняйтесь, говорите. Можете не щадить меня, я выдержу.

Она мило улыбнулась:

- Но ведь вы человек раненый. Мне не хотелось бы обижать вас, когда вы не полностью дееспособны.

Стивенс вскинул руки.

- Склоните головы! Я, пожалуй, пойду. Может быть, принесу чайку, если найдется.

Уходя, он предостерегающе взглянул на Пруденс. Эта женщина имела дерзость улыбнуться.

- Кажется, ваш человек считает, что мне угрожает какая-то опасность.

Тристан прищурил глаза.

- Так оно и есть, дорогая моя. - Он наклонился к ней. - Позвольте заверить вас, что я

полностью дееспособен, несмотря на раненую ногу. Мушкетная пуля, ранившая меня, прошла далеко от важной части моего тела.

У нее зарделись щеки.

- Хватит об этом, благодарю вас.

- Но это вы высказали предположение, что я не способен пуститься в плавание на всех парусах.

- Да, но я не имела в виду... ладно, я вижу, что вы просто поддразниваете меня.

- Возможно, - согласился он, с восхищением наблюдая, как дрогнули уголки ее губ, когда она попыталась не улыбнуться в ответ на его улыбку.

Их взгляды встретились, и вдруг все встало на свои места. Происходящее показалось таким правильным, каким давным-давно не бывало ни у того ни у другого. А может быть, вообще никогда не бывало.

- Интересно, - произнесла она, склонив набок голову, - что именно вы будете должны... - Она вдруг замолчала. - Извините, это меня не касается.

Конечно, не касается. И все же... Тристан искоса наблюдал за ней из-под ресниц. Пусть даже миссис Тистлуэйт не имела титула, но каждое ее движение говорило о хорошем воспитании и природном изяществе. Казалось, ей не место в спартанской обстановке его библиотеки. Она двигалась как герцогиня, решил он. А поскольку он был теперь герцогом...

Боже милосердный, откуда у него такие мысли? Ему надо было сосредоточиться на том, как получить деньги, а он размышлял о каких-то глупостях.

Да, сказал он себе. Надо думать о деньгах. О том, чтобы никогда больше искалеченный моряк не остался голодным или без гроша в кармане. Имея деньги, можно было пристроить к дому крыло и разместить там еще несколько спальных мест, чтобы не приходилось отказывать в крыше над головой новоприбывшим. Сейчас дом был полон людей.

Для того чтобы получить наследство, ему придется выдержать испытания у попечителей, а это могло оказаться нелегкой задачей. Что, если ему не удастся пройти испытания?

Он вдруг вспомнил, что рядом стоит Пруденс.

- Мне действительно пора идти, - сказала она. - После полудня мне предстоит сделать кое-какие дела, хотя я еще не закончила то, ради чего пришла сюда.

- А-а, да. Моя овца.

- Если она появится в моем огороде еще раз, я сварю из нее суп.

Он удивленно вскинул брови.

- Вы умеете готовить? Если бы я это знал, то прислал бы вам ярочку помоложе.

Она прищурилась и скорчила укоризненную гримасу. Тристан, рассмеявшись, поднял руки:

- Не стреляйте, женщина! Я всего лишь поддразниваю вас. Клянусь могилой своей матушки, я

не знал, что моя овца снова перелезла через ваш забор. Я по-прежнему не могу взять в толк, как это происходит.

Судя по всему, она не до конца поверила ему.

- Как бы то ни было, но это ваши овцы. И вам нужно нести ответственность за них.

- Я моряк, а не пастух. Но ради вас... - Тристан окинул ее взглядом от блестящих каштановых кудряшек на голове до соблазнительно выглядывающих из-под юбок носков туфель и, явно довольный увиденным, договорил фразу до конца: - ради вас я мог бы стать кем угодно.

У нее вспыхнули щечки, и она торопливо присела в поклоне.

- Я... вы... вы... - Она поморщилась. - Просто держите своих мерзких овец на собственной территории! - С этими словами она круто повернулась и почти выбежала из комнаты.

Глава 8

Очень тонкое дело всегда быть правым. Но умный дворецкий знает, как сделать это непростое обстоятельство приятным. По крайней мере, на то самое мгновение, когда это важно.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Тристан оперся рукой на раму и выглянул из окна, выходящего на террасу. Ветер шевелил листву, и живая изгородь была похожа на волнующееся море на фоне быстро темнеющего неба. В поле его зрения попал угол сарая, едва видимый отсюда.

Сарай...

Тристан сердито нахмурился. Если бы он обладал магической силой, то заставил бы это проклятое сооружение не просто исчезнуть из поля зрения, но испариться вообще. Потому что вместе с ним исчезла бы и стоящая перед Тристаном дилемма. Ему нужны были эти проклятые деньги. Чем больше он думал о том, что можно было бы сделать с их помощью, тем более убеждался, что отказ от представившегося ему «удобного случая» недопустим.

Ничего не скажешь, умел его дивный папаша заставить человека почувствовать всю несправедливость жизни. Должно быть, и сейчас, глядя на его мучения, хохочет в своей могиле.

От этой мысли стало тяжело на сердце.

«Будь прокляты его кости, - сказал себе Тристан, отворачиваясь от окна. - Да я скорее уголь буду в топку кидать, чем раболепствовать перед кучей сладкоречивых аристократов». Все они той же породы, что и старый герцог, который много лет назад не помог матери и бросил ее умирать от лихорадки в холодной сырой тюрьме. Он вспомнил, как узнал о смерти матери только через два года после свершившегося факта. Рана в душе еще не зарубцевалась и болела.

Тристан почувствовал прилив гнева. За последние годы он пережил много утрат. Сначала брат. Потом мать. А теперь вот отец, которого он никогда не имел.

Тристан сжал в кулак руку, опирающуюся на стекло, и прислонился к кулаку лбом. Черт бы побрал этого герцога. Не будет он больше думать о нем. У него есть более важные проблемы.

Такие, как Кристиан. Тристан много лет разыскивал своего брата. А теперь появился шанс найти его. Ему была нужна лишь информация, имевшаяся у Ривса, и немного времени.

Он провел рукой по подбородку и почувствовал, как царапается успевшая отрасти щетина. Когда надменная леди уходила, он заметил покраснение на ее лице, вызванное отнюдь не смятением, а трением о его щетину. Если эта соблазнительная леди будет и впредь появляться в его жизни, ему придется почаще бриться.

Пруденс. Хотя на сердце было тяжело, он улыбнулся. Это имя [1] очень ей подходило.

У него еще было живо в памяти воспоминание о поцелуе, и его нижняя губа дрогнула, как будто он вновь ощутил прикосновение ее губ. Ее этот поцелуй взволновал.

Тристан был вынужден признать, что получил немалое удовольствие, видя, что привел малышку в такое смятение.

Она выглядела еще привлекательнее, когда его поцелуи привели в беспорядок ее волосы и платье. Привлекательнее и... он вытянул губу, вспоминая, как она выглядела, когда он наконец позволил ей встать на ноги. По правде говоря, она выглядела весьма разгоряченной. Да, в этой женщине, несомненно, есть огонек. Огонь и чувственность, которая только и ждет, чтобы вырваться на свободу.

Жаль, что она относится к тому типу женщин, на которых женятся. Если бы она позволяла себе вольности и была готова на все, он бы, пожалуй, воспользовался ее милостями. По крайней мере, в постели.

Пруденс была миловидной, пылкой, умной и честной. Одним словом, она принадлежала к числу таких женщин, которых Тристан избегал.

Мысль о том, чтобы обзавестись семьей, ему не импонировала. Он был скитальцем, человеком моря. Он тяжело воспринимал необходимость оставаться на одном месте и проклинал свое увечье.

Сама мысль о том, чтобы быть прикованным к дому, была для него мучительной, поэтому он не возражал против нашествия моряков в его коттедж. Пусть даже он купил этот коттедж, но он был его домом не больше, чем любое другое место, где он спал, с тех пор как впервые оказался в море.

Именно поэтому серьезные отношения с Пруденс не могли привести ни к чему, кроме страданий. Она была из тех женщин, которые, где бы ни оказались, начинали создавать дом. Ее бы не устроили скитания с континента на континент, а именно так Тристан был твердо намерен жить, как только более или менее благоустроит жизнь своих людей. А ей потребуются дом со шторами на окнах и садом и муж, который каждый вечер с наслаждением сидит у камина.

вернуться

1

Пруденс (англ.) – благоразумие, рассудительность

Ему еще предстояло многое сделать: позаботиться о своих людях, отыскать брата. К тому же почти всю свою жизнь он был одинок и не считал, что это так уж плохо. Он, по сути дела, никого не мог бы назвать своим родственником с тех пор, как... Кристиан!

Застарелая боль шевельнулась в его сердце. Где брат? Как сложилась у него жизнь? Эти вопросы донимали его до тех пор, пока, убедившись, что он не может получить на них ответы, Тристан не перестал их задавать. Он отказался думать об этом. Отказался надеяться.

Пока не появился Ривс.

Тристан вдруг заметил, что до боли сжимает пальцами набалдашник трости. Думать об этом было трудно.

Но в этом был новый вызов. Так сказать, новое море, которое предстояло переплыть. И он его переплывет, уж будьте уверены. Он найдет Кристиана. А также добьется у попечителей разрешения на получение денег для своих людей. Жизнь иногда требовала трудных компромиссов.

Он оглянулся через плечо на письменный стол. Там, словно издеваясь над ним, лежало завещание. Он прочел его все целиком, до последней буквы, но так и не смог поверить тому, что в нем говорилось. И размерам того богатства, которое оставил старый герцог не только ему, но и Кристиану.

- Тысяча чертей, где же этот Ривс? - Тристан снова посмотрел в окно. Ему был нужен дворецкий. Нужен для того, чтобы найти Кристиана и чтобы помочь расположить к себе попечителей.

В отличие от других известных моряков Тристан избегал привлекать внимание общества к собственной персоне. Он ненавидел связанную с этим фальшь, шелка и бархат, под которыми скрывались черные сердца и мелкие, эгоистичные душонки. Зная своего папашу, он догадывался, что за люди эти «попечители». Тристан мог бы поклясться «Викторией», что все они надутые самодовольные задницы.

Тристан взглянул в сторону сарая, заметив, что сквозь щели в его дверях пробиваются лучики света и падают на быстро темнеющий двор. Они так и манили в теплое помещение. Было бы очень заманчиво пересечь двор и посмотреть, кто из его людей соблазнился ужином, предложенным Ривсом. Наверняка там будет Тоггл, потому что действиями этого человека руководит желудок. И возможно, еще один-два человека. Наверное, их нельзя винить: не так уж часто им доводилось отведать такой превосходной пищи.

Питание у них становилось все более скудным, а жилье - перенаселенным. Подобно кораблю в открытом море, вдали от земли, они начали ощущать нехватку припасов. Вот и сейчас на письменном столе Тристана лежала аккуратно сложенная пачка счетов, подлежащих оплате. Его финансовые возможности были почти исчерпаны, а на пороге дома что ни день появлялись моряки, нуждающиеся в приюте.

Тристан покачал головой. Об этом он подумает потом. А сейчас попытается вспомнить название соуса, от которого был в таком восторге Тоггл. В желудке у него заурчало, как видно, соус стоил того, чтобы вспомнить его название. Он взглянул на часы, стоявшие на каминной полке.

Почти шесть! Где же ужин? Обычно кок ставил на стол порцию для каждого задолго до этого часа, Тристан дохромал до двери и распахнул ее.

- Стивенс!

Ему ответило только эхо. Похоже, он был совсем один в пустом доме.

Странно. За последний год такое случалось так редко, что хватило бы пальцев на одной руке, чтобы пересчитать такие случаи. В зловещей тишине Тристан дошел до конца коридора. Неужели все его люди отправились в сарай? Неужели все до одного? А как же его ужин?

Что-то проворчав себе под нос, он схватил с крючка плащ. Накинул его и вышел из дома.

Несколько мгновений спустя он был возле сарая, откуда доносился громкий шум голосов.

Тристан распахнул широкую дверь и замер на месте, не веря своим глазам. Он уже видел, что сарай изменился внутри, но теперь он не просто изменился, а преобразился коренным образом. Все помещение было идеально чистым, длинный узкий стол, стоявший посередине, был застелен белыми скатертями и накрыт сверкающим серебром и фарфором. Стол освещался большим серебряным канделябром, то тут, то там были расставлены супницы. Однако больше, чем великолепная сервировка, Тристана поразило то, что его люди, все как один, присутствовали за столом. Даже Стивенс, который восседал во главе стола и с блаженной улыбкой созерцал аппетитную пищу.

Тысяча чертей! Вся его команда покинула судно. При виде этой картины у него защемило сердце.

- Милорд? - услышал он тихий голос у себя за спиной. Тристан оглянулся и увидел Ривса, рядом с которым стоял низенький человек с большими и очень черными усами.

Ривс поклонился.

- Позвольте вам представить, милорд, шеф-повара, синьора Пьетро.

- Пьетро? Итальянец?

- Именно так, милорд. Ваш отец...

- Я просил вас не называть его так.

Ривс чуть помедлил.

- Как пожелаете, милорд. Как я уже говорил, покойный герцог много лет назад привез себе повара-француза. Вскоре его примеру последовала вся аристократия. Поэтому в прошлом году он привез себе Пьетро. Этот человек просто гений.

Приземистый повар был удивительно похож на лягушку в белом колпаке. Он расплылся в улыбке от удовольствия.

- Благодарю вас, синьор Ривс! Милорд, гений не я, а Ривс. Когда я приехал сюда, то сначала заявил, что не смогу готовить в сарае. Но тут Ривс достал из повозки такую кухонную плиту, каких я еще не видывал! И приказал поставить столы именно так, как мне нужно. И выгрузил все мои любимые кастрюли! Поэтому приспособиться оказалось не так уж трудно.

Ривс, судя по всему, был доволен. Взглянув на Тристана, он сказал вполголоса:

- Это новая плита от Гуннера и Албертсона. Одна из самых последних моделей.

- Понятно, - сказал Тристан, хотя явно ничего не понимал.

Повар кивнул.

- Я буду готовить для вас, милорд! - Повернувшись, он крикнул: - Никто! Еще один куверт для его светлости!

Тристан хотел остановить его, но было поздно. Два ливрейных слуги уже мчались к столу, таща посуду.

Ривс улыбнулся, но Тристан строго взглянул на дворецкого.

- Вы, кажется, должны были сообщить мне всю имеющуюся у вас информацию о моем брате?

На лице Ривса сразу же появилось серьезное выражение.

- Именно так. Однако мистер Данстед посоветовал мне подождать. Сегодня после полудня он получил сообщение, которое может вывести прямо на вашего брата. Поверенный только что уехал, чтобы проверить его. Он предполагает вернуться через день-два.

У Тристана екнуло сердце.

- Через день-два? Значит, мой брат находится где-то неподалеку?

- Вполне возможно, милорд. Я не знаю, какое именно сообщение получил Данстед, но он был твердо уверен, что его необходимо проверить.

Тристан не знал, что на это сказать. Он лишь смотрел на дворецкого, стараясь не поддаваться нахлынувшим на него чувствам.

Ривс перевел разговор на другую тему:

- Надеюсь, что вы останетесь довольны ужином. Герцог Камберленд и герцогиня Беркли уже объявили о своих намерениях переманить к себе вашего повара. Нет большего удовольствия, чем обладать тем, о чем мечтают другие.

- Я слышал об этом, - сказал Тристан, глубоко вдыхая аппетитный аромат. Он никогда еще не видел, чтобы его люди были так глубоко поглощены тем, что они делали. Он взгляделся пристальнее. В чем-то они изменились... причем это был не только их сосредоточенный вид, хотя и он был непривычным. - Мои люди... - Если бы он не увидел это собственными глазами, то ни за что не поверил бы: на каждом из них был надет новый камзол. Даже Стивенс, сидевший во главе длинного стола, приоделся в черный камзол, отделанный красным с золотым шнуром.

Ривс улыбнулся:

- Не зная численности вашего персонала и понимая, что у нас слишком мало времени, чтобы сшить новую униформу, я прихватил с собой оставшиеся ливреи старого образца. Я сообщил вашим людям, что, если им желательно, чтобы их обслужили, они должны выбрать что-нибудь из предлагаемой одежды.

- Тысяча чертей! - воскликнул Тристан, который, кроме этого, не знал, что и сказать. Он не мог не заметить тихую радость на лицах собравшихся людей. Несмотря на дурные предчувствия, он и сам улыбнулся. Мало радостей было у этих людей за последнее время. Это

было еще одним основанием для того, чтобы попытаться получить деньги, причитающиеся ему по завещанию.

Тристан сложил руки на груди. Хотя он знал, что ему следует сказать, слова не шли с языка.

- Ривс! Я пересмотрел свою позицию в отношении наследства. Возникла проблема, для решения которой требуются деньги. Если я это сделаю... если мне удастся убедить попечителей в том, что я достоин титула, тогда я получу доступ ко всем этим деньгам, не так ли?

- Именно так.

Тристан взглянул на своих людей, и раздавшийся неожиданно взрыв смеха придал ему решимости.

- В таком случае я это сделаю. - Он помолчал. - Я и понятия не имел, что этот сукин сын был баснословно богат. Я знал, конечно, что он человек не бедный, но, увидев цифры, указанные в завещании, был потрясен. Не обеднел бы, если бы потратил пару пенсов, когда его просили о помощи, и когда наша мать умирала в тюрьме.

Ривс взглянул на него с пониманием.

- О вашем отце - извините, милорд, - о покойном герцоге можно сказать многое: он был на редкость щедр к тем, кто работал на него, однако весьма скуп, когда речь шла о членах его семьи.

- Эгоистичный мерзавец.

- Да. Можно и так сказать. Но под конец жизни он очень сожалел, что не смог прийти к вам на помощь, когда это требовалось.

- Не смог?

- В то время его не было в Англии, и поэтому он узнал о судьбе вашей матушки только тогда, когда было слишком поздно. Герцог был очень опечален случившимся.

Тристан стиснул зубы.

- Не буду рассказывать вам, что я выстрадал из-за того, что произошло с моей матерью, и не знаю, что выстрадал Кристиан, но всего этого могло бы и не случиться. - Тристану очень хотелось скрыть горечь в своем голосе, но он не мог этого сделать, как не мог перестать дышать. - Отец не обращал никакого внимания ни на меня, ни на брата. Если бы это было не так, он бы заметил, когда что-то пошло наперекосяк, - заявил Тристан.

К счастью, Ривс не пытался разубедить его. Дворецкий лишь с пониманием кивал.

- Я не позволю этому повлиять на мое решение получить деньги, - сказал наконец Тристан. Он ухватился за набалдашник и тяжело оперся на трость, почувствовав, как боль пронзила ногу. Он слишком долго стоял и завтра утром ощутит результат этого. - С чего мы начнем? Что именно нужно мне делать, чтобы заслужить одобрение пижонов, которых отец назначил попечителями?

Губы дворецкого помимо воли дрогнули в улыбке.

- Откуда вы знаете, что они пижоны?

Тристан перевел взгляд на Ривса.

- Из того немногого, что мне известно об отце, я знаю, что моду он ставил превыше всего.

- Понимаю, почему вы так думаете, и хочу сказать, что вы правы: интеллектуалами их не назовешь. Они обращают внимание скорее на умение держаться, чем на характер человека.

- Я так и думал.

Дворецкий задумался.

- Возможно, вам следовало бы взять несколько уроков, чтобы изучить правила поведения в обществе, хорошие манеры, а затем обновить гардероб. Все это обычно требуется человеку, заявляющему права на свое место в великосветском обществе.

Какая пустая трата драгоценного времени!

- Жаль, что я не могу записаться в эту чертову школу, которую намерена открыть миссис Тистлуэйт. Она-то уж наверняка знает всю эту чепуху.

Ривс удивленно приподнял брови.

- Прошу прощения, милорд?

- Я выразил сожаление, что не могу записаться... - Тристан заметил огонек, вспыхнувший в глазах дворецкого. - Нет, даже не думайте об этом. Я просто пошутил.

- Милорд, вы, возможно, не понимаете. У нас есть всего месяц до того, как сюда приедут попечители и устроят вам экзамен. Стивенс рассказал мне о миссис Тистлуэйт и ее планах. Возможно, это именно то, что нам нужно.

Это была абсолютно нелепая идея.

- Нанимать миссис Тистлуэйт в качестве наставника - это...

- Наставника? Великолепная идея! - воскликнул Ривс, кивая и оживляясь еще больше. - Миссис Тистлуэйт могла бы и впрямь сослужить нам службу - разумеется, за небольшое вознаграждение. Вам это пойдет на пользу, к тому же освободит мое время, и я смогу наблюдать за обучением вашего персонала. О человеке судят по тому, насколько хорошо вышколены у него слуги.

Тристан открыл было рот, чтобы возразить, но тут в его голове промелькнула интересная мысль. Ведь если он согласится организовать таким образом свое обучение, то обворожительной Пруденс придется бывать в его доме.

С ним.

В течение нескольких часов подряд.

Сам того не желая, он улыбнулся. Возможно, обучение искусству быть герцогом окажется не таким уж мучительным процессом, если в пределах досягаемости будет находиться такая соблазнительная малышка. Поэтому он, ничуть не покривив душой, сказал:

- Ривс, вы действительно гений.

Ривс улыбнулся:

- Благодарю вас, милорд. Я стараюсь.

В то время у Пруденс голова шла кругом от болезни Филиппа. Она не знала, что делать, ее замучили расспросами газетчики, а впереди ждало еще большее мучение - смерть Филиппа и последовавший за этим скандал. Прогнав печальные воспоминания, она нервно оправила юбки.

Мать остановилась возле дивана напротив кресла Пруденс.

Вошла миссис Филдингс, за которой следовал джентльмен. На экономку он явно произвел должное впечатление.

- Мистер Ривс, мадам! - оповестила она.

На джентльмене, высоком и стройном, был безупречный черный костюм, галстук завязан простым узлом. У него были ясные голубые глаза, а черные волосы чуть тронуты сединой.

- Мадам, меня зовут Ривс. Я дворецкий герцога Рочестера.

Пруденс застыла, не закончив реверанса.

- Герцога?

- Именно так, мадам.

Пруденс не сразу опомнилась. С некоторым опозданием она представила мать:

- Это моя мать, миссис Крамpton.

Мать присела в реверансе.

- Мистер Ривс? От герцога Рочестера? Какое волнующее событие! Я и не знала, что неподалеку отсюда проживает герцог...

- Мне кажется, мистер Ривс имеет в виду капитана, мама.

Мать вытаращила глаза:

- Капитана? Он герцог? Настоящий герцог во плоти?

Ривс величественно кивнул:

- Именно так, мадам. Он только на этой неделе унаследовал титул. Именно поэтому я здесь. - Мужчина повернулся к Пруденс. И взгляд его задержался возле, ее ног. - Надеюсь, я не помешал вам заниматься рукоделием?

Пруденс взглянула на рабочую корзинку, валяющуюся у ног. Она совсем о ней забыла.

- Я уже закончила работу, - сказала она, торопливо собирая в корзинку швейные принадлежности.

Он тоже наклонился и спокойно помог ей.

- Мадам, я пришел к вам по делу. - Сидя на корточках, Ривс встретился с ней взглядом. - Герцог оказался в затруднительном положении. Для того чтобы он получил состояние, необходимо одобрение совета попечителей. Они должны признать в нем настоящего аристократа, хорошо воспитанного и умеющего вести себя в обществе. В противном случае они не разрешат ему получить деньги. Вы знакомы с капитаном. Хотя он, несомненно, человек выдающийся, его манеры требуют некоторой шлифовки. Полагаю, что в этом вы можете нам помочь.

- Вы хотите, чтобы я стала наставницей... капитана?

Он встал, помог ей подняться и поставил корзинку на ближайший стол.

- Да, мадам.

Мать захлопала в ладоши.

Пруденс попыталась взглядом умерить ее восторги. Она была уверена, что даже не понравилась капитану. Правда, он с удовольствием целовал ее, этого нельзя отрицать. Пруденс и самой это понравилось. Даже очень, если уж быть правдивой до конца. У нее вспыхнули щеки. Неразумно было бы оставаться наедине с капитаном, то есть с герцогом.

- Мистер Ривс, боюсь, что не смогу выполнить вашу просьбу. Я очень занята, к тому же...

- Вздор! - решительно заметила мать. Она взглянула на дворецкого: - Пруденс с радостью поможет вам.

- Но, мама...

- Пруденс, этот человек - герцог, как ты не понимаешь? Разве можно ему отказать?

- Ну, это не сложно. Мистер Ривс, боюсь, что это невозможно. Не думаю, что смогла бы...

- Конечно, за это хорошо заплатят.

Мать оживилась:

- Сколько?

- Мама! - укоризненно произнесла Пруденс.

- Не следует продавать свои услуги ни на один пенс дешевле, чем они стоят, - спокойно сказала мать. Она взглянула на дворецкого: - Не так ли?

- Вы совершенно правы, - согласился он. - Герцог готов проявить щедрость.

- Так он об этом знает? - недоверчиво спросила Пруденс.

- Это была его идея, - сказал в ответ Ривс.

- Вот как?

- Он готов заплатить за месяц не менее ста фунтов.

Это было целое состояние. Придется соглашаться.

- Ну что ж, гонорар, конечно, щедрый. Но есть одна загвоздка, Ривс: я пришлась не по душе капитану.

Он, конечно, возжелал ее, как возжелал бы любую другую женщину, которая сама упала в его объятия. Но никаких других чувств по отношению к себе она не заметила - ни особого интереса, ни уважения. А жаль, подумала она с некоторой язвительностью.

- Не так уж много людей, которых капитан любит, - заметил Ривс, чуть скривив губы в усмешке.

- Должно быть, он любит членов своей команды. Он даже позволяет им жить у себя.

- Вы правы. Он их любит. Думаю, что всем сердцем. Но нельзя сказать, что он ласков с ними. Он весьма вспыльчив. Однако они его понимают и тоже любят. Похоже, что все довольны таким положением дел.

- Меня бы это не устроило.

- Разумеется, мадам. К счастью, то, о чем я вас прошу, не имеет никакого отношения к любви. Я просто хочу нанять вас в качестве наставницы для его светлости.

Пруденс приложила ко лбу два пальца. Наставница. Капитана. Человека, от прикосновения которого у нее дрожь пробегала по телу.

- Я... я не уверена, что...

- Без вашей помощи он потеряет право на наследство, и его люди очень сильно от этого пострадают, - сказал Ривс.

Пруденс вспомнились моряки, которых она видела. Многие из них были изранены в боях и не имели возможности самостоятельно обеспечивать себя.

- Что именно мне придется делать?

- Вам потребуется в течение одного месяца обучить нового герцога основам поведения в избранном обществе.

- За один месяц?

- Да. Потом явятся попечители, чтобы принять решение. Его надо научить танцевать, поддерживать разговор, соблюдать правила светских приличий... - Ривс пожал плечами. - Рассматривайте капитана как довольно крупную и неуклюжую дебютантку.

Несмотря на некоторые опасения, Пруденс, не удержавшись, хихикнула.

- Не думаю, что ему понравилось бы такое сравнение.

- Не понравилось бы, мадам. Поэтому мы ему об этом не скажем.

Она пристально посмотрела на дворецкого:

- Вы верите, что иногда кое-что следует хранить в тайне?

- Верю, мадам. А вы?

- Иногда. Но не от капитана. Если я буду думать о нем как о дебютантке-переростке, то я так ему и скажу. Лично мне кажется, что его дерзость создала ему немало проблем в жизни.

- Вы правы, мадам. Но именно благодаря ей, среди прочего, он остался в живых. Его жизнь была не такой легкой, как могло бы показаться, если верить ему на слово.

Слова Ривса подогрели любопытство Пруденс. Капитан хромал, но, если не считать этого, казался сильным, дееспособным и очень уверенным в себе.

- Вполне возможно также, - добавил Ривс, - что именно дерзость облегчит процесс его превращения в герцога. Члены сословия пэров, как известно, не отличаются учтивостью манер.

Услышав это, она чуть заметно улыбнулась.

- Ривс, скажите, как человек опытный, все ли герцоги бывают такими дерзкими?

- Все до единого.

- Виновата наследственность?

- Да, а также твердая уверенность в том, что они избранные Божьи. О чем, конечно, известно только им да самому Создателю. Герцогу нужна ваша помощь, мадам. Думаю, что не сильно ошибусь, если скажу, что для него важнее всего благополучие его людей. Однако их стало так много, что он не справляется с расходами.

Мать вздохнула.

- Это правда. Доктор рассказывал мне, что многие из этих бедняг получили тяжелые ранения, но были лишены должной медицинской помощи. Он бывает там, по меньшей мере, раз в неделю, следовало бы бывать чаще, но он боится, что это будет слишком обременительно для кошелька капитана.

- Доктор удивительно добр, - сухо заметила Пруденс. Она взглянула на дворецкого: - Вы думаете, что капитан использует деньги на своих людей?

- Я уверен в этом.

Пруденс задумалась. Она сможет неплохо заработать, чем существенно облегчит бремя забот своей матери. К тому же она поможет этим бедным морякам, жившим у капитана... вернее, у герцога. Не следует забывать о его новом титуле.

Пожалуй, самое приятное заключалось в том, что у нее появится шанс придать герцогу некий лоск, научить его правилам поведения в высшем обществе, а потом наблюдать, как он изменится в лучшую сторону в результате ее усилий.

На мгновение она представила себе герцога, который, стоя на коленях, благодарит ее за то, что она наставила его на путь истинный.

Конечно, это было всего лишь в ее воображении, но все же... сцена показалась ей весьма привлекательной.

Она кивнула:

- Я согласна.

- Благодарю вас, мадам!

- Передайте ему, что я приду завтра в полдень. Если попечители дают нам всего месяц, придется уложиться в эти сроки.

Глава 9

Для того чтобы удалить винные пятна с бархата, следует замочить вещь в холодной воде, смягченной добавлением капельки уксуса. Не бойтесь, что уксусная кислота может повредить бархат. Многие даже не догадываются о том, что эта мягкая на ощупь ткань обладает большой прочностью.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

На следующий день Пруденс медленно шла в направлении коттеджа капитана. После беспокойной ночи, полной тревожных сновидений, которые мучили ее, несмотря на чайную ложечку лауданума, добавленную в выпитую перед сном чашку чая, Пруденс проснулась поздно невыспавшейся и раздражительной.

Без особого энтузиазма обменявшись с миссис Филдингс назидательными изречениями, она надела будничное домашнее платье из розового муслина и присоединилась к матери за завтраком. Если Пруденс побаивалась предстоящего дня, то мать раздражала ее своим энтузиазмом. Она без конца щебетала о том, как ее взволновало знакомство с настоящим герцогом. Пруденс наконец не выдержала. Торопливо закончив завтрак, попрощалась и, надев голубой шерстяной плащ, отправилась к капитану.

Нет, не к капитану, поправила она себя. К герцогу. Она вздохнула, и выдохнутый воздух обратился в белый пар на утреннем морозце. К этому не сразу привыкнешь. Потребуется время.

Со вчерашнего вечера в ней поселилось странное беспокойство. Она не могла забыть горячий поцелуй капитана и собственную страстную ответную реакцию. Ее удивила такая реакция на простой поцелуй.

Возможно, причина этого в том, что она слишком долго жила без мужчины. Естественно, она получала удовольствие от физической близости с Филиппом. Он был нежным и внимательным любовником, и она дорожила этим. Ему нравилась ее реакция на него, и он всячески стимулировал ее. Сближение с Филиппом произошло легко, без напряжения, и она даже не задумывалась об этом. Со дня их первой встречи и до дня смерти Филиппа быть с ним было легко. С капитаном же все было непросто. Каждое мгновение ощущалась напряженность и какая-то настороженность.

«Все это не имеет никакого отношения к любви», - твердо сказала себе Пруденс. Она не какая-нибудь неопытная девчонка, чтобы спутать физическое влечение с подлинным чувством.

Она знала, что такое любовь, и прожила короткий период брака с Филиппом окруженная теплом его обожания. То, что она чувствовала к капитану, было всего лишь физическим влечением, которое быстро пройдет.

Она расправила плечи. Довольно об этом. Сегодня она должна выяснить способности герцога и кое-что из истории его жизни. То, что сказал вчера Ривс, подогрело ее любопытство.

Порыв ледяного ветра проник сквозь плащ и платье. Она опустила голову и ускорила шаг. К тому времени как Пруденс добралась до коттеджа, она совсем продрогла. Неужели даже природа ополчилась сегодня против нее? Ведь для того, чтобы иметь дело с капитаном, ей потребуется быть в самой хорошей форме.

Капитан отличался крутым нравом, сдобренным хорошей дозой сдержанного юмора. Под всем этим скрывалась столь мощная притягательная мужская сила, что рядом с ним Пруденс теряла способность здраво мыслить. И все же она его совсем не боялась, хотя и мало знала. Ведь, несмотря на все свои резкие высказывания, этот человек не мог заставить себя ограничить загоном свободу своих овец или отказать в приюте хотя бы одному раненому моряку. Она подозревала, что под его суровостью скрывалось мягкое сердце, в чем ему не хотелось бы признаться.

Как бы трудно это ни было, но ей надо привыкать думать о нем как о герцоге или даже как о Рочестере. Капитаном он был, когда она впервые встретила его, и в душе он навсегда останется для нее капитаном.

Пока Пруденс добралась до дома, она замерзла окончательно. «Силы небесные! Я, кажется, превращаюсь в ледышку!» – сказала она себе и торопливо постучала в дверь.

Ветер, прошумев по саду, ударил в стену дома, взметнув ее юбки. Пруденс вздрогнула и постучала снова. Куда подевался этот Стивенс? Даже если он вышел, кто-то должен быть дома...

Дверь распахнулась. Но это был не Стивенс. Вместо него, заполнив весь дверной проем, показалась внушительная фигура, и удивительные светло-зеленые глаза уставились на нее.

- Вы? – произнес капитан таким голосом, что это походило скорее на рычание.

- Да, это я, – сказала она, с трудом шевеля онемевшими от холода губами. – Разве Ривс не предупредил вас о моем приходе?

Капитан – простите, герцог – оперся на трость, так что бицепсы на руке несколько напряглись.

- Ривс сказал, что вы будете в полдень. А сейчас, – герцог вынул из кармана часы и открыл их большим пальцем, – двадцать минут первого.

- Утром у меня были кое-какие неотложные дела, – объяснила она. Господи, как же она замерзла! Даже зубы начали стучать. – А где Ривс?

- В сарае. Он решил обучить Стивенса правилам поведения настоящего дворецкого.

Пруденс это показалось забавным, хотя все ее внимание было поглощено разгулявшимся морозным ветром, который теперь почти ревел. Ветер забрался под юбки Пруденс, так что лодыжки ломило от холода, и облепил грудь герцога белой сорочкой.

Он одет самым неподобающим образом, решила она, плотнее закутываясь в плащ. На нем были черные бриджи и сапоги, а белая рубашка с распахнутым воротом открывала взгляду мощную шею. Держась рукой за притолоку, он смотрел на нее с непроницаемым выражением лица. Пруденс стиснула зубы.

- Было бы весьма любезно с вашей стороны пригласить меня в дом.

Он приподнял брови.

- Чтобы вы могли ругать меня под крышей моего собственного дома?

- Я пришла вовсе не затем, чтобы ругать вас, - с трудом сказала она, стараясь не стучать зубами.

Он с явным недоверием окинул ее взглядом с головы до ног.

- Не затем?

- Почему бы вам не впустить меня в дом и самому не убедиться в этом?

Выругавшись себе под нос, он бесцеремонно схватил ее и перенес через порог внутрь дома. Потом захлопнул дверь.

- Дурочка! - произнес он.

- Я... н-н-не ду... - От холода она даже не могла договорить фразу. Прижав к груди подбородок, она старалась унять дрожь, которую отбивали зубы.

Взяв за локоть, он повел ее по коридору, мягко постукивая тростью по дорожке, застилавшей пол.

- Это вам так кажется, дорогая моя снежная королева. Входите и оттаивайте.

Это едва ли можно было назвать вежливым приглашением. Но она знала, что ничего другого ждать не приходится, да и, откровенно говоря, так замерзла, что, пригласи ее сейчас сам Вельзевул погреться возле огня в аду, она, возможно, поддалась бы искушению и согласилась. Поэтому, подавив желание отказаться, она позволила ему сопроводить себя в библиотеку.

К ее досаде, теперь у нее не только стучали зубы, от холода она вся дрожала.

- Боже милосердный, женщина! Почему вы так замерзли? Не может быть, чтобы вы так долго стояли возле закрытой двери!

- Я довольно долго поднималась сюда, - с усилием шевеля губами, сказала она.

- Вы пришли пешком? Пешком проделали весь этот путь?

- Это расстояние я всегда преодолеваю пешком.

Он расстроился:

- Нет, только не в такую погоду. Проклятие! Я думал, что вы приедете в экипаже.

- У нас нет экипажа.

- В таком случае отныне я буду посылать за вами экипаж. Черт возьми! Этак вы заболете и умрете. Да еще обвините в этом меня!

- Вы н-не сразу пригласили меня в дом и...

Крупные руки схватили ее за плечи и повели в другой конец комнаты, где находился камин, в котором весело потрескивал огонь.

- Стойте здесь и перестаньте болтать. Не могу слышать этого заикания. Не двигайтесь, - сказал он, повернув ее к себе лицом.

Она кивнула.

Он помедлил, и, к ее удивлению, нечто похожее на улыбку тронуло его губы, сразу же смягчив выражение лица. Пруденс поморгала. Он, конечно, был привлекательным мужчиной. Но когда он улыбнулся, его лицо изменилось. Оно стало открытым, добрым и таким красивым, что у нее замерло сердце.

«Прекрати!» - сказала она себе и опустила глаза. Но в результате этого ее взгляд оказался на уровне его груди. Он был атлетического телосложения, настоящий гигант.

Она обхватила себя руками, унимая дрожь и чувствуя, как тепло медленно проникает сквозь одежду.

- Спа... спасибо, - произнесла она.

- Чтобы окончательно согреться, вам нужно кое-что еще, - сказал он. Повернувшись, он доковылял до столика, стоявшего возле дверей, которые выходили на террасу.

Странное чувство потери охватило Пруденс, когда он отошел, что было уж совсем глупо, потому что он находился тут же, только в другом конце комнаты. Видно, здорово на нее повлиял холод. Она сложила за спиной руки, радуясь согревающему ее теплу.

Он вернулся с небольшим медным котелком.

- Считайте, что вам очень повезло, потому что я как раз готовил ромовый пунш. Я уже смешал все ингредиенты и поставил на огонь. Но вынужден был снять котелок с огня, чтобы открыть эту проклятую дверь.

Пруденс хотела сказать ему, что не пьет ром, но губы не слушались.

Капитан скорчил гримасу, искоса взглянув на нее.

- Даже не пытайтесь отказаться. Я заставлю вас выпить, хотите вы этого или нет. - Отставив в сторону трость, он взял металлический крюк и, продев его под ручку, подвесил котелок над огнем. - Это не займет много времени. Я только что подбросил дров в огонь специально для этой цели...

Пруденс, чувствуя, как постепенно проходит дрожь, повернулась к огню. Тело мало-помалу согревалось, и ее охватывала какая-то приятная апатия.

Герцог помешал содержимое котелка. В воздухе поплыл дразнящий аромат лимона, гвоздики и корицы, смешанный с чем-то еще более пикантным.

Он снова закрыл котелок крышкой и, взяв трость, подошел к столику, чтобы взять стаканы.

Пруденс сидела у камина и, протянув к огню руки, наслаждалась теплом.

- Еще не согрелись?

Голос раздался так близко, что она вздрогнула. Он хохотнул и прошел мимо, чтобы поставить стаканы на стол перед камином. Потом снял крышку с медного котелка.

- Пахнет великолепно.

- Это правда. Но он еще и согревает, - сказал капитан. Она искоса взглянула на него, но все его внимание было вновь поглощено приготовлением напитка. Взяв разливательную ложку, он налил щедрую порцию пунша в стакан и протянул ей: - Вот. Выпейте это.

Янтарная жидкость наполнила стакан наполовину. В ней отражался огонь камина; обоняние дразнил пряный аромат.

- Думаю, что мне не следует...

- А я думаю, что следует. На этом судне я хозяин и командир, да к тому же еще и чертов герцог, так что не сопротивляйтесь и выпейте.

Он стоял рядом с ней, опираясь рукой на каминную полку, и смотрел на нее сверху вниз. В руке он тоже держал стакан, наполненный почти до краев.

Он стоял совсем близко. И был такой... большой. Ей было тепло у огня. Она поднесла стакан к губам и отхлебнула маленький глоток. Теплая жидкость проникла в рот, потом согрела желудок и волной удовольствия распространилась по всему ее телу. Она тихо охнула и с удивлением уставилась в стакан.

Он усмехнулся и отпил из своего стакана большой глоток.

- Хорошо, не правда ли? Сделайте еще глоток.

Она с недоверием посмотрела на стакан. Напиток был крепкий, как и мощный мужчина, который его приготовил. И такой же коварный.

- Нет, благодарю вас.

Сверкнув зелеными глазами, он усмехнулся. Потом сделал еще глоток, как будто бросая ей вызов.

- Наверное, вы никогда прежде не пробовали спиртное?

- Пробовала вино. И херес.

- И то и другое - вода. А это первоклассный ромовый пунш.

Она взглянула на стакан:

- Он довольно крепкий.

- Верно. Именно поэтому вам следует его выпить. Попробуйте еще разок, только теперь помедленнее. А после этого мы начнем уроки, - сказал он, и в глазах его вспыхнул озорной огонек. - Обещаю быть очень прилежным учеником.

Она подумала, что ничего не случится, если она отхлебнет еще один глоточек. Кроме того, когда она попробовала этот напиток, по телу распространилось приятное тепло. Она подняла стакан и медленно отхлебнула глоток. На этот раз жидкость скользнула по горлу и обласкала

все продрогшие косточки.

- Ну как, полегчало? – спросил он, наблюдая за ней поверх края стакана.

- Очень, – сказала она и отпила еще немного. Ей вдруг стало тепло и уютно сидеть здесь, напротив этого человека возле камина. – Какая приятная комната, – сказала она.

Он застыл, не донеся стакан до рта, и пристально посмотрел на нее.

- Да. Мне она нравится больше, чем все остальные.

- Я это знаю, Стивенс говорил мне. – Пруденс улыбнулась и допила ромовый пунш. – Он любит говорить о вас.

- Странно, – сказал герцог, криво усмехнувшись. – А со мной он любит говорить о вас.

- И что же он говорит?

- Спросите у него сами. Он находится в другом конце коридора. Надо лишь открыть дверь и крикнуть ему.

Она вздернула подбородок.

- Я не кричу своим слугам. Возможно, с этого мы и начнем наши уроки: как обращаться к слугам.

Он протянул руку и взял ее пустой стакан.

- Почему бы нет?

- Настоящий джентльмен никогда не повышает голос.

- Для моряка это трудновыполнимое правило. – Он вновь наполнил ее стакан ароматным пуншем и передал ей в руки. Пруденс обхватила пальцами теплый стакан. Этот стакан она не будет пить. Просто подержит его. После первого стакана она уже капельку опьянела. Выпить еще один стакан было бы опасно.

- Мы будем говорить не о том, что вы знаете о правилах поведения, а о том, что вам желательно узнать.

- Я не хочу стеснять себя всей этой чушью, однако, судя по всему, у меня нет выбора.

- Я не считаю, что следовать принципам поведения означает заковывать себя в кандалы.

- А это зависит от того, какие вы преследуете цели, дорогая моя, – многозначительно сказал капитан.

Она внимательно посмотрела на него:

- Что вы хотите этим сказать?

Он усмехнулся:

- Ровным счетом ничего, любовь моя. Отхлебните-ка еще пунша. Это прояснит мысли.

- Мне кажется, вы пытаетесь напоить меня.

- Пытаюсь? Разве человек пытается ходить? Пытается дышать? Нет, он делает это или умирает.

- А-а, вот как вы заговорили! Значит, все-таки пытаетесь?

Он усмехнулся:

- Слишком уж вы сообразительны.

Она улыbnулась с победоносным видом и подняла стакан.

- Я не отхлебнула ни глотка из второго стакана, потому что догадалась, что вы пытаетесь сделать. Но я сожалею об этом, потому что пунш мне действительно понравился, и я хотела бы его допить.

- Ну так пейте.

- Не могу. Вы воспользуетесь моей слабостью.

Он нахмурил лоб.

- Я никогда не пользуюсь слабостью женщин - ни трезвых, ни захмелевших.

- Но вы сами сказали, что не любите связывать себя соблюдением правил.

- И что из этого?

- Настоящий джентльмен не попытается воспользоваться слабостью женщины в своих интересах. Я думаю, что поэтому вы и не хотите учиться правилам поведения. - Она величественно махнула рукой. - Для меня это ясно как день.

Он хохотнул.

- Я даже рад, что вы не выпили второй стакан пунша. Позвольте заверить вас, мадам, что я не воспользуюсь вашей слабостью.

По какой-то странной причине в ее душе шевельнулось разочарование.

- Даже не попытаетесь?

- Даже не попытаюсь.

- Вот как? - Она уставилась в огонь, обдумывая сказанное. - Позвольте! А как насчет того, чтобы соблазнить? Это совсем другое, чем воспользоваться слабостью, причем джентльмены частенько делают это.

Он рассмеялся:

- Что верно, то верно. Соблазнить не означает сделать что-то плохое. По правде говоря, это может оказаться весьма приятным занятием.

Пруденс эта мысль показалась заманчивой. Интересно, как это бывает, если тебя соблазняет такой мужчина, как этот? Что бы он ни делал, все так увлекательно. Так захватывающе.

- Нам эта тема разговора не подходит.
- Вот как? – явно забавляясь, сказал он.
- Категорически.
- Очень жаль.

Они не только не могли разговаривать на весьма интересные темы, но даже не могли упоминать о некоторых не вполне приличных вещах, которые уже делали. Она вздохнула и, для того чтобы избавиться от комка в горле, образовавшегося при воспоминании об их страстном поцелуе, сделала еще глоточек пунша. Совсем крошечный глоточек. По телу разлилось приятное тепло.

- Ах, кого волнуют эти правила приличия! Милорд, я должна извиниться перед вами.
- За что?

- За то, что поцеловала вас. Вы должны понять: мой муж умер довольно давно, и мне не хватает... – От смущения у нее жарко вспыхнули щеки. Господи, что она делает? Пруденс совсем не хотела в этом признаваться. Она сердито взглянула на стакан и решительно поставила его на стол. – Не имеет значения. Я сама не знаю, что говорю.

- Зато я знаю. Вам не хватает поцелуев. Я думаю, что это вполне естественно.

Когда он так говорил об этом, все казалось не таким уж непристойным.

Он взмахнул стаканом.

- Иногда мне тоже не хватает поцелуев. Ее взгляд скользнул к его раненой ноге.
- Вот как? – тихо сказала она, удивившись тому, что его откровение вызвало у нее разочарование. – Ваша рана не мешает... интимным отношениям?

Капитан наморщил лоб.

- Не понял? Интимным от... Нет! Конечно, нет! Могу заверить вас, что я в состоянии... что с этим нет проблем!

Она поморгала, удивленная резкостью его тона.

- Извините, если я обидела вас. Я просто подумала, что вы, возможно, опасаетесь причинить себе боль, и поэтому...
- Я отлично понял, что вы подумали, мадам. Позвольте заверить вас, что ваши опасения необоснованны. Моя нога искалечена от колена и ниже. Как я уже говорил вчера, я полностью дееспособен.
- В таком случае, почему вам не хватает поцелуев?
- Иногда бывает трудно сосредоточиться на наслаждении, когда умирают люди. – Он уставился в стакан. – Трудно даже объяснить, каково это пережить.

Она почувствовала, как он помрачнел.

- Извините меня... Ривс был прав... вы...

- Ривс?

- Он сказал, что вы несколько раз попадали в очень сложные ситуации.

Капитан допил пунш, потом взял разливательную ложку и налил в свой стакан еще немного.

- Прежде чем достигнешь порта назначения, приходится разок-другой пережить шторм.

Она на мгновение задумалась над его словами.

- Я, например, не имею намерения попадать в шторм. Благодарю покорно, уж лучше я обойду стороной район, где бушует буря.

Он усмехнулся. У него была обворожительная кривая усмешка, от которой у нее трепетало сердце. Он отодвинул свой стакан в сторону.

- Миссис Тистлуэйт, вы подобны мягкому ночному ветерку, дующему с востока, который осторожно подгоняет корабль именно в тот порт, куда стремишься попасть. Я рад, что вы будете здесь, чтобы помочь мне преодолеть все скрытые ловушки, которые расставил мой негодяй отец.

Ну что ж, это было весьма поэтично. И совсем не свойственно грубому человеку, каким она представляла себе герцога. Пруденс хотела было сделать шаг, но не смогла сдвинуться с места. Посмотрев вниз, она заметила, что юбка зацепилась за ножку стола, на котором стоял ее стакан с пуншем.

- Кажется, я стала на якорь.

Он фыркнул и, взяв трость, подошел к ней. Прислонив трость к дивану, он опустился на колено, не сгибая больную ногу. Она не могла не восхититься мускулатурой его бедер. Его крупные руки, повозившись немного, отцепили от стола ее юбки. Сделав это, он запрокинул назад голову и с улыбкой взглянул на нее.

И тут что-то произошло... Позднее она не могла бы сказать, чем это было вызвано – воспоминанием ли об их вчерашнем поцелуе или выпитым ромовым пуншем, но герцог, сидящий перед ней с сияющими зелеными глазами, показался ей невероятно милым. Ее пальцы сами по себе скользнули в его густые волосы. Волосы оказались удивительно мягкими и упругими. Они цеплялись за ее пальцы, словно жили собственной жизнью.

Улыбка исчезла с его лица, глаза потемнели.

Где-то в глубине души Пруденс знала, что должна остановиться. Она понимала, что нарушает все правила приличия, те самые, которым должна была обучить его.

Но было в этом человеке что-то такое, какая-то необузданность, которая заставляла ее пренебречь правилами поведения.

Она понимала, что впоследствии будет сожалеть о каждом действии, которое была намерена предпринять. Но сейчас это почему-то не имело значения. А имело значение лишь то, что она находится здесь с ним. Что она пропускает сквозь пальцы его великолепные волосы, а он смотрит на нее так, как будто она единственная женщина на свете.

Это был безумный, невероятный момент. Пруденс чувствовала, что идет на поводу у желания, что, забыв обо всем, погружается в неведомое море страсти, и понимала, что пропадает.

Глава 10

Оценивая поступки своего ближнего, не забудьте сделать допуск на людские слабости. Ни при каких обстоятельствах не следует забывать о том, что человеком могут управлять страсть, алчность или зависть.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Она хочет его. Эта мысль, пока еще не облеченная в словесную форму, дрожала на губах. Ее тянуло к нему так сильно, что удары сердца отдавались в ушах.

Молчание мучительно затянулось. Глаза капитана потемнели еще больше.

- Пруденс... - произнес он и, взяв ее большой теплой рукой за запястье, поднес к губам ее пальцы.

От прикосновения его губ Пруденс содрогнулась всем телом. Было в этой сцене что-то очень интимное: он стоит перед ней на коленях, ее пальцы - в его шевелюре, а его губы прикасаются к ней.

Пруденс боролась с нахлынувшим чувством. Да, она любила Филиппа, но это было так давно. Странно, но воспоминания о тепле их отношений, о страсти, которую они испытывали друг к другу, сейчас как будто толкали ее к капитану. Оставив в покое его волосы, она ухватилась за воротник, как будто хотела поднять его на ноги, чтобы можно было обнять его.

Он был так высок ростом, что ей пришлось откинуть назад голову, чтобы заглянуть ему в лицо. У них была большая разница в росте, но ей это даже нравилось, особенно когда он нежно прижимал ее к груди, и она ощущала исходящий от него аромат мыла и сандалового дерева.

Этот поцелуй был отчаянно нужен Пруденс. Последний поцелуй заставил ее желать большего. Ее так давно не обнимал по-настоящему мужчина! Так давно мужчина не прикасался к ней таким образом. С Филиппом она испытывала спокойную страсть, но это было нечто совсем другое... более жаркое и волнующее.

Губы капитана прикоснулись к ее губам. Пруденс целиком отдалась моменту, растворившись в наслаждении, которому, ко всему прочему, способствовал выпитый ромовый пунш. Ухватившись за сорочку, она притянула его к себе и, убедившись, что его кожа горяча на ощупь сквозь ткань, поняла, что он так же разгорячен, как она. Утратив всякую способность мыслить здраво, она подчинилась чувству.

Поцелуй затянулся и стал более настойчивым. Капитан чуть постанывал, проникая все глубже в ее рот, а руки его скользили вверх-вниз по ее бокам, задевая большими пальцами округлости груди, отчего ее тело выгибалось ему навстречу.

Хлопнула входная дверь, немедленно вернув ей способность здраво мыслить, как будто разомлевшего от сна человека окатили ледяной водой. Пруденс вырвалась из объятий герцога и, торопливо обойдя диван с другой стороны, остановилась на почтительном расстоянии от него. Нет, она не боялась, что он последует за ней. Ей требовалось возвести эту преграду между ними, чтобы не дать самой себе снова броситься к нему.

- Так, - сказал герцог, взъерошив руками волосы, - это было весьма... интересно.

Несмотря на лукавую усмешку, сопровождавшую его слова, он дышал так же учащенно, как Пруденс.

Опираясь на трость, он подошел к дивану и положил руку на его спинку.

- Боюсь, что я выпил слишком много пунша, чтобы, поцеловав вас, не захотеть еще. Мне не следовало этого делать.

Она кивнула и прикоснулась дрожащими пальцами к губам, где, казалось, все еще горел его поцелуй.

- Мне тоже. Не знаю, о чем я думала...

- Вы не виноваты. И я тоже. Во всем виноват ромовый пунш. - Он тряхнул головой, как будто для того, чтобы прояснились мысли. - Насколько я понимаю, вы пришли сегодня, чтобы обсудить содержание уроков?

- Да, конечно. - Пруденс закусил губу, чувствуя неловкость момента. Взяв себя в руки, она попыталась собрать разбежавшиеся мысли. - Я уже имею кое-какое представление об их содержании, но нам необходимо составить твердый план, чтобы через месяц вы смогли удовлетворить требования попечителей.

Он криво усмехнулся:

- Неужели я такой неотесанный?

- Нет! Я не хотела сказать...

- Хотели, хотели. И я с вами согласен. Чтобы получить эти чертовы деньги, потребуются наши совместные усилия.

- Не думаю, что все так плохо. В целом ваши манеры вполне приемлемы. Если бы вы научились нескольким правилам поведения... этого было бы вполне достаточно.

Он усмехнулся:

- Например, не целовать свою наставницу?

- Вот именно. - Она постаралась не обращать внимания на то, что мучительно краснеет. Раньше она не замечала за собой такого, а теперь краснела всякий раз, когда герцог бросал на нее взгляд своих удивительных светло-зеленых глаз. Может быть, она подхватила какую-нибудь болезнь? Да, наверное, в этом и заключается проблема: она заболела, но болезнь проходит, как только этого человека нет поблизости.

Жаль, что он совсем неподходящая партия. Она чуть не скорчила гримасу при слове «неподходящий», которое было слишком мягким для характеристики герцога. Он, конечно, красив и привлекателен, способен проявлять заботу, примером чего служит его отношение к морякам. Но при этом он властен, суров и одержим страстью к перемене мест. Он из тех мужчин, которые получают удовольствие там, где его находят, а потом исчезают. Интуиция подсказывала ей, что если бы он не был ранен в сражении, то не стоял бы сейчас рядом с ней.

Эта мысль подействовала на нее отрезвляюще, и она попыталась улыбнуться.

- Может быть, начнем?

- Ну что ж, мадам, делайте свое черное дело.

Пруденс на мгновение задумалась. Искоса взглянув на него, она заметила, что он тяжело переминается с ноги на ногу.

- Вам едва ли полезно так долго стоять. Почему бы вам не сесть в кресло, а я сяду здесь. - Она присела на краешек дивана на безопасном расстоянии от него.

Он помедлил, потом подошел к креслу.

- Я ведь, знаете ли, не инвалид.

- Я этого и не говорила. Сказала просто, что вам, - возможно, будет удобнее сесть.

Он нахмурил брови, но сел, вытянув перед собой больную ногу и поставив трость рядом.

Пруденс наблюдала за ним из-под ресниц.

- Начнем с чего-нибудь простого. Очень простая тема - титулы, стоит лишь запомнить их порядок. На званных обедах гостей рассаживают в соответствии с их положением в обществен...

- Почему вы согласились стать моей наставницей?

Она помедлила.

- А это имеет значение?

- Имеет. Вы знаете, почему я здесь; было бы справедливо, если бы и вы ответили на этот вопрос.

Мгновение помолчав, Пруденс сказала:

- Это объясняется тем печальным фактом, что пища и кров стоят денег.

- Многое можно с успехом объяснить потребностью в деньгах.

- Иногда это так. Я очень рада, что мы с вами можем помочь друг другу. Вполне возможно, что скоро ваши и мои желания смогут осуществиться, и мы оба получим свои деньги.

Он нахмурился.

- Я никогда не желал получить ни деньги, ни титул. Мне ничего не надо, лишь бы меня оставили в покое.

- Будет вам! У вас появилась потрясающая возможность получить целое состояние, причем для этого нужно лишь немного отшлифовать свои манеры. А вы еще недовольны таким поворотом событий.

- Верно, я получаю состояние. Оно оставлено человеком, который никогда не был таким отцом, каким должен был быть. Человеком, который ни разу не удосужился навестить ни меня, ни моего брата. Человеком, который делал все, что мог, чтобы занять законных наследников, лишь бы я не получил от него ни гроша, не говоря уже о титуле и землях.

Пруденс закусила губу.

- Я этого не знала.

- Отец оставил нас с братом, едва мы родились, и неизвестно, где находился, когда мать бросили в тюрьму по ложному обвинению в государственной измене.

Пруденс не знала, что и сказать.

- Моя мать умерла в сырой тюремной камере. Лишь позднее с нее были сняты все обвинения. - Он невесело усмехнулся. - Классический случай посмертной реабилитации, когда все равно уже ничего нельзя исправить.

У Пруденс перехватило дыхание: она подумала о своей матери.

- Сожалею. Но как получилось, что вы стали капитаном дальнего плавания?

- Меня насильно затащил на корабль вербовщик, и я оказался в море.

- Сколько лет вам тогда было?

- Десять.

Боже милосердный! Он был тогда совсем ребенком.

- Впоследствии я полюбил море, но это случилось только после того, как нас захватили пираты.

Пруденс удивленно вытаращила глаза.

- Пираты? Вы, должно быть, натерпелись страху?

- В море почти все внушает страх. - Он внимательно посмотрел на нее, как будто проверяя, какое впечатление производят его слова. - Пираты хорошо относились к нам. По правде говоря, значительно лучше, чем наш капитан. Поэтому, когда они предложили нам присоединиться к их команде, я согласился.

Пруденс остолбенела.

- Прошу прощения, вы действительно сказали, что присоединились к команде пиратского судна?

- Да. Если вы намерены стать моей наставницей, то должны знать обо мне все. Я нападаю на корабли и отбирал их грузы. - Он помрачнел. - И не смотрите на меня с таким ужасом. Пиратство мало чем отличается от того, чем мы занимались под королевским флагом, когда рыскали по морям в поисках французских фрегатов с той же самой целью: захватить их, опустошить трюмы, не считаясь с тем, сколько человеческих жизней будет загублено.

- Понимаю.

- Сомневаюсь в этом. Служба в военно-морских силах Великобритании отличается от пиратства меньше, чем вы, возможно, думаете. Первое подпитывается жаждой власти, а второе - жаждой наживы.

- Вам приходилось кого-нибудь убивать?

- В бытность пиратом я убил гораздо меньше людей. К тому же получали мы больше, а обращение было лучше. Однако за все приходится платить. - Он слегка изменил положение в кресле и вытянул перед собой ноги. - Попав в список лиц, разыскиваемых полицией, я не мог вернуться на родину. Я думал, что это будет мне безразлично, но ошибался.

Он произнес эти слова тихим, проникновенным голосом. У Пруденс на глаза навернулись слезы.

- Это ужасно.

- Да. В течение восьми лет нога моя не ступала на землю Англии. Потом я встретился с капитаном Нельсоном. Во время одной стычки я захватил его корабль. На него произвели большое впечатление мои способности, и он предложил выхлопотать мне помилование, если я буду плавать с ним. Я согласился. Он добился для меня помилования, и я вернулся домой. До сих пор помню, какое чувство охватило меня, когда впервые за много лет я ступил на английскую землю.

- Могу себе представить, - сказала Пруденс, поймав себя на том, что смотрит на ногу капитана. - А как случилось...

Он пожал плечами.

- Я получил пулю в битве при Трафальгаре, где сражался рядом с лордом Нельсоном.

- Он был убит во время сражения.

- Да, я видел это собственными глазами. Я держал его на руках...

Пруденс заметила, как глаза его увлажнились. У нее защемило сердце, но она предпочла промолчать.

Герцог помедлил, погрузившись в явно печальные воспоминания. Это напомнило Пруденс густой туман, по утрам окутывающий море.

- Я не могу больше плавать, - сказал он. - Моя жизнь кончена.

- Вздор! - воскликнула Пруденс, которой в этот момент больше всего хотелось встать и обнять сидевшего напротив мужчину. Судя по всему, на его долю в жизни выпало слишком мало заботы и ласки. - Несмотря на все невзгоды, вы пока что весьма успешно справлялись с жизнью.

Он посмотрел на нее затуманившимся взглядом зеленых глаз.

- Больше всего мне хочется моря и чувства свободы. - Взглянув на свою ногу, он поморщился. - А теперь вот еще и эта проблема. Я бы предпочел прострелить свою здоровую ногу, чем взять что-нибудь, к чему прикасался мой отец, но у меня нет выбора.

- В таком случае не берите денег, найдите какой-нибудь другой способ.

- Что-то не слышно, чтобы был спрос на искалеченных капитанов дальнего плавания. А это, моя дорогая любопытная, но аппетитная соседка, все, что я умею делать.

- Если вы твердо намерены помогать своим людям, вы найдете, как это сделать. Даже без денег вашего отца.

Он пристально взглянул на нее и отвел глаза.

- Возможно.

Пруденс подавила вздох. Совершенно очевидно, что никаких утешений он не примет.

- Ну что ж, капитан - вернее, лорд Рочестер, - пожалуй, мы начнем с некоторых основных правил приличия.

- Целиком полагаюсь на вас, любовь моя. - Он раскинулся в кресле, положив одну руку на спинку.

Пруденс проигнорировала его слова и позу.

- Капитан... я хотела сказать, лорд Рочестер...

- Зовите меня Тристаном.

- Лорд Рочестер, - продолжала она, - отныне вы обязаны избегать вульгарных выражений...

В его глазах мерцали озорные искорки.

- Каких это вульгарных выражений?

- Если вы надеетесь, что я стану их повторять, то этого не будет. Всякий раз, когда вы произнесете вульгарное выражение, я буду покашливать. - Она тихо кашлянула, прикрыв рот пальцами. - И вы, таким образом, сразу поймете, что употреблять это выражение не следует.

Герцог сидел, сложив на груди руки и вытянув перед собой обутые в сапоги ноги, и вид у этого мужчины был весьма опасный.

- Что-нибудь еще, моя прекрасная наставница?

- Нам придется также поработать над тем, какое впечатление вы производите. Временами у вас бывает весьма вызывающий вид.

Он удивленно вытаращил глаза:

- У меня?

- Да, у вас, - сказала она, стараясь не улыбнуться.

Герцог хохотнул.

- Не ходите вокруг да около. Выкладывайте, что вы имеете в виду.

- Временами вы выглядите настоящим наглецом.

И тут он громко расхохотался:

- Не вижу, в чем здесь проблема. Я знавал немало людей, которых считали джентльменами, но которые были настоящими наглецами.

- Я тоже таких встречала. Правда, никому из них не приходилось предстать перед советом придирчивых попечителей. - Она помолчала, что-то обдумывая. - Вы, случайно, не знаете, кто

именно входит в состав совета попечителей? Возможно, мне знакомы их имена или я слышала о них что-нибудь, чтобы иметь представление о том, что это за люди.

Тристан встал, доковылял с помощью трости до письменного стола и нашел какие-то бумаги. Вернувшись в кресло, он просмотрел плотно исписанные листы.

- А-а, вот, нашел. В состав совета попечителей входят виконт Саутленд, герцог Эддингтон, мистер Пул-Биддли и граф Уэр.

Слушая перечень имен, Пруденс прижала к виску руку. Саутленд и Уэр. Саутленд пришел в бешенство, узнав о том, что Филипп, как он считал, обманул его доверие. А Уэр... она закрыла глаза.

Именно Уэр настаивал на том, что она была в сговоре с Филиппом. Что она использовала свои «чары», чтобы завлечь новых инвесторов в обреченный на провал проект. Она с ужасом вспоминала его последний разговор с ней, во время которого он чуть ли не назвал ее проституткой. Это был один из самых страшных и унижительных моментов в ее жизни.

- Пруденс?

Глубокий голос вывел ее из задумчивости. Она сделала глубокий вдох, чтобы прийти в себя.

- Извините. Я задумалась. Некоторых из этих людей я знаю. Они законодатели моды и держатся весьма высокомерно.

- В таком случае мы тоже будем вести себя высокомерно.

Если бы все было так просто! Она снова вспомнила о своем унижении и поднялась на ноги.

- Мы должны спланировать наше время. Нам нельзя терять ни минуты. - Она прошла мимо него к письменному столу, уселась, взяла листок из стопки писчей бумаги и открыла крышку чернильницы.

Он повернулся так, чтобы снова видеть ее лицо.

- Чувствую, что мне это не понравится.

Она выбрала перо, осмотрела кончик и, убедившись, что он достаточно хорошо заточен, чтобы не делать клякс, обмакнула его в чернила.

- Я должна составить план работы.

Как бы тщательно ни составляла она план работы, это не могло уменьшить ее влечения к человеку, сидевшему напротив. Однако у нее теплилась надежда, что бумага и чернила напомнят ей о цели ее пребывания в доме герцога и позволят сохранить остатки гордости. Единственное, на что она могла сейчас рассчитывать, это ее гордость. И она была намерена цепляться за нее изо всех сил.

- Скажите правду, моя прелестная Пруденс...

Она тихо кашлянула.

- Мне не следует говорить слово «прелестная»?

- Нет. И нельзя называть меня по имени.

- Даже здесь, в стенах моей собственной библиотеки?

- Вам было бы полезно практиковать хорошие манеры всегда и везде.

- Пруденс, - произнес он, не обращая внимания на ее покашливание, - вы действительно верите, что сумеете превратить капитана дальнего плавания в джентльмена за короткие несколько недель?

- Почему бы и нет? - спросила она, улыбнувшись. - Я рада, что моя задача заключается не в превращении джентльмена в капитана.

Кажется, эти слова его позабавили.

- Наверное, можно за такое короткое время научить человека ходить под парусом. Не очень хорошо, но можно, - сказал он.

- Но не командовать кораблем и людьми. Не понимать море. Для этого потребовалось бы гораздо больше практики.

Он фыркнул. Взяв трость, он подошел к письменному столу.

Она пыталась не обращать на него внимания. И конечно, не смогла. На нем были надеты облегающие тело бриджи, а белая рубашка плотно обтягивала грудь и плечи. Одежда обрисовывала его тело так четко, что не было никакой необходимости что-либо домысливать, и она с трудом сохраняла хладнокровие.

Он подошел к ней и, опершись бедром о письменный стол, так что оно почти касалось ее предплечья, наклонился, чтобы прочесть то, что она написала.

Когда она отклонилась чуть вправо, ее глаза оказались на уровне его мускулистого бедра. Она представила себе, как прикасается к его ноге пальцами, и ей вдруг стало трудно дышать от горячей волны, прокатившейся по телу.

Дрожащими пальцами она разгладила бумагу и собралась с мыслями.

- Сначала мы должны определить, что вы уже знаете. И чего не знаете.

- Что я знаю? О том, как быть джентльменом?

- Об общих правилах поведения. Джентльмены довели до совершенства искусство вежливого обращения, однако некоторыми правилами в той или иной форме пользуются все люди. Уверена, вы знаете больше, чем вам кажется.

Он не улыбнулся, но его губы чуть дрогнули.

- Я многое знаю о том, как вести себя, любовь моя.

Любовь моя. Она кашлянула, прикрыв рот пальцами, предостерегающе взглянула на него, а в ответ получила чисто мужскую самодовольную ухмылку. Она быстро перевела взгляд на бумагу и покрепче сжала в руке перо.

- Какие из правил поведения вам уже известны?

Он наклонился вперед, и она вдруг осознала, что находится в пределах его досягаемости, как и он – в пределах ее досягаемости.

Герцог оперся ладонями о крышку стола и навис над ней.

- Моя дражайшая Пруденс...

Она снова кашлянула и строго взглянула на него. Он усмехнулся:

- Моя дорогая...

Она кашлянула громче.

Герцог рассмеялся и поднял руки.

- Умоляю, не сорвите из-за меня голос!

Пруденс написала: «Надлежащее обращение».

- Вы знаете, как нужно обращаться к герцогу?

- Если это мой отец, то я просто назвал бы его...

- Не надо!

Он пожал плечами.

- Ладно. Поберегу ваши нежные ушки.

Она написала: «Дворянские титулы».

- А как насчет беседы за столом?

- Здесь? Сейчас?

- Какие темы разговора вы считали бы приемлемыми во время обеда с вашими попечителями?

- Увидев, что герцог в недоумении поднял брови, она изменила вопрос: - Что вы и ваши люди обсуждаете, когда собираетесь за обеденным столом?

- Ах, это? Мы говорим о многом. О приливах, о рыбах, которых приходилось видеть. На прошлой неделе Маленький Пити рассказывал нам о своей первой жене и о том, что она легко рожала детишек, как собака щенков.

«Беседа за столом», - написала она.

Он сердито взглянул на написанное и перестал шутить.

- Я знаю, как поддерживать беседу за столом.

- Нет, не знаете, если говорите о том, как щенятся собаки. - Она на мгновение задумалась. - В связи с танцами у нас нет причин для беспокойства. А умеете ли вы сопровождать леди в комнату? Или в экипаж? Как вы это делаете?

Герцог молча посмотрел на нее. Потом, прислонив к столу трость, схватил ее в охапку и поднял с кресла.

- Что вы делаете? - воскликнула она, дрыгая ногами. Сквозь тонкую рубашку она ощутила тепло его кожи. - Поставьте меня на пол!

- Я держу вас на руках. Очень осторожно. Разве это не по-джентльменски?

- Нет! Отпустите меня!

Он с улыбкой снова посадил ее в кресло.

Господи, помоги!

«Обращение», - написала она, надеясь, что он не замечает, как дрожат у нее руки.

Он прикоснулся тыльной стороной руки к ее щеке. Рука была теплой. Это простое прикосновение вызвало чувственную дрожь, пробежавшую вдоль ее позвоночника. Пруденс закрыла глаза и прижалась к его крупной теплой ладони. Атмосфера накалялась.

- Пруденс, - раздался его голос.

Пруденс взглянула на Тристана, на его губы. У него были великолепные губы - твердые и очень мужественные. Тристан замечал каждую ее эмоцию, читал каждую мысль на ее выразительном лице. В ее широко расставленных карих глазах он видел нарастающее желание, он заметил, как под влиянием страсти губы сами собой раскрылись. Да она настоящая красавица, эта его вспыльчивая соседка!

Разгорячившись еще сильнее, он наклонился к ней. Его губы тянулись к ее, как стрелка компаса к северу.

Тристан понимал, что следует остановить это безумие. Пруденс была не из тех женщин, которые обожают пустой флирт. Он понимал это, знал, как опасно следовать этим курсом. Однако эмоции, не находившие выхода с тех пор, как он был ранен, гнали его вперед. Она была самым непредсказуемым приключением. И его изголодавшаяся по прикосновениям душа жаждала утолить свое возбуждение познанием ее великолепной женственности. А, кроме того, было в этой женщине что-то раскованное, что-то необузданное и неукрошенное, что находило отклик в его неугомонной душе.

Она тихо вздохнула и, полузакрыв глаза, подняла лицо к нему. Он запустил руку в ее волосы и накрыл ртом ее губы...

- А-а, вот вы где, милорд, - раздался спокойный голос Ривса, разорвавший тишину, словно штормовой ветер, ударивший о слишком туго натянутый парус.

Пруденс отпрянула от Тристана. Он выпрямился, готовый выгнать дворецкого вон из комнаты, однако, бросив взгляд на покрасневшее лицо Пруденс, замер на месте. Чтобы дать ей возможность прийти в себя, Тристан постарался загородить ее от взгляда дворецкого.

- Вам что-нибудь нужно, Ривс?

Трудно было сказать, видел ли что-нибудь дворецкий, потому что выражение его лица ни капельки не изменилось.

- Милорд, не прикажете ли сервировать ленч для вас и молодой леди здесь, в вашей библиотеке?

Неожиданно зашуршала бумага, и из-за стола вышла Пруденс, державшая в руках перо и лист бумаги.

- Спасибо, Ривс, но я должна вернуться домой. Я вспомнила об одном неотложном деле. Я составлю план, и завтра утром мы с герцогом приступим к занятиям.

- Очень хорошо, мадам.

Пруденс помахала в воздухе листком бумаги. Тристана позабавило, что она еще тяжело дышала и говорила слишком быстро и неразборчиво.

- Я тут составила перечень способностей герцога и поняла, что нам еще много предстоит сделать.

Ривс удивленно приподнял брови.

- Способностей, мадам?

Тристан сложил на груди руки и усмехнулся:

- Способностей, Ривс. Миссис Тистлуэйт подумала, что я, возможно, уже кое-что знаю из того, чем можно воспользоваться для встречи с попечителями, однако, порасспросив меня, она изменила мнение.

- Вздор, - заявила Пруденс. - Хотя вам действительно нужно поработать над манерами вообще. Пожалуй, мы начнем завтра с чего-нибудь совсем простого. Например, с завтрака.

Тристан медленно наклонился к ней, и, в конце концов, его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от ее лица.

- Миссис Тистлуэйт, я не ребенок, которому нужно напоминать вытирать свой рот.

Ее губы снова слегка раскрылись. Только на этот раз высунулся язычок и облизнул нижнюю губку.

По его телу прокатилась горячая волна. Эта женщина заставляет его чувствовать себя так; как тогда, когда он впервые ступил на борт корабля, - возбужденным, неуверенным в себе и... нетерпеливым.

Не подозревая о своем воздействии на Тристана, она взглянула на Ривса:

- Завтра я проверю его знания. Мы разыграем несколько типичных для общества ситуаций.

Ривс кивнул:

- Неплохая мысль, мадам!

- Мне это не нравится, - заявил Тристан, чувствуя, что ситуация выходит из-под контроля. - Все это глупости. И пусть пропадут пропадом эти проклятые попечители - все до единого!

- Мадам, - сказал Ривс своим тихим голосом, - может быть, нам следует добавить к списку пункт относительно бранных слов и выражений?

- Он уже включен, - сказала она, взмахнув перечнем.

Тристан бросил на них сердитый взгляд.

- В этом мне не требуется никакой подготовки, Я хорошо знаю бранные слова и выражения.

Она презрительно фыркнула:

- Вы их знаете слишком хорошо.

Ривс кивнул.

- Может быть, нам следует найти какие-нибудь альтернативные выражения для вашего пользования, милорд?

- Например? - спросил он.

- Ну, скажем, «Ей-богу!» или «Клянусь Зевсом!» - предложила Пруденс.

- Это не для меня.

- Может быть, что-нибудь более колоритное? - сказал Ривс. - Вроде «Клянусь зеленым галстуком!»?

Пруденс, не сдержавшись, громко хихикнула.

- В жизни не слышал ничего глупее! - решительно заявил Тристан.

Взглянув на него, она усмехнулась:

- Или деньги, или ваши бранные слова - выбирайте сами.

- Не желаю я отказываться от всех своих пороков по прихоти кучки старых пустомель.

- Разумеется, милорд, - вкрадчивым тоном сказал Ривс. - Если мы потребуем, чтобы вы отказались от всех своих пороков, то от вас ничего не останется.

Пруденс попыталась удержаться от смеха, но ей это не удалось.

- Посмотрели бы вы на выражение своего лица!

Тристан лишь сердито нахмурил брови.

- Лорд Рочестер, - сказал Ривс, - позвольте заметить, что любое изменение носит лишь временный характер. После того как вы получите деньги, вы сможете снова вести себя так, как вам будет угодно.

- Только подумайте, - успокоила его Пруденс, - получив деньги, вы снова сможете стать тем же неотесанным грубияном, как прежде. А окружающие просто будут считать вас оригиналом.

Ривс кивнул.

- Мадам, пока вы работаете над тем, что перечислено в списке, я позабочусь о его одежде.

Тристан опустил взгляд на свою сорочку:

- Что вас не устраивает в моей одежде?

- С ней все в порядке, - сказала Пруденс, продолжая писать, - но только если вы будете носить ее в своем кабинете, когда там никого, кроме вас, нет. - Она закончила писать, перечитала написанное и взглянула на Ривса: - Как насчет правил поведения за столом?

- Как ни странно, но манеры поведения за столом у него отличные.

- Как ни странно? - сердито проворчал Тристан. - Мне не нравится, когда обо мне говорят так, словно я ребенок.

Пруденс сложила перечень пополам, положила на место перо и направилась к двери.

- Милорд, мы с Ривсом говорили о вас не как о ребенке, а как о проекте. - Остановившись возле Ривса, она бросила на Тристана многозначительный взгляд. - На данный момент, милорд, вы являетесь не чем иным, как проектом.

Тристану это слово не понравилось. Однако в присутствии Ривса он едва ли мог протестовать. Вместо этого Тристан отвесил леди насмешливый поклон и заявил в самой высокопарной манере:

- Возможно, у меня имеется собственный проект, мадам. До завтра.

Она медленно смерила его взглядом с головы до ног и повернулась к Ривсу:

- Вам придется также поработать над его поклоном. Он оставляет желать лучшего, как и его вокабуляр.

- Минуточку, - начал было Тристан.

Но она, вскинув голову, уже скрылась за дверью. Ривс поклонился Тристану:

- С вашего позволения я провожу леди до двери.

- Великолепная мысль. Проследите, чтобы она не оторвала дверную ручку.

- Я постараюсь предотвратить это, - сказал Ривс и, поклонившись еще раз, вышел из комнаты, оставив Тристана с полупустым котелком ромового пунша, странно опустевшим диваном и тревожным ощущением, что все в его жизни больше не будет таким, как прежде.

Коттедж погрузился в полную тьму, всерьез зарядивший ливень барабанил по стеклам окон и крыше. Одинокий всадник на крупном мерине обогнул последний поворот опасной дороги, вьющейся по склону утеса, и резко остановил коня у ворот. Вода с его шляпы и плаща каскадом падала на спину коня и стекала по бокам на землю.

Всадник, который уже давно насквозь промок, спешил и привязал коня к воротам. Нахлобучив поглубже шляпу, чтобы дождь не мешал видеть дорогу, он направился к входной двери.

Несмотря на неурочный ночной час, дверь, едва он успел постучать, открыл величественный джентльмен в черном костюме.

Прибывший стряхнул воду с плаща, снял мокрую шляпу и шагнул в дом.

- Меня зовут...

- Прошу вас, говорите потише, - приказал джентльмен, неодобрительно взглянув на гостя голубыми глазами. - В доме все спят.

- Да, конечно. Извините, господин. - Томми Беккет был не дурак. Он согласился выполнить это поручение за хорошую золотую монету. Сначала он думал, что пославший его мужчина - человек с деньгами. Но теперь, когда Томми собственными глазами увидел адресата, которому предназначалось послание, он засомневался. Стоявший перед ним человек выглядел так, как выглядят очень богатые люди. - Я приехал из Уитлоу. Привез записку от мистера Данстеда мистеру Ривсу. Это, случайно, не вы будете?

- Это буду я. Сказал ли мистер Данстед, когда он возвращается?

Томми покачал головой:

- Нет, не сказал. Он сказал только: «Томми Беккет, у меня есть для тебя поручение. Очень, очень важное поручение».

- Не замечал за Данстедом склонности к мелодраме. Удивительно, как меняют человека путешествия.

Что-то в его тоне не понравилось Томми, но он не был уверен, что именно.

- Он сказал мне: «Вот, Томми, отвези это тайное послание мистеру Ривсу. Это опасная поездка, но ты не беспокойся. Он тебя отблагодарит!»

- Разве он не сказал, чтобы ты вернулся к нему за монетой?

Томми поморгал.

- Ну-у, он действительно что-то сказал об оплате, когда я вернусь с письмом от вас. Но я подумал, что, поскольку идет дождь, вы, возможно, пожелаете и сами дать мне немного денег.

- Посмотрим. Где эта записка?

Томми посмотрел направо, потом налево, затем сунул руку в карман и извлек смятое влажное письмо. Он протянул его Ривсу, который сразу же поднес его к лампе, стоявшей на маленьком столике возле входной двери. Ривс быстро пробежал глазами послание, нахмурился и прочел его снова, причем на этот раз его брови медленно поднимались на лоб.

Мгновение спустя он сложил письмо, сунул его в карман и повернулся к визитеру, который стоял, оглядывая плащи, висевшие на вешалке в прихожей, словно мысленно прикидывая их стоимость.

- Хорошие новости, господин? - поинтересовался Томми.

- Довольно хорошие, - ответил Ривс и, достав из потайного кармана свое письмо вместе с золотой монеткой, протянул Томми: - Позаботься о том, чтобы мистер Данстед лично получил это письмо. Он его ожидает. - Дворецкий распахнул дверь. - Спасибо за работу. Надеюсь, это все.

- Да, господин. - Томми выглянул наружу, где по-прежнему лил дождь. - Нельзя ли мне немного переждать у вас, по крайней мере, до тех пор, пока дождь станет потише?

Дверь оставалась распахнутой.

- Нет. Думаю, что это было бы неблагоприятно. Ты хорошо поработал, я обязательно скажу об этом мистеру Данстеду. - С этими словами Ривс вежливо, но решительно выпроводил посланца из дома и закрыл за ним дверь.

После того как звук копыт коня Томми стих вдали, Ривс еще долго с задумчивым видом стоял в прихожей, прислонившись спиной к двери. Он дважды доставал из кармана записку и перечитывал ее.

Наконец, забрав с собой лампу, он направился в маленькую комнатку, которая была выделена в его распоряжение.

Слава Богу, что старый герцог уже умер. Ривс был уверен, что если бы он был еще жив, то это письмо наверняка вогнало бы его в гроб.

Глава 11

При чистке штиблет ваксу следует накладывать в два слоя. Первый слой ваксы наносится с целью заглазить те места, где кожа, возможно, чуть потерлась или выносилась. С помощью второго слоя не только достигается блеск, но и обеспечивается прочность кожи. Оба слоя должны наноситься тщательно и твердой рукой.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

На следующее утро Тристан без четверти восемь явился в библиотеку. Ривс был уже там. Он расставлял на только что установленном столе закрытые крышками подносы.

Тристан взглянул на стол. Блеск серебра на нем соперничал с сиянием тонкого фарфора. Все это было так не похоже на оловянную посуду, которой он обычно пользовался.

- Что, черт возьми, это значит?

- Завтрак, милорд. Это первый прием пищи утром, после того как вы встанете.

- Вы, черт возьми, отлично понимаете, что я не спрашиваю о значении слова «завтрак»! Просто мне хотелось бы знать, что делают в моем кабинете этот стол и вся эта чепуха? - Он широким жестом обвел серебро и фарфор, а также прочие глупости.

- А-а, это. Этот маленький столик я нашел в гостиной. Его использовали для того, чтобы мистер Джеймс мог вытягивать не уместающиеся на койке ноги. - Ривс скривил губы. - Нам придется что-то делать с людьми, проживающими в помещениях, предназначенных для общего пользования.

- У меня нет для них другого помещения.

- Понимаю, милорд. Но на время пребывания здесь попечителей мы могли бы разместить их в каретном сарае. Поскольку синьору Пьетро очень понравилась новая плита, большинство людей все равно проводят в сарае значительную часть дня. Не думаю, что будет трудно уговорить некоторых из них там же спать.

Тристан кивнул:

- Это можно организовать. - Он присел на краешек дивана, положив на колено трость. - Но скажите, почему я завтракаю в своем кабинете?

- Я подумал, что это позволит вам и миссис Тистлуэйт без помех приступить к вашим занятиям.

- Откуда вам известно, что она еще не позавтракала?

- Потому что я отправил ей записку с экипажем, который вы приказали за ней послать. Надеюсь, вы не будете возражать, но я составил записку таким образом, что она может подумать, будто это вы ее пригласили.

Тристан вздохнул.

- Я должен был сам это сделать, но не догадался.

Он, конечно, думал о ней. Думал всю ночь. Но пригласить ее к завтраку он не додумался. За всю свою жизнь он никогда еще не чувствовал себя таким неуклюжим. Проклятие! Ему очень не хотелось бы признаваться в этом, но, пожалуй, эти уроки пойдут ему на пользу. Наверное, он слишком долго плавал.

- Но ведь вы подумали о том, чтобы послать за ней экипаж, - сказал Ривс, поправляя цветы в букете. - Это был великолепный поступок.

- Вчера она пришла сюда замерзшая, как ледышка. Что мне еще оставалось делать? - Тристан подошел к красному креслу, стоявшему рядом с диваном. Взглянув на кресло, он подвинул его поближе к дивану.

Ривс поднял крышку с одного блюда.

- Синьор Пьетро снова превзошел самого себя.

В животе у Тристана уже урчало от голода, но аппетитный запах еще больше усугубил ситуацию.

- Я умираю с голоду.

- Леди будет здесь с минуты на минуту. Не желаете ли выпить горячего чая, пока ждете ее?

- Нет, черт возьми! Я буду пить эль за завтраком!

Ривс даже не шевельнулся, чтобы взять кружку. Вместо этого он спокойно уставился в потолок. Тристан вздохнул:

- Не нравится мне быть герцогом.

- Понимаю, милорд. - Ривс аккуратно сложил две салфетки и положил их возле каждого из приборов. - Позвольте заметить, что миссис Тистлуэйт прелестная женщина. Мужчины ее уважают. - Дворецкий последний раз окинул взглядом стол и поправил недостаточно прямо лежавшую вилку. - Надеюсь, ей не придется пожалеть о том, что приняла наше предложение стать наставницей.

От Тристана не укрылся скрытый смысл сказанного.

- У меня нет намерения заставлять ее пожалеть о чем-либо. Ему вспомнилось ее признание, сделанное вчера под влиянием ромового пунша, о том, что ей не хватает поцелуев. Хотя в тот момент это его позабавило, он, тем не менее, был тронут ее откровенностью. При всей ее

язвительности, это была женщина из плоти и крови со здоровыми желаниями и потребностями. До встречи с Пруденс он никогда не задумывался о таких вещах. Большинство женщин, которых он знал, интересовались либо тем, сколько он может заплатить, либо – после Трафальгара – престижностью связи с героем войны. Пруденс была выше столь мелких соображений. Эта женщина руководствовалась своими желаниями и страстями, но не была их рабой. Если судьба сложится благоприятно, она способна на многое. Это Тристан хорошо понимал.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал Стивенс. На нем был надет новый черный камзол, а лицо так тщательно выбрито, что казалось отполированным.

- Доброе утро, капитан... то есть доброе утро, милорд! – он подмигнул Ривсу. – Ну, как получилось?

- Значительно лучше, мистер Стивенс. Значительно лучше.

Стивенс расплылся в улыбке.

- Я приказал принести еще чайник и попросил, чтобы наши люди вели себя потише, потому что капитан... я хотел сказать, герцог занят.

Ривс снисходительно улыбнулся:

- Спасибо, Стивенс.

Тристан взглянул на новый камзол первого помощника. Он был на несколько размеров больше, чем следовало, рукава были длиннее рук, а длиной он был до щиколоток, а не до колен, как было задумано.

Стивенс вытянул руки и оглянулся через плечо:

- Вам нравится, капитан?

Ривс страдальчески улыбнулся:

- Мистер Стивенс опасается, что камзол зрительно увеличивает его... гм... заднюю часть. Я поспешил заверить его, что это не так и что камзол его даже стройнит.

- А вы как думаете, капитан? Не кажется ли мой зад в этом камзоле слишком толстым?

- Не знаю, не собираюсь разглядывать твой зад.

Стивенс расстроился и, повернув голову, попытался разглядеть себя со спины.

- Мистер Ривс обещает подогнать его по фигуре до того, как приедут попечители.

- Очень мило с его стороны.

- Спасибо, – сказал Ривс, сделав вид, что не заметил сарказма в голосе Тристана. – Как дворецкий, мистер Стивенс имеет право выбирать самую лучшую из ливрей.

- Миссис Тистлуэйт не узнает меня, когда увидит!

В парадную дверь постучали.

- А вот и она! - сказал Стивенс и бросился вон из комнаты.

Тристан отодвинул было стул, чтобы сесть за письменный стол, но его остановило покашливание Ривса.

- Милорд, настоящий джентльмен всегда встречает стоя входящую в комнату леди.

- А что делает леди, когда джентльмен входит в комнату?

Ривс едва заметно улыбнулся.

- Насколько известно мне, а мой опыт, признаюсь, весьма ограничен, леди обычно жалуются на то, что в комнате недостаточно тепло или не хватает свежего воздуха, а иногда и на то и на другое вместе.

- Это несправедливо.

- Да, милорд. Справедливым это не назовешь. Но приходится мириться с тем, что есть.

Тысяча чертей, сколько же всяких правил! Тристан с недовольным видом пожал плечами. Потом, взглянув на дворецкого, спросил:

- Кстати, есть ли какие-нибудь вести от Данстеда насчет моего брата?

- Данстед должен возвратиться сегодня. Как только он прибудет, я пошлю его к вам.

- Хорошо. Хотел бы я...

Открылась дверь. Возле двери застыл по стойке «смирно» Стивенс, улыбаясь так, как будто он, словно фокусник, извлек Пруденс из собственного кармана. Она прошла мимо него в комнату, сказав через плечо:

- Нет-нет! Камзол вовсе не толстит вас сзади...

Тристан рассмеялся и сразу же отвлек на себя ее внимание.

Делая реверанс, она покраснела. Сегодня на ней было надето голубое платье, отчего ее каштановые волосы и карие глаза казались темнее.

Ривс откашлялся.

Тристан поспешил ответить на реверанс Пруденс довольно напряженным поклоном. Какая бесполезная трата времени на все эти поклоны и расшаркивания! Если бы его отец был жив, то Тристан непременно прикончил бы старого греховодника за то, что обрек его на такие мучения.

Пруденс кивнула Ривсу.

- Как вы себя чувствуете, Ривс?

- Спасибо, мадам, я в полном порядке. - Ривс подошел к стулу напротив Тристана и отодвинул его, чтобы она села. - Мы рады приветствовать вас здесь. Его светлость с нетерпением ждал вашего прибытия.

Тристана удивило, что Ривс умеет так гладко врать. Это его даже немного напугало.

Она искоса взглянула на Тристана, и на ее губах появилась чуть заметная улыбка. Она понимала, что Ривс бессовестно лжет, но, подобно Тристану, собиралась ему подыграть.

- Это очень мило с его стороны, - пробормотала она и заняла свое место за столом.

Подождав, пока она усядется, Тристан тоже занял свое место. Ривс налил чаю в их чашки и наполнил соком стаканы. Он поставил также на стол варенье и мед в маленьких вазочках. Тристан старался скрыть свое нетерпение, хотя ему очень хотелось есть. Вся эта суэта просто мешала и отнимала время.

Наконец, когда Тристан почти потерял терпение, Ривс снял крышки с блюд, где находились новые шедевры синьора Пьетро. В воздухе поплыли невероятно аппетитные запахи. Тристан взялся за вилку и нож и принялся отрезать кусочек ветчины.

Пруденс тихо покашляла.

Кроме ветчины, на столе были идеально сваренные яйца со взбитыми сливками, ароматная колбаса, большой кусок пирога с почками и несколько кусочков обжаренного хлеба. Тристан потянулся к варенью.

Пруденс кашлянула. Громко.

Тристан взглянул на нее.

- Можете и себе взять тоже. - Открыв горшок с вареньем, он потянулся за ножом, и вдруг... резкая боль пронзила бедро здоровой ноги. Нож со звоном выпал из его руки. - Тысяча чертей, женщина! Зачем вы это сделали?

Она перевела взгляд на Ривса, который терпеливо стоял в сторонке, глядя в потолок.

Тристан потер бедро и, поглядывая на них обоих, спросил:

- Что не так?

- Ривс спросил, не требуется ли вам чего-нибудь еще, а вы не ответили.

- Я ел! А, кроме того, он мог бы и сам посмотреть и, черт возьми, сообразить, нужно ли мне что-нибудь еще.

- Прежде чем отпускать его, если вам больше ничего не нужно, следовало поблагодарить его за обслуживание.

- Разве нельзя было просто сказать об этом, вместо того чтобы пинать меня изо всех сил?

- Я пыталась намекнуть вам, но вы не поняли.

- Нельзя ли найти что-нибудь среднее между намеком и пинком? В следующий раз, если захотите что-нибудь мне сказать, скажите это вслух.

- Извините, если вам кажется, что я превысила свои полномочия, но вы были так поглощены едой, что, наверное, не услышали бы ни слова.

Откровенно говоря, Тристан тоже думал, что ничего не услышал бы: уж очень вкусны были яйца.

- Наверное, следует поблагодарить вас за то, что не пнули меня в больную ногу.

Она фыркнула.

- Я подумаю об этом.

- Почему-то меня это не удивляет. Вы неисправимы.

Она бросила на него из-под ресниц взгляд, напомнивший о том, что другая нога все еще находится в пределах досягаемости ее остроноса ботиночка.

- Даже и не помышляйте, - проворчал он.

Она попробовала придать себе высокомерный вид, но не получилось: вид у нее был всего лишь обворожительный. Тристан решил, что самым восхитительным в его насмешливой Пруденс было качество ее красоты. Ее изящество было естественным. У нее были великолепные плечи, округлые предплечья и грациозная шея. Но привлекательней всего было лицо. Каждая его черта - от упрямого подбородка до разлета бровей - говорила об уме, чувстве юмора и, возможно, страстности. Но больше всего ее отличал от других образ мышления.

Ривс откашлялся.

- Что-нибудь еще, милорд?

Тристан махнул рукой.

- Нет, Ривс.

Пруденс кашлянула. Тристан моментально добавил:

- И благодарю за работу. - Приподняв брови, он взглянул на Пруденс.

Она чуть заметно кивнула.

Ривс, довольно улыбнувшись, поклонился:

- Спасибо, милорд. Позвоните, если что-нибудь потребуется. - С этими словами он вышел из комнаты.

Как только дверь за дворецким закрылась, Тристан откинулся на спинку стула.

- Ну что? Так лучше?

- Значительно, - с одобрением сказала она.

Тристан улыбнулся и, смутившись, торопливо переключил внимание на тарелку. Черт побери, с каких это пор мнение Пруденс стало много значить для него?

Так дело не пойдет: не следует ему слишком привыкать к присутствию Пруденс в своей жизни. Она всего лишь временный пассажир на его фрегате. И это хорошо. Если только он не решит навсегда удалиться от всех на этом скалистом утесе и провести остаток жизни, наблюдая, как

покрывается слоем пыли его душа, ему следует держаться подальше от таких женщин, как Пруденс, которые заманивают мужчин в шелковые сети дружеского общения и домашнего уюта.

Это не для него. Он будет наслаждаться тем, что смогут подарить ему последующие несколько недель, а потом вернется к прежней жизни – свободной и не стесненной условностями. А пока не мешает немного пофлиртовать... не забывая об осторожности.

Отрезая кусочек ветчины, он подумал, что, наверное, слишком долго пробыл один, потому что успел забыть, как приятно видеть напротив себя за столом такие красивые глаза.

Доедая ветчину, он заметил на себе задумчивый взгляд Пруденс.

- Что-нибудь не так?

- Ваши манеры за столом. Ривс был прав: они безупречны.

- Если не считать того, что я забываю похвалить слуг?

- Если не считать этого. - Она отхлебнула чаю. - Ну что ж, милорд, приступим? Нам надо многое обсудить.

Он отложил вилку.

- Я в вашем распоряжении. Заставьте меня подчиняться всем никчемным правилам поведения, какие сочтете нужными.

- Правила поведения вовсе не никчемные. Они делают нас цивилизованными людьми.

- А я-то думал, что быть законопослушным гражданином нас заставляет боязнь быть казненным, сосланным на каторгу или брошенным гнить в тюрьме.

Она презрительно фыркнула.

- Возможно, эти причины заставляют быть цивилизованным вас, но не меня. Умение вести себя отличает нас от животных.

- У животных тоже есть правила поведения, только они не доводят их до абсурда.

Она нахмурила лоб.

- Какие же это животные соблюдают правила поведения?

- Муравьи, например. Они ходят шеренгой, не так ли?

- Частенько.

- Приходилось ли вам когда-нибудь видеть, чтобы муравей сталкивал с дороги другого муравья?

- Нет, пожалуй.

- Вот именно. Они проявляют вежливость друг к другу. Всегда. Тогда как люди связывают себя смехотворными правилами, но не проявляют элементарного почтения друг к другу, уважения

или доброты.

Ее карие глаза радостно вспыхнули.

- Весьма уместное наблюдение.

Тристан вытер губы салфеткой.

- Теперь вы знаете, почему я так отношусь ко всей этой ситуации. Но я должен получить эти деньги. Так что можете смело продолжать и довести меня до гибели с помощью этих правил. Можете продрать меня с песочком, если того требует этикет. Можете обречь меня на вечные муки ради привития мне учтивых манер. Делайте свое черное дело. Я целиком и полностью в вашем распоряжении.

Пруденс прищурила глаза.

- Не искушайте меня, предлагая «продрать вас с песочком».

Он сделал вид, что очень удивлен.

- Моя милая Пруденс, меня поражает, что такие жестокие слова слетают с ваших губ.

- Ну что ж, если бы вы знали сокровенные мысли, которые иногда меня посещают, мои слова поразили бы вас меньше.

Он рассмеялся:

- Вы выглядите словно легкий ветерок в тихой гавани, но, боюсь, вы больше похожи на тайфун, обрушивающийся на скалистый и негостеприимный берег.

- Видите ли, я твердо намерена заработать деньги, которые обещал мне мистер Ривс. А теперь, поскольку попечители будут здесь всего через несколько коротких недель, мы, с вашего позволения, займемся правилами поведения за столом.

- Неужели бесцельная беседа за столом является одним из самых важных уроков? Вы, наверное, шутите?

- Боюсь, что не шучу. Предполагается, что вы должны знать, как поддерживать умную беседу, не делая продолжительных пауз и не допуская грубости, а, кроме того, уметь правильно обращаться ко всем присутствующим за столом лицам.

- Я уже умею разговаривать, как представитель знати. Хотите, продемонстрирую? Ну, говорите со мной.

Она удивленно приподняла брови.

- Прошу прощения?

- Поговорите со мной о чем-нибудь. И я докажу вам, что умею говорить, как прирожденный аристократ.

Пруденс с трудом подавила вздох. Она была совсем не уверена, что это даст положительные результаты. Однако чем скорее она, подыграв ему, докажет, что он не прав, тем скорее они смогут приступить к урокам. Она допила чай и встала.

- Не перейти ли нам поближе к камину? Мы можем продолжить наш разговор там.

Тристан тоже встал, опираясь на трость.

- Разумеется, - сказал он, наблюдая, как она идет к красному креслу, стоявшему рядом с диваном. Ее платье было подхвачено под грудью широкой розовой лентой. Тристан заметил, что, когда она шла, можно было представить себе изгиб бедер, и это занятие поглотило все его внимание.

Она опустилась в кресло.

- Прошу вас, присядьте, милорд.

Он уселся, вытянув перед собой ноги и поставив рядом трость. Пруденс заметила, что прядь волос упала ему на лоб, немного затенив глаза, отчего они казались не такими яркими. Глаза у него потрясающие, а ресницы густые-густые и...

О Господи! Только этого ей не хватало! Делай свою работу и не отвлекайся.

- Самый лучший способ показать, что вы можете поддержать приятную беседу за столом, это побеседовать.

- Очень хорошо, - сказал он, явно забавляясь. - Что я должен делать?

- Сделайте вид, что я герцогиня Девоншир...

Он даже растерялся.

- В чем дело? - спросила Пруденс.

- Вы знакомы с герцогиней?

- К сожалению, да, - призналась Пруденс. - Эта женщина - ужасная кокетка, и у нее крайне жеманные манеры.

- В таком случае, почему вы хотите быть ею?

- Я не хочу быть ею! - теряя терпение, сказала Пруденс. - Я всего лишь хочу, чтобы вы попрактиковались в использовании титулов и надлежащих форм обращения. Поэтому я и сказала, что буду герцогиней.

Он улыбнулся, поблескивая глазами. К ее досаде, он мало-помалу сползал к краю дивана, так что его колено теперь почти прикасалось к ее коленям. Она подобрала юбки. Они то и дело прикасались к ногам Тристана, и это по какой-то непонятной причине настолько отвлекало ее внимание, что мешало сосредоточиться на разговоре.

А она-то думала, что готова противостоять заигрываниям герцога! Вчера она весь вечер повторяла себе, что должна держаться от него на почтительном расстоянии и не отклоняться от обсуждаемой темы. И тогда все будет в полном порядке.

Пруденс даже заранее решила, что сядет в кресло, а не на диван, потому что это не позволит герцогу придвинуться к ней слишком близко. Она взглянула вниз, где теперь его нога прижималась к ее ногам. Очевидно, она неправильно рассчитала.

Отодвинув ногу, она решительно сказала:

- Прекратите, пожалуйста. Давайте представим себе, что я герцогиня, и мы с вами сидим рядом на одном из суарэ...

- Суарэ?

- Ну да. Это вечеринка.

Он наклонился вперед и уперся руками в колени. Теперь его руки находились в каком-нибудь дюйме от ее руки, лежавшей на подлокотнике кресла.

- Если вы желаете быть на суарэ, то пусть будет по-вашему. Однако прежде чем мы продолжим, ответьте на один вопрос: что на вас надето, когда вы присутствуете на суарэ?

Она удивленно поморгала:

- Надето?

- Да, я хочу получить полную картину. Что будет надето на вас, сладострастной герцогине Девоншир, ради такого случая?

- Я не говорила, что она сладострастная.

- Но так оно и есть.

- Ну, это спорный вопрос, - сказала Пруденс. По какой-то причине ее задело, что капитан назвал герцогиню «сладострастной». Интересно, что он под этим подразумевал?

Он накрыл рукой ее руку, лежащую на подлокотнике. Пруденс высвободила руку.

Хохотнув, он наклонил голову так, что его глаза оказались на одном уровне с ее глазами.

- Если герцогиня хоть немного напоминает вас, то она очень чувственная особа.

- Лорд Рочестер, не делайте все это таким...

- Забавным? Интересным? А может быть, приятным? - закончил он фразу за нее, прикоснувшись тыльной стороной руки к ее щеке.

Она отпрянула от него.

- Пожалуйста, милорд.

- Вот оно, это слово, которое я люблю слышать от женщины: «пожалуйста». - Он положил руку на подлокотник дивана, так что его пальцы свешивались через край совсем рядом с ее рукой. - Итак... что на вас надето, дорогая моя леди Девоншир?

- Вы невозможны, - вздохнула она.

Он притворился обиженным.

- Я всего лишь спросил, что на вас надето, чтобы лучше представить себе эту картину. Но если вам это трудно...

- Не трудно, - пробормотала она. - Если это заставит вас работать, я скажу. На мне надето белое с голубым шелковое платье в голубую и розовую розочку.

Он чуть отклонился назад и обвел ее взглядом с головы до ног, как будто представляя себе это платье. Мгновение спустя он наклонился к ней:

- Леди Девоншир, позвольте заметить, что нынче вечером вы выглядите чрезвычайно привлекательно.

Пруденс одобрительно кивнула:

- Это весьма уместное замечание.

- Спасибо, - сказал он. - Но это... вы говорите? Или герцогиня?

- Я. Герцогиня, возможно, сказала бы что-нибудь вроде: «Ах, какой приятный комплимент, милорд! Спасибо».

- Но это чистая правда. - Он поднес к губам ее руку и поцеловал пальцы. Губы, прикоснувшиеся к обнаженной коже, были такими теплыми. - Вы здесь самая прекрасная герцогиня. И глубокий вырез вашего платья... - Его взгляд остановился на ее груди.

Пруденс вырвала у него руку.

Он взглянул на нее невинным взглядом:

- Что-нибудь не так?

- Так говорить не подобает, и вам это известно.

- Но это то, что я сказал бы герцогине, если бы она находилась здесь. По правде говоря, почти это я действительно сказал ей, когда она ужинала со мной на борту моего корабля. И ей это очень понравилось.

Пруденс нахмурила брови.

- Я не хочу слышать о вашем знакомстве с герцогиней. Давайте вернемся к нашей сценке и рассмотрим, какое поведение правильное, а какое - нет. Говорить о вырезе женского платья не годится.

Он вздохнул:

- Сколько всяких правил!

- Милорд Рочестер, - сказала она, снова входя в роль герцогини, - что привело вас сюда, на эту милую вечеринку?

Он взял ее руку, перевернул и поцеловал в ладонь.

- Вы, любовь моя.

Она вскочила с дивана.

- Ради Бога... прекратите это немедленно!

Он вздохнул.

- Как я могу делать вид, что вы герцогиня Девоншир, если вы то и дело выходите из роли?

- А как мне изображать герцогиню, если вы говорите такие вещи?

- Именно этого и ждет от меня герцогиня.

Бросив на него сердитый взгляд, она оправила юбки и снова опустилась в кресло.

- Давайте забудем на мгновение о герцогине Девоншир. Представим себе, что я герцогиня Ричмонд.

- Ричмонд? Я ее не знаю.

- Ей добрых восемьдесят лет, и она настоящая мегера. К тому же она мнит себя блюстителем нравов, так что следите за тем, что говорите. Однажды я видела, как она ударила мужчину по щеке веером за то лишь, что он взглянул на часы, когда она говорила.

Тристан мрачно посмотрел на Пруденс.

- Вы, как видно, решили лишиться наших занятий всякого удовольствия?

- Я хочу лишь, чтобы вы с успехом прошли испытание и получили свои деньги. А теперь давайте начнем еще разок, лорд Рочестер. Вы не находите, что сегодня довольно теплая погода?

Он удивленно приподнял брови, взглянул в окно, выходящее на террасу. Она проследила за его взглядом. Там порывами дул холодный ветер, пригибая к земле тонкие деревья и ероша кусты.

Пруденс заставила себя посмотреть в глаза Тристану.

- Здесь, в Лондоне, стоит настоящая жара.

Тристан сверкнул белозубой улыбкой.

- Наверное, если вы можете притвориться герцогиней, то и я смогу сделать вид, будто в Лондоне светит солнце. Поэтому я говорю: «Да, в Лондоне настоящая жара».

Они продолжали еще некоторое время разговаривать в том же духе. Наконец Пруденс откинулась на спинку кресла и улыбнулась.

- У вас все хорошо получается, если вы говорите не с человеком, с которым можете флиртовать.

- Поскольку все попечители мужчины, будем надеяться, что с этим проблем не будет.

Она фыркнула:

- Если бы некоторые из попечителей были женщинами, то вам не пришлось бы заучивать такое количество принятых в свете бесполезных правил поведения. Ведь любая женщина многое простила бы такому привлекательному мужчине.

Пруденс вдруг вспомнилось, как Тристан сказал что-то о сладострастии герцогини Девоншир.

У нее неожиданно заняло сердце. Она однажды видела эту герцогиню, и ее чрезмерная чувственность произвела на Пруденс неприятное впечатление. Неужели герцогиня и Тристан...

Пруденс прогнала эту мысль. Правда, это не имело значения, хотя ни капельки не удивило бы ее. Тристан был из тех мужчин, которые наслаждаются подобными играми. Наверное, он играл в них сотни раз. Пруденс заерзала в кресле, удивляясь, почему эта мысль была ей так неприятна. Какое ей дело до того, что нравится или не нравится герцогу. Она находится здесь для того, чтобы несколько отшлифовать его манеры, и только.

Он, видимо, заметил, что Пруденс примолкла, потому что спросил:

- Что-нибудь не так?

- Когда вы встречались с герцогиней Девоншир?

- Она и сопровождающие ее лица плыли на моем корабле во Францию.

- Ну и? - спросила Пруденс, чувствуя, как учащенно забилось сердце. Ей не хотелось знать подробности, тем не менее, она не могла удержаться от вопроса: - Вы говорили с ней?

Он помедлил, нахмурил брови и сказал:

- Скромный капитан дальнего плавания является вполне приемлемым компаньоном, когда высокомерная леди путешествует по морю вдали от друзей и семьи. Такой капитан может даже, если он того пожелает, рассчитывать на флирт. Но что касается всего остального... - Он пожал плечами.

Каждое его слово ранило. Пруденс сожалела, что стала его расспрашивать.

- Общество может быть жестоким. И грубым. Можно чувствовать себя очень одиноко, находясь в этом самом обществе.

- Откуда вам знать? - резко спросил он.

- Да вот знаю, хотя это и не имеет значения. Нам нужно еще немного попрактиковаться в застольной беседе, милорд.

Герцог сложил на груди руки.

- Сначала объясните мне, что вы имеете в виду.

Она вздохнула.

- Вы уже не скромный капитан дальнего плавания, как вы сами изволили выразиться. Вы герцог. Красивый богатый герцог. Любая герцогиня в Лондоне или в каком-нибудь другом месте будет в восторге от того, что ее увидят с вами. - Эти слова не успокоили Пруденс, потому что она вдруг осознала, что это правда. Чистая правда. Она поняла, что даже без шлифовки его потрясающе привлекательная внешность, пронзительный взгляд зеленых глаз и обаяние заставят женскую половину светского общества буквально пасть к его ногам.

Тристан видел, как тысячи мыслей отражаются на ее лице, но он еще недостаточно хорошо знал ее, чтобы читать эти мысли.

- Если вы так высоко ставите меня, то можете оказаться подо мной. - Он усмехнулся. - Меня

такое положение устраивает.

Она даже не улыбнулась шутке. Тристану тоже расхотелось шутить.

- Пруденс, я не хотел...

- Я не о вас думала. Просто... мне не нравится, как в обществе, по прихоти немногих избранных, людей подразделяют на достойных и недостойных.

- Почему вы с такой горечью говорите об обществе? Я уже не раз это замечал.

Она опустила напряженно приподнятые плечи, хотя руки были по-прежнему сжаты в кулаки.

- Вам не захочется слушать мою историю.

- А вы попробуйте.

Пруденс увидела его вопросительный, пытливый взгляд, и это заставило ее решиться.

- Ладно. Я расскажу вам, почему не доверяю обществу. - Она опустила глаза. - Мой покойный муж был удачливым инвестором. Он сделал состояние и хорошо обеспечил нас. У Филиппа был талант делать деньги. Он прославился этим и своей щедростью. Не припомню, чтобы он когда-нибудь отказал, если к нему обращались за помощью.

- Это могло оказаться как благом, так и проклятием.

- Это я поняла позднее. Он начал инвестировать также деньги других людей. В конце концов, очень многие представители высшего света захотели воспользоваться его услугами. Он сделал тысячи фунтов для некоторых очень известных людей.

- Наверное, он был очень талантлив.

- Так оно и было. Филипп был очень привлекательным и красивым мужчиной; он любил людей и всегда отыскивал в них самое лучшее. Естественно, что людям он тоже нравился. Вскоре нас стали повсюду приглашать.

- Наверное, успех вскружил голову?

Она страдальчески улыбнулась.

- Вы и понятия не имеете, как сильно. Я была в восторге. Ведь я, Пруденс Крамpton-Тистлуэйт, сижу за ужином за одним столом с двумя герцогинями, графом с графиней и виконтом. И все они так мило ко мне относятся. По крайней мере, мне так казалось.

- Что произошло дальше?

- Один из самых крупных инвестиционных проектов Филиппа потерпел крах. Потом другой. И, наконец, третий. У него и раньше случались неудачи, но ни одна не была столь крупной по масштабам, и никогда не случались три неудачи подряд. За три месяца он потерял все деньги, которые были ему доверены. Он думал, что сможет исправить положение, если убедит инвесторов немного подождать, пока закончится период спада деловой активности. Но они не захотели ждать. Они хотели получить назад свои деньги. Филипп делал все, что мог, отдал большую часть нашего состояния и отчаянно пытался уговорить инвесторов продолжать верить ему еще какое-то время. - Она помолчала, закрыв глаза, как будто стараясь прогнать

ужасное воспоминание. – Но они не захотели.

– Терпение не относится к числу добродетелей представителей высшего света.

На ее губах появилась вымученная улыбка.

– Что правда, то правда. Мы потеряли не только все, чем владели сами, но также, если верить «Морнинг пост», состояния нескольких высокопоставленных людей. Как будто было мало того, что мы были тоже разорены, люди жаждали отмщения. Где бы ни заходила речь о случившемся, они преподносили события так, что казалось, будто Филипп умышленно обманул их. Газеты повторяли их слова, и слухи постепенно стали выглядеть как факты.

– Черт бы их побрал!

– Я теперь не могу даже видеть никого из них. – Она взглянула на свои руки и разжала кулаки.
– Стали поговаривать, что он нарушал закон, хотя он этого не делал. Ему просто не повезло. Мы ведь тоже потеряли состояние. Началось следствие, которое продолжалось в течение года. Филиппа оправдали, но это не прошло бесследно: он сломался, особенно когда объектом сплетен стала я.

Тристан заметил, как она напряженно выпрямила спину. Он взял ее руку, поднес к губам и поцеловал каждый палец.

– Не позволяйте всяким придуркам портить вам настроение.

Карие глаза с благодарностью взглянули на него.

– Я пытаюсь, но это трудно.

– Если вы не возражаете, то расскажите, что именно говорилось о вас.

– Говорили всякие гадости. Что я соблазняла мужчин, с тем, чтобы заставить их инвестировать в проекты Филиппа. Что я... – Она бросила на него взгляд и покачала головой. – Нет, не стоит даже повторять это. Мы потерпели полный крах – как в финансовом отношении, так и в обществе. Мы потеряли дом, лошадей – все, а наши новые «друзья» отвернулись от нас. Наверное, это было всего обиднее.

– Пруденс, я сожалею. – Он понимал, что об этом следует забыть. Навсегда. Окончательно и бесповоротно. – Хотел бы я иметь возможность все изменить для вас.

Это было все, что он сказал. Но этого было достаточно. Она взглянула на него, и он увидел в карих глазах обиду, боль и теплую признательность за его сочувствие.

Она провела рукой по его щеке.

– Спасибо.

Он поймал ее руку и, перевернув, поцеловал в ладонь.

– Это вам спасибо, – просто сказал он. Покраснев, она улыбнулась и отобрала у него руку.

– Светское общество жестоко, но именно с ним нам придется сейчас иметь дело. – Она разгладила руками юбки, явно собираясь с духом. – И это отнюдь не способствует достижению вашей цели.

- Разве? А я только что придумал комплимент о красоте ваших глаз. Наверняка столь цветистая фраза чего-нибудь да стоит.

- Я должна быть вашей наставницей в искусстве достойного поведения, а не в искусстве флирта. Нам следует четко отделить одно от другого. - Она улыбнулась ему, и он почувствовал, что ее откровение закончилось.

Ему не хотелось возвращаться к «шлифовке» манер. А хотелось побольше услышать о ней, о том, какая она и почему это так. Но он понимал, что, если он начнет возражать, она уйдет, а ему совсем не хотелось расставаться с ней так быстро.

Поэтому, для того чтобы доставить себе удовольствие и держать ее на расстоянии вытянутой руки от себя, он снова уселся на диван и с шутливой торжественностью заявил:

- Я постараюсь приложить все силы, чтобы провести грань между флиртом и «хорошими манерами», если вы попытаетесь почаще улыбаться. Это укрощает во мне дикого зверя.

Она рассмеялась, и от этого смеха словно горячие токи прошли по его телу.

- Лорд Рочестер, едва ли что-нибудь сможет укротить в вас дикого зверя. Возможно, это даже и к лучшему.

Тристан на мгновение загляделся на Пруденс, любуясь изящной линией ее щек. Какая же она красивая! Ее красота не ошеломляла, но была спокойной, элегантной.

- Мне кажется, я знаю, что нам следует сделать. Давайте перестанем изображать кого-то. Будем самими собой. Вы будете Пруденс Тистлуэйт, прекрасной вдовой из явно благородной семьи, а я буду тем, кем являюсь: незаконнорожденным герцогом - к сожалению, не знакомым с тонкостями поведения в обществе.

Она взглянула на него, чуть помедлила, потом улыбнулась.

- Это будет здорово.

- Я тоже так думаю.

Некоторое время они просто молча смотрели друг на друга, и только потрескивание дров в камине нарушало тишину. Потом Пруденс, кивнув, спросила:

- С чего начнем?

- Я сделаю все, что в моих силах, чтобы не смущать вас, а вы уж постарайтесь исправлять мои промахи так, чтобы я не страдал от уязвленного самолюбия.

- Но вас действительно это задевает? - сказала она, весело блеснув глазами.

- Именно это постарался довести до моего сознания Ривс. Просто удивительно, как этому человеку удастся сказать что-нибудь явно оскорбительное таким образом, что ты вдруг с ним соглашаешься, как будто он сказал самый приятный из комплиментов.

- Вам кажется, что исправлять кого-то означает оскорбление?

- Только когда исправляют меня, - холодно заявил он и был вознагражден за свой честный ответ ее смехом. Он усмехнулся, почувствовав себя, как ни странно, легко и свободно. - Может

быть, вернемся к обсуждению погоды, миссис Тистлуэйт? Я придумал целых три абсолютно приемлемые замечания на эту тему.

Она одарила его ослепительной улыбкой.

- С удовольствием их выслушаю, милорд.

Глава 12

Среди представителей светского общества широко распространено мнение, что наивысшим вознаграждением для людей нашей уважаемой профессии является похвала. Считать так весьма благородно, но это явное заблуждение. Кем бы ни был человек – слугой или хозяином, святым или грешником, – ничто его так не стимулирует, как вид только что отчеканенной золотой монеты.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Примерно в десяти милях к востоку на особенно скалистом участке побережья стояла гостиница с названием «Новая». Массивное каменное сооружение со стеклянными окнами такой толщины, что сквозь них было практически ничего невозможно разглядеть, располагалось на узкой полоске отлогого берега, и было обращено к морю.

Каждый раз, когда прилив достигал наивысшего уровня, гостиница и прилегающие к ней конюшни оказывались на два часа отрезанными от материка. Это обстоятельство, а также прелести двух грудастых служанок способствовали тому, что бар при гостинице стал чрезвычайно популярен среди мужского населения деревни. Если только их крикливые возмущенные женушки не успевали вовремя прийти за ними, прилив, достигнув высшей точки, обеспечивал им идеальный предлог задержаться в гостинице на пару часиков.

Сегодня, когда воды прилива достаточно отступили, чтобы появилась возможность проехать с материка к гостинице по песчаной перемычке, в гостиничном дворе появился одинокий всадник. Осадив коня, он спешил. Мальчишка-факельщик по имени Лаки сразу же сообразил, что это мужик не простой, причем не только потому, что приехал он на хорошем коне, но и потому, что сунул ему в руку блестящий шиллинг. Обычно мальчишке перепадали медные пенсы, не считая тех случаев, когда появлялся Джентльмен Джек. От него щедрые чаевые плыли в руки не только Лаки, но и его сестре, которая была одной из гостиничных служанок, а также его тетушке. В понимании Лаки такую щедрость могли себе позволить только разбойники с большой дороги. Лаки мечтал со временем, если повезет, и сам стать грабителем.

Лаки взглянул на джентльмена. Как ни странно, но этот человек был не похож на разбойника: слишком уж строго одет. Может, он был слугой или викарием? Да, похоже, так оно и было.

Улыбнувшись своей догадке, Лаки запрятал шиллинг в карман и повел коня к ближайшему колодцу, чтобы он мог вволю напиться.

Джентльмен снял перчатки и сказал:

- Прошу прощения, я разыскиваю здесь одного джентльмена.

Улыбка Лаки чуть было не сползла с его лица, но он умудрился удержать ее.

- Вот как? Кого же именно?

- Он довольно высок – пожалуй, чуть больше шести футов ростом, худощав, но сложен атлетически. Это брюнет с глазами весьма необычного зеленого цвета. – Джентльмен посмотрел на Лаки своими голубыми глазами так, словно видел его насквозь. – Не знаешь ли ты такого?

У Лаки бешено заколотилось сердце. Он бросил взгляд на входную дверь гостиницы, потом снова посмотрел на джентльмена.

- Нет, хозяин! Я никогда не слышал о человеке, которого вы описали.

- Гм-м. – Губы джентльмена дрогнули в улыбке, и он тоже взглянул на входную дверь. – Понятно. Ну что ж, я все равно благодарю тебя. – С этими словами он повернулся и направился к гостинице. На мгновение, остановившись перед дверью, он сунул руку во внутренний карман плаща.

При свете фонаря, висевшего над дверью, Лаки успел разглядеть очертания пистолета, надежно засунутого за пояс джентльмена.

Вытаращив глаза, он наблюдал, как мужчина, поправив плащ, вошел в гостиницу. Лаки едва подавил желание крикнуть, чтобы предупредить. Он понимал, что лучше сидеть тихо и ждать, не потребуешься ли для чего-нибудь.

К тому же, если возникнет необходимость, Джентльмен Джек сможет справиться с этим приезжим. Не было человека более крупного, более ловкого и смелого, чем он. И никто лучше Джека не умел обращаться со шпагой. Успокоив себя таким образом, Лаки повел лошадь приезжего в конюшню.

А Ривс тем временем перешагнул порог бара. Если он надеялся зайти незаметно, то у него это не получилось. Громкоголосые завсегдатаи прекратили разговоры, уставившись на него отнюдь недружелюбными взглядами.

Ривс сунул руку под плащ. Прикосновение к холодному металлу придало ему уверенности в себе. Он не любил применять физическое насилие, но и застать себя врасплох не позволял.

- Прошу прощения, – спокойно сказал он. – Меня зовут Ривс. Я ищу одного джентльмена.

Одна из служанок фыркнула.

- Значит, вы не туда попали, дорогой, потому что здесь джентльменов нет.

Ее слова были встречены дружным хохотом и одним-двумя шутливыми протестующими восклицаниями. Пережидая шум, Ривс попробовал определить свое местоположение.

Гостиница вопреки своему названию была совсем не новой, а представляла собой довольно древнее здание, построенное несколько веков назад. Потолки здесь были низкие, с сильно закопченными массивными деревянными балками. Крупные гладкие камни, принесенные с берега, окружали огромный камин, в котором, весело потрескивая, горели дрова. Сильнее всего был выношен пол: несметное количество ног протоптало дорожку вдоль бара, куда жаждущие подходили за напитками. По одну сторону от бара виднелась узкая лестница, которая вела наверх.

Судя по всему, завсегдатаями гостиницы были фермеры и сельскохозяйственные рабочие, среди которых замешались несколько весьма подозрительных субъектов. Подождав, пока стихнет хохот, Ривс несколько изменил свою просьбу:

- Я ищу одного конкретного человека, которого зовут Кристиан Ллевант.

В ответ на него посмотрели с недоумением и пожали плечами. Двоим людям, стоявшим у двери - низенькому щуплому типу со странно круглым лицом и маленькими узкими глазками и огромному рыжеволосому детине свирепого вида, - его присутствие, видимо, показалось особенно неприятным.

Ривс откашлялся.

- Если здесь нет Кристиана Ллеванта, то, может быть, есть Джентльмен Джек?

Ответом ему было молчание - холодное и напряженное.

Мужик с толстой шеей и каштановыми волосами, бросив на Ривса сосредоточенный взгляд, спросил:

- А ты не констебль, случайно?

- Нет, я не желаю ему зла.

Мужик фыркнул, но глаза у него не улыбались.

- Все так говорят.

Его компаньон, черноволосый мужчина с черной повязкой на одном глазу, сказал, усмехнувшись:

- Я бы на вашем месте поосторожнее наводил справки. Есть люди, которых может оскорбить ваше предположение, будто они имеют что-то общее с известным разбойником.

- В том, что я сказал, не было ничего неуважительного. Я всего лишь должен передать этому человеку кое-какие новости о его отце.

Это снова вызвало шум голосов. Рыжеволосый гигант вскочил на ноги, и сразу же вновь воцарилась тишина.

- Думаю, вам лучше убраться отсюда подобра-поздорову. Нам не надо здесь никаких незнакомцев.

- Но я должен найти Кристиана Ллеванта. Если вы случайно увидите его, - передайте ему, пожалуйста, что у меня есть новости о его отце.

- Нет! - сказал гигант, упрямо вздернув подбородок. - Не стану я ничего для тебя делать, сукин...

- Вилли! - раздался низкий мужской голос с верхней площадки лестницы. - Помолчи!

Ривс повернулся в тот момент, когда джентльмен спускался вниз по лестнице. Высокий, как и его брат, Кристиан не поражал габаритами, но фигура его была более поджарой и элегантной. Одежда отличалась превосходным качеством. Плащ был из тончайшей шерсти, бриджи сидели

идеально, свежая сорочка изготовлена из наилучшего испанского льняного полотна, а камзол был, несомненно, творением французского портного. Но каждый предмет одежды, даже галстук, был неизменно черного цвета, как и его волосы. Единственным цветовым пятном был рубин, украшавший булавку, вколотую в галстук.

Он выглядел так, как и подобает выглядеть тому, кем он был, то есть вору, хотя и элегантному. Двигаясь с плавной грацией, Кристиан пересек комнату, направляясь к Ривсу.

Рыжеволосый гигант снова оглядел Ривса с головы до ног.

- Мне кажется, он похож на полицейского.

- Слышите, что говорит мой друг Вилли? - улыбнулся Кристиан, в глазах которого блеснуло любопытство. - Может быть, он прав?

- Я не имею никакого отношения к полиции.

Вилли снова окинул его оценивающим взглядом и презрительно фыркнул.

- Да, пожалуй, у него для этого кишка тонка...

- Вилли хочет сказать, - начал было «переводить» Кристиан, садясь за пустой столик возле камина, - что, по его мнению, у вас...

- Я догадался, что имел в виду мистер Вильям, милорд.

- Милорд? - Кристиан усмехнулся, блеснув белыми зубами. - Вы глубоко ошибаетесь, дружище, кем бы вы ни были.

- Я ничуть не ошибаюсь, - тихо сказал Ривс. - Я привез кое-какие новости. Боюсь, новости довольно печальные.

Кристиан замер. Гигант открыл было рот, но Кристиан жестом остановил его.

- Джек? О чем идет речь? - все-таки поинтересовался гигант.

- О моем отце, - повернувшись к своему компаньону, сказал Кристиан.

- Этот человек - твой отец?

- Нет. Мой отец был герцогом. А теперь он, как видно, умер. - Побледнев, он повернулся к Ривсу за подтверждением.

Ривс кивнул:

- Боюсь, что это так, милорд.

Кристиан тряхнул головой.

- Как странно, - сказал он. - Мне почему-то казалось, что он будет жить вечно. Почему, интересно, мне так казалось? - Он некоторое время молчал, уставясь в огонь, как будто искал там какого-то ответа. Потом, словно опомнившись, он сказал Ривсу: - Извините, я забылся. Не присядете ли? - Он подмигнул служанке, и та, хихикнув, притащила им две кружки эля. Кристиан бросил ей монету, рассеянно наблюдая, как девица схватила ее и сунула за вырез

лифа.

- А вы здесь, как видно, хорошо известны, - вежливо заметил Ривс, усаживаясь за стол напротив Кристиана.

Развернув к себе пустой стул, Кристиан положил на сиденье обутые в сапоги ноги.

- Дружить с местным населением - правильная политика.

Вилли, бросив предостерегающий взгляд на Ривса, сказал:

- Мы с Сэмом будем здесь, возле двери.

Кристиан кивнул с рассеянным видом. Дождавшись, когда его слуга отойдет за пределы слышимости, он спросил:

- Кто вы такой?

- Дворецкий вашего батюшки.

- Как вы меня отыскали?

- Это было не трудно. Я предположил, что вы после вынужденного побега станете пробираться в Лондон, чтобы быть поближе к матери.

- Она умерла до того, как я туда добрался. Я знал, что она больна, но не подозревал, что болезнь была так серьезна.

- Это, должно быть, стало для вас потрясением?

Кристиан отхлебнул из кружки.

- Сильнейшим.

- Понимаю, милорд. Когда мы впервые начали поиск, то навели справки в каждом приюте, на каждой верфи и на каждом постоялом дворе вдоль побережья. Потом мне пришло в голову, что мы, возможно, ведем поиск на слишком низком уровне.

Кристиан криво усмехнулся:

- Ведь я как-никак был сыном герцога, причем не простого герцога, а герцога Рочестера.

- Именно так, милорд. Вы рассуждаете совсем как ваш батюшка. Как только я это понял, то вскоре и на след наткнулся. Сначала на один. Потом на другой. - Ривс посмотрел Кристиану в глаза. - Вы использовали вариации имени и титулов вашего отца: в Бейнбридже вы называли себя виконтом Уэстервиллом, в Бате были лордом Рочестером Стюартом.

- Общепринятая практика. Когда живешь под чужим именем, надо помнить это имя при любых обстоятельствах.

- Весьма полезный совет, милорд. Постараюсь его запомнить. Мистер Данстед, поверенный старого герцога, нашел описание вашей внешности в Лондоне.

- В Лондоне?

- Да, милорд. Его сделала дочь французского посла. Посол сказал, что вы украли сердце его дочери, хотя, мне кажется, его гораздо больше расстроила пропажа драгоценностей.

На физиономии Кристиана появилась мечтательная улыбка.

- Мишель была... - он поцеловал кончики своих пальцев, - *magnifique*.

Ривс позволил себе чуть улыбнуться.

- Рад слышать это. Как видно, у Джентльмена Джека дела идут неплохо.

- Выгоды, которые приносит моя профессия, значительно превосходят связанные с ней опасности, - сказал Кристиан, сделав еще глоток эля. - Так, значит, мой отец умер. Гм-м. Почему-то я не испытываю сожаления.

- Он оставил вам титул виконта Уэстервилла, а ваш брат Тристан унаследовал герцогский титул.

Кристиан замер.

- Тристан?

- Да. Он жив и здоров. Хотя мне почему-то кажется, что вам это известно.

На лице Кристиана появилось замкнутое выражение.

- Возможно. Не так уж трудно проследить за героем войны.

- Вы следили за ним гораздо раньше, чем он стал герцогом. Когда, разыскивая вашего брата, поверенный герцога наводил справки на верфях Лондона, оказалось, что кто-то побывал там до него.

Прикрыв глаза длинными ресницами, Кристиан сделал еще глоток.

- Возможно. Скажите, Ривс, каким образом сумел отец оставить нам свои титулы? Ведь наша мать никогда не состояла в браке с Рочестером.

- Перед смертью ваш отец все урегулировал.

- Но каким образом?

Улыбка чуть тронула губы Ривса.

- Разве это имеет значение?

- Наверное, не имеет. - Кристиан тряхнул головой. - Мне все еще не верится. Где сейчас находится Тристан? Я знаю, что он был ранен. Я отправился в Лондон, чтобы отыскать его, но опоздал: его там уже не было.

- Как ни странно, он обосновался неподалеку отсюда.

Кристиан хохотнул:

- Отсюда? Быть того не может! Вы, наверное, шутите?

Ривс улыбнулся.

- Самой судьбой вам было предназначено встретиться, независимо от того, приезжал я сюда или нет, это произошло бы. Возможно, при менее благоприятных обстоятельствах. - Ривс взглянул на него, склонив набок голову. - Внешность вы, возможно, унаследовали от матери, но элегантность вам явно досталась от отца.

Кристиан горько усмехнулся и поднял кружку:

- Выпьем за элегантность моего папаши. Пусть она пойдет мне на пользу.

Ривс приветственно поднял свою кружку, присоединяясь к тосту, потом осторожно сделал крошечный глоток.

- Добро пожаловать в мой мир, Ривс. В мир пышнотелых, готовых на все услуги девиц и горького эля, подогретого романтикой большой дороги.

- Романтика... опасности. Мистер Кристиан, не сочтите за дерзость, но мне кажется, что вам пора найти себе другое занятие.

Кристиан криво усмехнулся:

- Герою войны негоже иметь брата, который занимается разбоем на большой дороге?

- Не думаю, что герцог согласился бы с вами.

- Он всегда был большим упрямцем. Скажите, а в остальном с ним все в порядке?

- По-моему, да. Видите ли, он все еще хромотает из-за ранения. Не думаю, что хромота когда-нибудь пройдет. Но его люди по-прежнему с ним и не дают ему предаваться грустным мыслям.

- Его люди? Значит, он все еще плавает?

- Нет, - сказал Ривс. - Они пришли к нему. Он приобрел в Девоне дом на вершине утеса.

- Он живет там вместе со своим экипажем?

- С теми, кто больше не может плавать. Они о нем трогательно заботятся.

На губах Кристиана промелькнула улыбка.

- Они стали его семьей. Когда человек не имеет семьи, он подбирает потерянные души, с которыми приходится сталкиваться в жизни.

Ривс бросил взгляд на Вилли, который, стоя у двери, сердито посматривал на всех присутствующих. Кристиан проследил за его взглядом.

- Да, он один из них.

- Мне кажется, что ваш батюшка очень сожалел, что не принимал активного участия в вашей жизни.

- А я сожалею до сих пор, что не перерезал ему горло шпагой.

- Удивлен, что вы этого не сделали.

- Я не имел права лишить Тристана его отца. - Кристиан пожал плечами. - К тому же я был очень занят.

- Понимаю, милорд. Должно быть, разбой на большой дороге оставляет мало свободного времени.

Зеленые глаза Кристиана блеснули.

- Я ведь не только разбойник. Я еще и фермер-джентльмен. Видите ли, у меня есть земли. Вполне respectable поместье.

- Меня это не удивляет, милорд. Вы человек весьма предприимчивый. Как и ваш батюшка. - Чуть помедлив, дворецкий продолжил: - Он мудро распоряжался своими деньгами и был хорошим хозяином. К сожалению, он был также весьма непостоянен в своих привязанностях.

Кристиан, сам того не желая, усмехнулся.

- Короче говоря, старикан был тем еще мерзавцем во всех отношениях.

- Да, милорд. Зато как элегантно он умел завязывать свои галстуки!

- Уверен, что на Всевышнего это произвело должное впечатление. Расскажите мне лучше о Тристане. Ему нравится быть герцогом? Наверное, скупил уже пол-Лондона на унаследованные деньги?

- Деньги он еще не получил. Через четыре недели приедут попечители, чтобы определить, достоин ли он титула. Если он получит их одобрение, то в его руки перейдет огромное богатство. А если не получит, то эти деньги будут добавлены к уже щедрой сумме, которую покойный герцог завещал вам. Конечно, при условии, что вы сами к тому времени получите одобренный отзыв попечителей.

- Герцогский титул без денег. Да-а, чувство юмора у отца не изменилось даже на смертном одре, - произнес Кристиан, даже не заметив, что очень крепко сжал рукой кружку. Он ослабил хватку и сказал: - Значит, теперь я настоящий виконт Уэстервилл?

- Ваш батюшка завещал вам титул виконта Уэстервилла и десять тысяч фунтов дохода в год.

Кристиан присвистнул.

- Вы примете эти деньги?

- Вы с ума сошли? Разумеется, я их приму, причем с радостью!

Ривс вздохнул с облегчением:

- Ну наконец-то хоть один здравомыслящий! Кристиан рассмеялся:

- Насколько я понимаю, Тристан оказался не таким сговорчивым?

- Он сказал, что скорее... как это он выразился? Что-то о том, чтобы сжечь дотла нижние части его тела...

- Узнаю Тристана. Он все видит в черных и белых тонах. Гордый. А я вот с наслаждением буду транжирить деньги покойного герцога, пока он весело горит в аду.

- Рад видеть, что вы не испытываете горечи, - сдержанно заметил Ривс.

Кристиан помрачнел.

- Вам известно, что он сделал с моей матерью? Как он оставил ее гнить в тюрьме? Обвиненную в преступлении, которого она не совершала?

- Милорд, возможно, у него была какая-то причина...

Кристиан со стуком поставил на стол кружку, не обращая внимания на испуганные взгляды окружающих.

- Моя мать, одинокая и запуганная, умерла в сырой тюремной камере. Он знал это, но не сделал ничего, чтобы помочь ей.

- Милорд...

- Молчите. Ни слова больше. Я поклялся узнать все, что можно, об обстоятельствах ее заточения в тюрьму. Изменить ее судьбу я не смогу, но когда-нибудь найду того, кто обрек ее на такие мучения.

- Я вам сочувствую, - только и сказал Ривс, глядя в горящие зеленые глаза Кристиана.

- Мой папаша был еще тем сукиным сыном. Джентльмен по рождению, он в душе не был джентльменом. - Кристиан допил кружку и, поставив ее на стол, кивком показал служанке, что желает повторить. - Значит, я виконт. - Он горько усмехнулся. - Забавно.

- Я уверен, что ваш брат будет рад поделиться с вами своими мыслями относительно проблем, связанных с обладанием титулом.

Кристиан взял новую кружку из рук служанки и, подмигнув ей, проследил за ней взглядом. Когда она ушла, он снова обратился к Ривсу:

- Не говорите брату, что отыскиали меня.

- Но почему, милорд?

- Прежде чем снова появиться в его жизни, мне необходимо кое-что сделать. Судя по тому, что я слышал, ему не нужны дополнительные проблемы, кроме тех, которые у него уже есть. - Кристиан отодвинул от себя кружку. - Дайте мне неделю. Может быть, чуть больше. Потом я свяжусь с вами.

Ривс вздохнул:

- Как пожелаете, милорд.

- А тем временем, если я потребуюсь вам или моему брату, оставьте для меня весточку здесь.

- Хорошо. Когда-нибудь мы должны подробнее поговорить о вашем отце, но пока это время, очевидно, еще не настало. - Ривс встал и поклонился. - Я рад, что наконец нашел вас. Я обещал покойному герцогу сделать это.

- Вы очень лояльны к человеку, который не заслуживает такой преданности.

Ривс улыбнулся.

- Конечно, его поведение по отношению к вам не заслуживает каких-либо добрых чувств. Но я многим ему обязан. А я принадлежу к тем людям, которые всегда платят свои долги. - Ривс надел шарф и перчатки. - Я оставляю вас, милорд. Но надеюсь, ненадолго.

- Я это не надену.

Ривс бросил взгляд на жилет.

- Могу ли я узнать почему? Тристан скорчил гримасу.

- Я не люблю жилеты, а этот тем более.

- Милорд, нам будет легче убедить попечителей в том, что вы достойны получить деньги, если вы будете не только вести себя, но и одеваться должным образом. Кажется, миссис Тистлуэйт считает, будто вы достигли значительных успехов за последнюю неделю, так что на данном этапе абсолютно необходимо дополнить успехи какой-нибудь новой деталью в одежде.

- Я не возражаю против того, чтобы выглядеть джентльменом, но категорически не желаю, черт побери, надевать этот алый жилет.

- Он не алый, он красновато-коричневый. Тристан поднес жилет к окну, отодвинул штору и пригляделся к ткани:

- Нет. Он алый.

- Красновато-коричневый, - сказал Ривс, демонстрируя ангельское терпение, - однако я думаю, что вам едва ли приходилось часто видеть этот цвет. Кажется, паруса такого цвета не делают.

- Да уж, будьте, черт возьми, уверены, не делают!

Ривс кашлянул.

Тристан вздохнул.

- Прошу прощения, я хотел сказать: «Уж будьте уверены, не делают». Слова «черт возьми» случайно сорвались с языка.

- Вы уже достигли больших результатов, милорд. Но я понимаю, что для этого требуется время.

Хотя в течение последней недели Тристан проводил большую часть каждого дня с очаровательной Пруденс и узнал о правилах поведения в высшем обществе гораздо больше, чем ему хотелось бы знать, ему казалось, что время тянется слишком медленно. Его финансовое положение катастрофически ухудшалось. Сегодня утром ему пришлось пригласить доктора, чтобы он осмотрел больную ногу Джона Марли. Доктор не сказал ничего утешительного: процесс выздоровления займет несколько недель, а может быть, месяцев, к тому же потребуется довольно много лекарств.

Тристан вздохнул. Ему нужны были деньги. И как можно скорее. Поэтому когда приехала

Пруденс, он старался быть прилежным учеником. Но даже это было сопряжено с трудностями. Когда она находилась в комнате, он, казалось, не мог удержаться, чтобы не перейти границы дозволенного. Он многому научился у нее и знал, что можно и чего нельзя делать. Однако с ней эти правила казались ему такими... никому не нужными.

Их уроки превратились в своего рода сладкую пытку. Когда они находились рядом, атмосфера становилась с каждым днем все более напряженной. Но важнее всего было то, что он все время думал о ней и начал подозревать, что ему будет не хватать ее, когда их уроки закончатся.

Может быть, ему стоит попросить ее и далее быть его наставницей, оговорив при этом одно условие: чтобы на этот раз она надевала на себя поменьше одежды? Он представил себе выражение ее лица, когда она услышала бы о таком условии, и фыркнул.

Размечтавшегося Тристана прервал голос Ривса:

- Милорд, чему это вы улыбаетесь?

- Так, ничему. Я вспомнил кое-что сказанное Пруденс.

- Вы хотите сказать «миссис Тистлуэйт»?

- Я хотел сказать «Пруденс».

- Было бы правильнее...

- Возможно, я надену на себя ваш мерзкий жилет, но будь я проклят, если стану называть Пруденс не по имени!

Ривс поклонился:

- Как пожелаете, милорд.

- Если бы я надел что-нибудь подобное, когда мы находились в море, то от насмешек мне пришлось бы прыгнуть за борт собственного корабля, - сказал Тристан, чувствуя себя последним мерзавцем из-за того, что наорал на дворецкого. Откровенно говоря, жизнь стала значительно лучше, когда появился Ривс.

- Смеялись бы, несомненно, моряки, которые тоже являются великими знатоками моды? - Ривс приподнял бровь. - Поскольку вам не нравится красновато-коричневый...

- Алый.

- ...красновато-коричневый цвет, я могу найти что-нибудь более подходящее. - Ривс аккуратно перекинул жилет через руку и вернулся к сундуку, стоявшему в изножье кровати. Он сложил жилет, снова завернул его в бумагу и осторожно уложил в сундук. Он начал просматривать еще не распакованную одежду, потом остановился и, бросив на Тристана довольно язвительный взгляд, спросил: - Скажите заранее, какой еще цвет, кроме алого, вы не желаете носить? Голубой? Фиолетовый?

- Желтый.

- Почему вам не нравится желтый цвет?

Тристан усмехнулся:

- Рядом с ним моя кожа выглядит болезненно-бледной.

На мгновение на губах Ривса появилось что-то похожее на улыбку, но ему удалось ее подавить.

- Постараюсь запомнить это, милорд. - Ривс наклонился над сундуком и мгновение спустя извлек оттуда еще один жилет.

Тристан отступил на шаг.

- Боже милосердный! Он блестит!

- Ну да. Это же жилет из ткани с серебряной нитью, отделанный синим шнуром и окантованный черным. Великолепная вещь. Его привезли из Франции и...

- Черт побери, в нем я буду выглядеть словно серебряная монета на ножках. Или как дамское кольцо.

- Он предназначен только для вечернего костюма, милорд. Для дневного он не годится. Я не предлагаю вам надеть его прямо сейчас. Я хотел лишь узнать, нравится ли он вам.

- В нем я буду выглядеть как рыба, которая вдруг отправилась гулять по суше. - Тристан покачал головой. - Вот что получается, когда мы позволяем французам задавать тон в моде.

Тщательно сложив жилет, Ривс возвратил его в сундук. Потом достал еще один, попроще. Этот был красного цвета с черной окантовкой.

Тристан с отвращением взглянул на жилет:

- Почему не носят больше простых черных жилетов?

- Они вышли из моды в 1763 году, милорд, и теперь их носят только мелкие отсталые помещики да дерзкие разбойники и прочие печально известные личности.

- Не знаю, как насчет мелких помещиков, но относительно разбойников вы правы. Они действительно носят много, черного.

Голубые глаза Ривса вдруг остановились на Тристане.

- Позвольте спросить, откуда вам это известно, милорд?

Тристан повернулся к зеркалу и начал надевать на себя жилет.

- Меньше года назад меня остановили на дороге, ведущей в Бат. Человек был с головы до ног одет в черное, а это сильно мешало стрелять в него.

Ривс чуть помедлил.

- Вы в него стреляли?

- Пытался, но ему удалось убежать. Следов крови я не обнаружил, так что, к стыду своему, должен предположить, что я промахнулся.

На лице Ривса появилась напряженная улыбка.

- Позвольте, милорд, помочь вам надеть камзол.

Тристан сунул руки в рукава. Странно было ощущать на теле плотно прилегающую одежду. Он взял свою трость.

- Я чувствую себя как приготовленный к жаренью гусь. С вашего позволения я отправлюсь на утреннюю прогулку.

- У вас остается полчаса до того, как прибудет миссис Тистлуэйт. И будьте осторожнее, обходите лужи, - напомнил Ривс, кивком указав на блестящие сапоги Тристана.

- Какой прок в сапогах, если их нельзя испачкать?

Ривс открыл было рот, чтобы ответить, но тут распахнулась дверь, и в комнату заглянул Стивенс, глаза которого округлились от удивления при виде Тристана.

- Ухты! Капитан, то есть ваша светлость! Теперь вы выглядите как самый настоящий джентльмен!

- Мистер Стивенс, - спокойно сказал Ривс, - прежде чем войти в комнату, принято стучать.

- Неужели? Ну, в таком случае - пожалуйста! - Стивенс повернулся и, постучав в дверь у себя за спиной, улыбнулся Ривсу: - Теперь правильно?

- Отлично. Только следует остановиться перед дверью, постучать и подождать, пока не получишь разрешения войти.

- Господи, зачем столько времени тратить понапрасну? Капитан... гм-м, ваша светлость, вы когда-нибудь слышали такое? Стучать в дверь, а потом ждать разрешения войти?

- Правила поведения, Стивенс. Меня они совсем задушили. Еще до конца месяца мы сами себя не узнаем.

- Мистер Стивенс, вы принесли ножницы, как я просил? - поинтересовался Ривс.

Стивенс кивнул и извлек откуда-то из-под мешковатого камзола устрашающего вида ножницы.

Тристан с опаской взглянул на них:

- Это еще зачем? Может, хотите выкроить паруса из того алого жилета?

Стивенс хихикнул:

- Неужели не знаете, капитан? Ножницы нужны, чтобы подстричь вам волосы.

- Что-о? - Тристан сделал шаг назад, с ужасом глядя на ножницы. - Я не позволю стричь себе волосы, Ривс!

Ривс сердито взглянул на Стивенса.

- Я хотел сообщить об этом герцогу по-другому.

Тристан нахмурил брови, прикоснувшись рукой к аккуратной косице на затылке. Она была длиной чуть ниже плеч. Такая длина была вполне приемлемой, а большинство капитанов носили более длинные волосы. Но его волосы были такой длины с тех пор, как он впервые вышел в море, и он не собирался что-либо менять сейчас.

- Я не стану стричь волосы. И пусть все попечители пропадут пропадом.

Ривс вздохнул.

- Может быть, миссис Тистлуэйт удастся вас вразумить. - С этими словами дворецкий отпустил присмирившего Стивенса и занялся прочими утренними делами.

Тристан обратил внимание на то, что частенько поглядывает на часы, считая минуты до появления миссис Тистлуэйт. Время, проведенное с Пруденс, становилось для него самым важным временем дня. Эта мысль заставила его замереть на мгновение, когда он застегивал пиджак. Он действительно очень много думал о ней. По правде говоря, с тех пор, как он проснулся, мысли о ней его не покидали. Но мысли в период бодрствования были все же не такими тревожными, как сны.

Во сне она находилась в его постели и просыпалась с первыми лучами утреннего солнца. Она еще дремала, и ее длинные шелковистые каштановые волосы разметались по обнаженным плечам...

Он, конечно, не знал, спит ли она голышом. Но если нет, то было бы интересно узнать, сколько времени потребуется, чтобы убедить ее спать без ночной сорочки.

Он едва заметно улыбнулся, позволив Ривсу расправить на плечах новый камзол. Большинство женщин настолько озабочены тем, чтобы произвести впечатление, что совершенно забывают, каковы они на самом деле. Но Пруденс всегда была самой собой, и он с большим одобрением к этому относился. Она была не похожа на вздорных, поглощенных собой женщин. Она была не такой: она поддразнивала его, бросала ему вызов...

- Милорд?

Тристан поморгал:

- Извините, Ривс. Вы что-то сказали?

- Да, милорд. И не один раз.

- Прошу прощения. Я задумался... о корабле. О корабле с великолепным топселем.

- Я так и понял, милорд, - сказал Ривс и, взяв щеточку, почистил плечи Тристана. - Только я не знал, что ваш корабль назывался «Пруденс».

- О чем это вы?

- Только о том, что вы бормотали это имя. Пока я разглаживал рукава.

- Вот как?

Ривс положил на поднос щетку в серебряной оправе.

- Странное, однако, совпадение: и корабль, и соседка носят одно имя - Пруденс. Наверное,

легко запутаться.

Тристан посмотрел в глаза Ривсу:

- Мы закончили одеваться?

- Да, милорд. Позвольте заметить, что вы выглядите великолепно.

- Спасибо, Ривс. - Тристан повернулся, чтобы уйти, но остановился, вспомнив кое о чем. - Чуть не забыл спросить, есть ли вести от Данстеда?

Последовала пауза - небольшая, но многозначительная.

- Пока нет, - сказал Ривс.

- Гм-м... - Тристан пристально посмотрел на дворецкого. - Однажды на прошлой неделе сюда приезжал какой-то незнакомец. Дело было поздно ночью. Вы его встретили и разговаривали с ним. Мне это известно, потому что Тоггл в это время выходил по нужде и подслушал ваш разговор. Вы получили записку от Данстеда.

Ривс слегка нахмурился.

- Мистер Тоггл большой умелец появляться там, где ему совершенно нечего делать.

- Есть у него такой талант. Ну, что скажете?

Ривс молчал.

- Понятно. Второе странное происшествие случилось три ночи назад. Вы уехали сразу же после ужина и отсутствовали в течение двух часов.

- Да, милорд, я это сделал. - Дворецкий встретился взглядом с Тристаном и вздохнул. - Я не хотел ничего говорить, пока этот вопрос не прояснится окончательно, но... возможно, так будет даже лучше. Милорд, Данстеду действительно удалось обнаружить местонахождение мистера Кристиана.

Сердце Тристана испуганно пропустило удар. Ривс поднял руку.

- Сейчас я не могу сказать больше ничего. Пока. Это дело чести. Он не позволил мне раскрыть его местонахождение.

Тристан стиснул зубы.

- Он здоров?

- Да, милорд. Он совершенно здоров.

У Тристана отлегло от сердца.

- Ривс, я должен увидаться с ним.

- Думаю, он тоже на это надеется.

- Сомневаюсь, иначе он бы давно уже был здесь. Он сказал, почему не хочет нашей встречи?

- Насколько я понимаю, ему нужно сначала принять кое-какие важные решения. Относительно занятия, которое он для себя выбрал.

- Что это за занятие?

- Боюсь, что я не имею права и об этом сказать вам.

- Ривс, я принадлежу к числу терпеливых людей.

- Я это знаю, милорд. Я постараюсь напомнить об этом мистеру Кристиану. - Ривс направился к двери. - Желаю вам насладиться своей утренней прогулкой, милорд. Завтрак будет накрыт к вашему возвращению.

Тристан кивнул, стараясь сохранить самообладание. Трудно было представить себе, что он находится так близко и в то же время так далеко от Кристиана. Он закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Но он не мог заставить Кристиана встретиться с ним, если тот пока не был готов к встрече. Наконец он сказал:

- Спасибо, Ривс. Спасибо за все.

Дворецкий улыбнулся:

- Не стоит благодарности. - Поклонившись, Ривс вышел.

Тристан уставился на закрывающуюся за ним дверь.

«Чем, черт возьми, ты занимаешься, Кристиан?»

Глава 13

Чтобы удалить пятна с мебели, смешайте розовое масло, щелочь и бычью желчь. Смесь используйте только в помещении с открытым окном, чтобы не потерять сознание, потому что начищать мебель в бессознательном состоянии едва ли возможно.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Тристан спускался вниз по тропинке, продолжая размышлять о Ривсе и его тайнах. Утреннее солнце только что появилось над морем, дул свежий ветерок. На прошлой неделе он вставал чуть раньше, чтобы побывать на утесе. Это несколько проясняло мысли и успокаивало. Сегодня нечего было даже рассчитывать на обретение душевного покоя. Все его мысли занимал Кристиан.

Ожидание было для него адской пыткой. Тристан решил дать Ривсу неделю, чтобы тот предъявил ему брата. Одну неделю - не больше!

Интересно, понравится ли Кристиану Пруденс? При этой мысли перед ним возник образ обольстительного создания, прибывавшего к нему каждое утро закутанным в голубой плащ, с собранными в тугий пучок волосами и теплыми карими глазами, в которых искрился смех. Пруденс. Это имя, даже не произнесенное вслух, делало жизнь более выносимой.

На тропинке сегодня было множество луж, подернутых ледком, и скользких, покрытых мхом камешков. Больную ногу снова пронзила острая боль. Тристан поморщился и стиснул зубы. Он не позволит этой ране, как и прочим проблемам, одолеть себя. Пруденс научила его на

собственном примере, что как бы ни были трудны проблемы в жизни, с ними можно справиться, если подойти к ним с умом и терпением.

Он и сам это когда-то знал, но за долгие месяцы выздоровления позволил себе позабыть об этом.

Обогнув поворот, он увидел свой коттедж. Прочный и надежный, он противостоял всем ветрам.

Тристан решил заставить себя преодолеть оставшееся до калитки расстояние в ускоренном темпе.

Возможно, если он будет преодолевать боль и напрягать мышцы ноги, ему станет лучше. Стиснув зубы, он ринулся вперед.

Он дойдет до калитки.

Не отступится. Чего бы это ни стоило.

На боль не следует обращать внимания.

Только бы добраться до калитки...

У него получилось! Ухватившись за верхнюю планку, он оперся на калитку и некоторое время стоял, приподняв больную ногу и опустив голову. Борьба с болью было бесполезно. Он прислушался к тому, как она распространяется по ходу чуть не убившей его свинцовой пули.

Для него это было характерно: сначала он боролся, а потом смирился. Судьба издевалась над ним, издавывая, что он мог бы иметь, но не имел. Так было, когда дело касалось отца, так было с ранением, лишившим его возможности плавать, а теперь то же самое происходило в отношении Пруденс.

Он хотел ее. Он хотел, чтобы она оставалась в его жизни после того, как закончится весь этот фарс с попечителями. Но из этого ничего не получится. Воспитанная, образованная, она принадлежит к тому миру, который он видел лишь издавывая. Однако с каждым днем его тянуло к ней все сильнее и сильнее. В отношении Пруденс он был прав с самого начала: она принадлежала к числу тех женщин, на которых мужчины женятся, если они тоже воспитанные, образованные и принадлежат к тому же миру.

А он не принадлежал. Об этом позаботился его отец.

Тристан положил на ногу руку и сердито посмотрел на нее. Вдобавок ко всему он был изуверчен. Сложись его жизнь по-другому, он, возможно, был бы в состоянии обеспечить ее, став чем-то большим, чем «сухопутный капитан».

Но ему нечего было ей предложить. Нечего дать. Если только он не получит эти деньги.

Однако... будет ли этого достаточно? Ему вспомнилось выражение ее лица, когда она упомянула о своем покойном муже Филиппе. Она любила его, это было очевидно. Тристан стиснул зубы. Сильно ли она любила Филиппа и любит ли до сих пор?

На тропинке за его спиной слышались шаги.

- Доброе утро.

Теплый тон ее голоса находился в странном противоречии с пронизывающим ветром. Повернувшись, Тристан увидел Пруденс, которая шла к нему по тропинке. Ветер растрепал ее прическу, и несколько прядей темных волос упали ей на лицо. Встретившись с ним взглядом, она остановилась, прислонившись спиной к тисовому дереву, и глаза ее потемнели от какой-то непонятной эмоции.

Может быть, это была жалость?

- Вы пришли рано, - сказал он и сам почувствовал, что сказал это слишком резко.

Она приподняла брови. Большинству женщин это придавало бы величественный или, по крайней мере, удивленный вид, но у Пруденс при таком разлете бровей быстрое их поднятие придавало лицу озорное выражение.

Он поборол раздражение.

- Вам не следует выходить в такую погоду. Слишком сыро.

Она пожала плечами.

- Сегодня не так холодно, как на прошлой неделе. - Взгляд ее скользнул мимо него в сторону моря. - А какой красивый вид отсюда!

- Вы правы. - Он взглянул на серое небо и нахмурился, потому что солнце скрылось за тучами и невозможно было определить время. - Наверное, пора завтракать?

- Ривс послал меня за вами.

Плотно обхватив рукой набалдашник трости, Тристан направился к ней, ненавидя всем сердцем свою хромоту. Подойдя, он остановился и молча предложил ей руку.

Она улыбнулась, присела в реверансе и положила руку на его локоть.

- Исполнено весьма изящно, - сказала она, одарив его ослепительной улыбкой, на которую его тело немедленно отреагировало самым неподобающим, хотя и естественным образом.

Решительно изгнав из головы все похотливые мысли, он улыбнулся ей в ответ, подумав с замиранием сердца, что недалек тот день, когда она перестанет здесь появляться. И не придет больше на тропинку, разыскивая его.

Но, по крайней мере, сегодня она у него есть.

- Ну что ж, начнем уроки. - С этими словами он сопроводил ее в дом сквозь раздвижные стеклянные двери, выходящие на террасу.

Пруденс сняла плащ. Тристан взял его и положил на спинку кресла. Наблюдая за ним, она подумала, уж не показалось ли ей, будто его руки обласкали мягкую шерсть плаща. Она нахмурила лоб. Он был какой-то не такой нынче утром. Была в нем какая-то... неуверенность.

Стол был, как всегда, накрыт. Пруденс остановилась возле своего кресла и подождала герцога.

К своему удивлению, она поняла, что завтрак, сервированный в высоком стиле, доставляет ей большое удовольствие. Особенно приятно было видеть каждое утро Тристана, наблюдать, как его крупная загорелая рука держит тонкий фарфор, как его зеленые глаза искрятся смехом.

Последняя неделя оказалась трудной по многим причинам, одной из которых было то, что мать в конце каждого дня с надеждой ждала ее дома.

К сожалению, у матери появились абсолютно необоснованные надежды, что ее отношения с герцогом перерастут из обычного общения наставницы и ученика во что-то большее. Ее настойчивые расспросы начинали раздражать Пруденс. Возможно, герцога влекло к Пруденс, но это было чисто физическое влечение, не имевшее ничего общего с возвышенными чувствами. К тому же очень скоро эти встречи закончатся.

Герцог, опираясь на трость, подошел к ней. Заметив, что его хромота сегодня как будто усилилась, она нахмурила лоб.

- Вы хорошо себя чувствуете?

- Со мной все в порядке. А вот вы... - он оглядел ее с головы до ног, - вы выглядите великолепно.

Его глаза этим утром тоже казались темнее, как будто его тяготили какие-то нелегкие мысли. Склонив голову набок, она пристально посмотрела на него. Была в его взгляде какая-то тревога... и что-то еще, от чего у нее учащенно забилося сердце.

Их взгляды встретились, и ей почему-то стало трудно дышать. Он подошел ближе, потом медленно описал вокруг нее круг. Словно зверь на охоте, он направил на нее полностью все внимание. Пруденс стало жарко. Она с трудом удержалась, чтобы не оглянуться, когда он остановился у нее за спиной. Он слегка коснулся грудью ее спины и, горячо дыша ей в затылок, отодвинул от стола кресло.

- Садитесь, пожалуйста, миссис Тистлуэйт, - тихо сказал он ей в ухо.

«Ах он нахал», - подумала Пруденс, стараясь усмирить сердцебиение. Она неохотно уселась и подождала, пока он тоже сел.

- Ну, что скажете? - Он приподнял брови.

- Все было сделано очень хорошо. Кроме прикосновений.

- Вот как? Разве я к вам прикоснулся? - Он изобразил святую мужскую невинность... если такое понятие существует.

- Да, прикоснулись. Вы подошли слишком близко. Наша цель - попрактиковаться в вежливости.

- Я думал, что поступил вежливо, отодвинув для вас кресло от стола. - Потом, посмотрев, как она разливает чай, он вдруг сказал в задумчивости: - И еще мне кажется, что отсутствие у вас детей объясняется тем, что вы не любите близко подпускать к себе человека.

Она чуть не задохнулась.

- Прошу прощения?

- Я сказал...

- Я поняла, что вы сказали! Просто... - она сделала глубокий вдох, - неприлично говорить на подобные темы.

- На какие темы?
- Ну-у, о рождении детей... и о прикосновениях.
- О прикосновениях не я начал говорить, а вы.

И правда, кажется, это сделала она. Пруденс вздохнула.

- Если бы это был настоящий завтрак, то вам не следовало бы затрагивать ни одну из этих тем.
- Совсем?

- Разве что в иносказательной форме. Например, о женщине не говорят, что она беременна, а говорят: «она ожидает счастливого события». Или «она находится в интересном положении». Но в любом случае джентльмен не должен затрагивать эту тему. - Пруденс стало жарко. - А теперь поговорим о званых обедах. Когда придут попечители, вы, возможно, пожелаете...

- Подождите. Вы сами сказали, что это «не настоящий завтрак». Так что ответьте мне, Пруденс, почему у вас нет детей?

Она поднесла к губам чашку и сделала глоток, чтобы выиграть время и взять себя в руки.

- Как я вам уже говорила, это не тема для светского разговора.
- Но ведь мы с вами не принадлежим к высшему свету, не так ли? - сказал он, откинувшись на спинку кресла. - По крайней мере, в данный момент. Пока мы с вами являемся изгоями высшего общества. Париями.
- В отношении меня это действительно так. А вот вам недолго осталось пребывать в этом качестве.

Это было правдой. Имея титул и состояние, он будет сразу же принят во всех домах Лондона, тогда как она... Она останется там, где была.

Что-то с ней происходило. Она начинала что-то чувствовать к герцогу. «Это похоть, - сказала она себе. - Половое влечение - и ничего больше». К сожалению, это было очень сильное половое влечение.

- ...и так происходит каждый раз, - услышала она его слова.

Она поморгала, осознав, что он что-то говорит.

- Извините, я не слышала, что вы сказали.
- Я сказал, что женщины часто забывают о моем присутствии. Только что они разговаривали со мной, а мгновение спустя сидят, уставясь в чайные чашки, словно в состоянии транса.

Она улыбнулась:

- Это я уставилась в чайную чашку?
- Да. Я пытался не принимать это на свой счет, но мне не удалось, - сказал он, весело поблескивая зелеными глазами.

Он был неотразимо красивым мужчиной, особенно когда улыбался такой улыбкой.

- Великолепный завтрак, - сказала она.

И так было каждый день. Как только он подходил поближе, как только у нее возникал эмоциональный интерес, она ощущала неловкость и быстренько укрывалась под маской педагога. И он был вынужден вести обезличенную светскую беседу... пока не удавалось свернуть разговор на более интересные темы.

- Есть ли что-нибудь вкуснее апельсинового джема? - сказала она, намазывая маслом кусочек поджаренного хлеба.

- Нет.

Ее рука с ножом зависла в воздухе, карие глаза вопросительно взглянули на него.

- Не принято отвечать просто «нет». Вы должны либо согласиться, либо объяснить причину несогласия. Просто «нет» не говорят.

- Я не думал о джеме. Я хотел сказать, что на сегодня с меня достаточно пустой светской болтовни.

Она отложила нож.

- Может быть, обсудим то, что предложил Ривс? Он сказал, что было бы полезно, чтобы закрепить на практике ваши новые навыки, посетить какой-нибудь званый обед у местных помещиков.

- Я бы с большим удовольствием попрактиковался с вами.

Она решительно покачала головой.

- Давайте-ка лучше поговорим о предстоящем визите попечителей.

Он вздохнул:

- Ладно. Я даю вам три минуты на разговор о попечителях, а после этого не хочу сегодня даже слышать о них за столом.

- Три минуты? Нет, так дело не пойдет. - Она закусила губу, окидывая его оценивающим взглядом. - Дайте лучше десять минут.

- Четыре минуты. Она прищурила глаза.

- Семь.

- Пять минут - и это мое последнее слово.

- По рукам! Как вы встретите попечителей, когда они придут?

Он окинул ее ленивым взглядом.

- Их примет Стивенс. Сейчас Ривс обучает Стивенса тому, что надо сделать и сказать. Двое моих людей будут выступать в качестве лакеев. Они примут плащи и шляпы у наших гостей и

повесят их в передней. Потом Стивенс сопроводит попечителей сюда, в этот кабинет. А уж здесь я ошеломлю их своей тупостью и неумением связать двух слов.

- Как вы будете действовать?

- Поздоровуюсь с ними, пожму им руки или поклонюсь – как они того пожелают, потом предложу им сесть. В зависимости от времени их прибытия я могу предложить им что-нибудь выпить. Хотя мне кажется, что это совсем неправильно.

- Но вы не можете предложить им бренди до полудня.

- Осмелюсь заметить, что многие, если не все, имеют обыкновение пить гораздо более крепкие напитки и гораздо раньше полудня. Лично я считаю, что всем нам захочется пропустить стаканчик-другой. Уверен, что они не в восторге от предстоящей встречи, так же, как я, а может быть, даже больше, чем я.

- Возможно, вы правы. И все же вам нужно, чтобы они увидели в вас человека воспитанного. А вдруг кого-нибудь из них неожиданно одолеет приступ пуританского благочестия?

- Вполне возможно, – сказал Тристан, хотя абсолютно не был в этом убежден.

- Вы, кажется, все учли и обо всем позаботились, – сказала она, ослепляя его улыбкой.

По правде говоря, в данный момент его, разгоряченного ее близостью, одолевали самые непристойные мысли о том, что хорошо бы было заглянуть ей под юбки.

Она сделала глоточек чая, и ее губки чертовски привлекательно прикоснулись к краю чашки.

- Хорошо, милорд. Что вы будете делать дальше, после того как усадите попечителей?

- Заведу бессмысленный дурацкий разговор. Через некоторое время, как бы между прочим, спрошу их о завещании, но на первом этапе я должен утвердиться в их глазах как светский человек, джентльмен.

- Отлично! У вас все великолепно получится.

- О да. За последнюю неделю я многому научился. Я теперь умею кланяться, как презренный подхалим, выслушивать речи праздных пижонов, как будто они изрекают нечто необычайно умное, и говорить в течение получаса, ничего при этом не сказав.

Она рассмеялась, и он не мог не улыбнуться в ответ.

- К сожалению, эти навыки кажутся иногда бесполезными.

- Они действительно бесполезны.

- Но не для попечителей. – Она опустила ресницы. – Милорд...

- Зовите меня Тристаном.

- Я не могу...

- Кто из нас герцог: вы или я? Я хочу, чтобы вы называли меня Тристаном. Пожалуйста, – тихо добавил он. – Мы столько времени провели вместе, что вам пора бы считать меня не только

соседом, но и другом.

Она приподняла брови.

- Очень приятно слышать это, милорд! Позвольте мне задать вам один вопрос. Хотя вы, возможно, не пожелаете на него отвечать.

- Задавайте любой вопрос. Только помните, что я тоже хотел бы кое о чем спросить вас.

- Мне нечего скрывать, - сказала она, поблескивая глазами.

- Мне тоже. Так о чем вы хотели бы спросить?

- О том, как вы стали моряком. Вас насильно заставили служить на корабле в очень раннем возрасте. Вам, наверное, было трудно? Судя по всему, вы, в конце концов, полюбили море?

- Я действительно полюбил его. Однако первый год службы был очень трудным. Я тосковал по дому, был зол и ничему бы не научился, если бы не наказание плеткой-девятихвосткой.

Она бросила взгляд на его плечи.

- Да. Она оставила шрамы. И немало шрамов. В детстве я был таким же упрямым, как сейчас, так что можете себе представить.

- Вы сказали, что вам было всего десять лет! Не может быть, чтобы они пороли десятилетних!

- Пороли и порют по сей день.

- Но это варварство!

- Согласен. По этой причине я не держал на своем корабле впечатлительных людей.

- И правильно!

- Только не делайте из меня святого. Это объяснялось соображениями безопасности. У меня не было желания проснуться с ножом в спине.

- Понимаю. Но если вы не применяете к своим людям методы принуждения, Тристан, то каким образом вам удастся держать их в узде?

Она назвала его по имени. На лице его чуть было не появилась победоносная улыбка, но он сумел заглушить ее, резко передвинув больную ногу.

- Жизнь в море сурова, но весьма доходна, если на судне хороший капитан, каким был я... - Был. Как трудно произнести это слово. Он проглотил комок, образовавшийся в горле. - Я считаю, что только очень неумелые капитаны не могут обойтись без физических наказаний у себя на кораблях.

- Ваш батюшка знал о том, что с вами произошло?

- Ривс сказал, что отца в то время не было в Англии. Думаю, что он действительно не знал о том, что случилось со мной и с моим братом...

- Братом?

- У меня есть брат-близнец. Нас с ним разлучили, когда меня насильно забрал вербовщик. - Тристан невесело усмехнулся. - Я долгие годы говорил себе, что мы небезразличны нашему отцу и что если бы он знал, то не позволил бы арестовать мать и избавил бы меня от тяжелой доли. Но теперь я сильно сомневаюсь в этом. Мне кажется, что он, возможно, был даже рад тому, что мы куда-то исчезли, потому и не предпринял никакой попытки отыскать ни одного из нас. По крайней мере, до недавнего времени. - Тристан взглянул на накрытый для обеда стол, на сверкающее серебро и тонкий фарфор. - Мой брат сбежал. Я искал его, но так и не смог найти. Нынче утром Ривс сказал мне, что нашел моего брата. Я так давно его не видел... - Тристан не мог продолжать.

Они оба молчали. Тристан думал о Кристиане: где он, чем занимается? Почему не приехал, чтобы увидаться с ним? Что за «дела», которые надо закончить, прежде чем он приедет сюда?

Маленькая теплая ручка легла на его руку. Тристан не знал, что и делать. Это был такой простой жест, какие делают сотни, а то и тысячи раз каждый день. Однако он не мог припомнить ни одного случая, когда кто-нибудь успокоил бы его подобным жестом, который означал всего-навсего проявление человеческой доброты, желание придать ему уверенности в своих силах.

Тристан замер на мгновение, уставившись на изящные пальчики, лежащие на его руке. Перевернув руку, он передел ее пальцы со своими.

По его телу прокатилась такая мощная волна жара, что он чуть было не охнул. Боже милосердный, как же он хотел эту женщину! Но это была не просто похоть. Похоть он знал и раньше. Это было нечто другое. На этот раз он хотел не просто попробовать ее на вкус, он хотел большего. Он хотел обладать ею, взять ее и пометить как свою собственность. Он хотел не спеша насладиться ее объятиями, узнать, какова она на ощупь, ощутить запах ее кожи.

Тело его напряглось от страстного желания, и ему пришлось призвать на помощь всю свою волю, чтобы побороть его.

Явно сочувствуя ему, она пожала ему пальцы.

- Мне очень жаль, что вас разлучили с братом. Уверена, что вы его найдете. - Она отобрала у него свою руку. - Я задала так много вопросов... не считите это праздным любопытством. - Она вдруг повеселела. - Ну что ж, теперь ваша очередь задать мне парочку вопросов.

Все еще погруженный в свои мысли, он попытался успокоиться. Она держала его за руку, прикасаясь к нему из самых невинных побуждений, а он погрузился в пучину похоти.

- Я... я... есть одна вещь, о которой я хотел бы спросить, миссис Тистлуэйт... Пруденс. - Он взглянул на нее с самым серьезным видом. - Какой ваш любимый цвет?

Она открыла рот. Потом закрыла его. Задав ему вопросы личного характера, она была уверена, что он задаст ей такие же. Но...

- Мой любимый цвет? Красный.

- Я так и думал, - с удовлетворенным видом сказал он. Она скорчила гримасу, чувствуя себя несколько обманутой.

- И все?

- Можно задать еще вопрос? Она кивнула.

- Почему вы решили приехать в Девон, а не куда-нибудь в другое место?

Помимо воли, ее взгляд скользнул к окну, к морю, бушевавшему внизу.

- Ясно, - с одобрением сказал он потеплевшим голосом.

- Я с детства любила море. Почему-то оно тянуло меня к себе. - Она наморщила носик. - Но я не могу ходить под парусом, потому что страдаю морской болезнью.

- Не на том судне вы плавали.

- Я плавала на трех. Все они были разные, и на всех у меня случался приступ морской болезни.

- Но вы никогда не плавали на «Виктории».

- На «Виктории»? На флагманском корабле Нельсона?

- На моем корабле, - с гордостью сказал он.

Она улыбнулась.

- Ладно, на вашем корабле. Не на том ли корабле... - Она взглянула на его ногу.

- Да. - Он положил салфетку на стол и встал. - Идемте. Взгляните на «Викторию» сами.

- Взглянуть? Разве она здесь?

- В некотором смысле да. - Взяв Пруденс за руку, он помог ей встать и повел ее к дальней стене. На висевшей там картине было изображено изящное парусное судно, борющееся со штормовыми волнами.

Она вспомнила, как любовалась картиной, когда оказалась здесь впервые.

- Так, значит, это и есть «Виктория»?

Он кивнул и сжал ее руку.

- Нельсон лично преподнес мне эту картину после того, как я получил командование кораблем.

Пруденс попыталась высказать восхищение картиной, но все ее мысли сосредоточились на руке Тристана. Она с одобрением заметила, какие у него по-мужски крупные руки. Большие, загорелые и мозолистые. В одной его руке без труда помещались обе ее руки. По непонятной причине при виде этого ее охватила дрожь возбуждения.

Что за глупость! Она попробовала прогнать из головы смехотворные мысли, а он тем временем повернулся к ней лицом и оказался совсем близко. Если откинуть назад голову и чуть приподняться, то можно прикоснуться к его губам. Ей хотелось поцеловать его. А если уж быть до конца честной, то ей хотелось не только поцелуев, но и гораздо большего.

Пруденс закрыла глаза и отступила на шаг - подальше от соблазна. Однако при этом она задела каблуком трость герцога и, чуть не упав, покачнулась. Он немедленно протянул руки и

удержал ее. В мгновение ока Пруденс оказалась прижатой к широкой груди герцога, ее груди были буквально приплюснуты к его камзолу, а лицо повернуто к его лицу.

Кожа у него загорела на солнце, щеки и подбородок покрыла грубая щетина, к которой так и тянуло прикоснуться. Она остро ощутила тепло его руки на своей талии, его силу, а также тот факт, что стоит ей приподнять лицо, как она прикоснется губами к его губам...

Он медленно отпустил ее, позволив соскользнуть вниз по его телу. Удары сердца Пруденс отдавались у нее в ушах. Все тело аж стонало от желания. Господи, как же она его хотела! Хотела так сильно, что почти ощущала его поцелуй с привкусом чая, прикосновение его заросшего щетиной подбородка к своей обнаженной коже.

Хотя он позволил ее ногам встать на пол, отпускать ее из объятий он, похоже, не собирался. Пруденс понимала, что ей надо бы отодвинуться, но ощущение мужской руки на ее талии так успокаивало, было таким правильным, что она осталась на месте, смакуя этот момент. Момент, который должен был скоро пройти.

- Наверное, мне не следует отпускать вас, - пробормотал он низким горячим шепотом.

Она закрыла глаза, впитывая в себя ощущения, запахи. Свежий запах моря от его камзола, запах крахмала от белоснежной сорочки.

- Наверное, следовало бы, - неуверенно произнесла она.

- Джентльмен отпустил бы.

Чтобы ответить, ей пришлось облизнуть пересохшие губы.

- Наверное, джентльмен так бы и сделал, - согласилась она.

Ни тот ни другая не пошевелились. Она чувствовала, как поднимается и опускается его грудь, и подстроилась к ритму его дыхания. Грудь у нее напряглась, соски затвердели. У нее было такое ощущение, будто ее сбilo с ног отливом и неумолимо поволокло в темноту водоворота. Но ей нужно удержаться. Нужно.

- Пруденс... - Его дыхание пошевелило ее волосы, а губы прикоснулись к виску. - Пруденс, мы должны...

Она поцеловала его, удовлетворив страстное желание, с которым пыталась бороться с тех пор, как впервые пересеклись дороги ее и герцога. Она уже так давно не позволяла себе пойти на поводу у желания, так давно не давала воли чувствам, что теперь они угрожали одолеть ее.

Тристан отреагировал немедленно. Его губы по-хозяйски завладели ее губами, и он прижал ее к себе. Она и сама не знала, каким образом ему удалось, ни разу не запнувшись, довести ее до ближайшего кресла.

Пруденс хотела было спросить, не ушибся ли он, но забыла слова, когда губы Тристана ущипнули ее за мочку уха, отчего по всему телу прошла дрожь.

Уткнувшись лицом в его шею, она еще крепче обвила его руками. Его руки скользнули с талии вниз по бедрам. Сквозь ткань утреннего платья она ощущала каждый нюанс этого прикосновения. Оба они прерывисто дышали. Пруденс охнула, когда рука, приподняв подол юбки и обхватив лодыжку, усадила ее поглубже на колени. Она ощутила под собой

пребывающий в полной боевой готовности член, твердый и напряженный, и почувствовала нетерпение в его поцелуях и прикосновениях.

Осмелев от всего этого, она провела пальцами по его груди и развязала галстук, чтобы добраться до кожи.

Он поднял голову и, ругнувшись, пробормотал:

- Слишком много одежды.

На губах Пруденс появилась дрожащая улыбка. Он был такой милый, взъерошенный и растрепанный; глаза его потемнели от страсти, а напряженный член только и ждал дальнейших действий. Пруденс, лежа в ту ночь в собственной кровати и глядя в потолок, так и не смогла понять, что за бес в нее вселился в тот момент, что за дух распутства ее одолел.

Она выпрямилась и, не сводя взгляда с Тристана, стала развязывать ленточку у ворота платья.

Помедлила. Это был тот момент, когда еще можно было повернуть назад. Однако в глубине души она знала, что все, что происходит, правильно и сейчас ее место с ним, с Тристаном. Пусть судьбой им не предназначено навсегда остаться вместе – они шли по жизни каждый своей дорогой, – однако в тот момент ее место было в его объятиях, а все остальное не имело значения.

Его дыхание участилось, губы раскрылись. Он не мог отвести от нее взгляд, и она поняла, что он стал ее рабом. Это было пьянящее ощущение. Давненько она не вызывала у мужчины такого взгляда и теперь упивалась своей властью. От этого ее желание усилилось еще больше.

Тристан наблюдал, как она медленно спускает платье с плеч до талии.

Он застонал. Взгляд скользнул по ней, задержавшись на округлостях груди, отчетливо просматривающихся под тонкой тканью сорочки.

Он подумал, что никогда в жизни ничего более прекрасного не видел. Она сидела у него на коленях в гордой наготе, не считая капельки кружев и шелка. Сорочка, конечно, прикрывала ее груди, но она так плотно их облегла, что его воспаленное воображение без труда домысливало все остальное. Кружево возле горла лишь подчеркивало изящную линию шеи и плеч. Между грудями, на центральном шве сорочки был вышит розовый крошечный бутончик.

Он едва удержался, чтобы не овладеть ею немедленно. Однако, несмотря на нетерпение, он смаковал то, что видит, смаковал мгновение. Она отдавалась полностью и безоговорочно. Но он знал, что не должен принимать этот дар. Настоящий джентльмен остановил бы себя. Настоящий джентльмен...

Она провела кончиком языка по нижней губе.

- Я не могу... - простонал Тристан.

Она наклонилась вперед, и сорочка соскользнула с груди. Его взору предстали округлые груди, он мог не просто видеть, но попробовать на вкус их соблазнительные напряженные соски.

Пруденс, прижав руку к его щеке, посмотрела ему прямо в глаза.

- Пожалуйста.

Она произнесла единственное слово. Настоящий джентльмен исполняет просьбу леди, не заставляя ее ждать.

Прошептав ее имя, Тристан прижал ее к себе и принялся целовать. Она вдруг встала, высвободившись из его объятий, и платье упало на пол. Их разделяли теперь только сорочка и чулки. Тот момент, когда она сбросила с ног туфельки, он даже не заметил.

Он сделал глубокий вдох, пожирая ее взглядом. Потом, так же внезапно, она опустилась на колени и, закинув руки за голову, стала медленно вынимать из прически шпильки. Несколько секунд спустя волосы упали вниз, окутав ее, словно морские волны.

Сердце у Тристана так заколотилось, что ему показалось, будто оно готово остановиться. В течение многих недель он именно такой видел ее во сне. Только об этом он и мечтал. Она была такая неистовая и свежая, как море после сильного шторма. И на какое-то мгновение она принадлежала ему. Ему, и никому больше.

Она прикоснулась к его сапогу.

- Ты тоже должен раздеться.

Он схватил ее за запястье.

- Позволь, я сам.

Ее потемневшие карие глаза медленно оглядели его, с одобрением задерживаясь то там, то здесь. Он не отодвинулся, когда она протянула руку и осторожно провела пальцем вдоль толстого белого шрама, тянувшегося от колена до щиколотки.

- Сожалею, - сказала она, взглянув ему в лицо.

Зато он не сожалел. В этот момент он не сожалел ни о чем. Взяв за руки, он поставил ее и прижал к себе.

- Мне, черт возьми, безразлично все, кроме тебя.

Она стояла перед ним такая красивая, и пламя камина, отражаясь в волосах, словно пронизывало их золотыми нитями. Запустив руки в их шелковистую массу, он притянул к себе ее губы.

Ее сорочка давно соскользнула на пол, и они каким-то образом очутились на диване, подушки которого приподнимали к нему ее бедра. Тристан вторгся в ее тело с таким неистовством, как будто никогда в жизни не бывал с женщиной. Как будто до этой секунды он вообще не жил. Как будто все его великолепные дни, проведенные в море, слились в этот единственный, ни с чем не сравнимый момент.

Пруденс, лежа под ним, дрожала и постанывала, нетерпеливо ухватив его за плечи. Она двигалась со страстью и пылом женщины, которая любит заниматься любовью. Ее бедра прижимались к его бедрам, она ловила ртом воздух всякий раз, когда он делал рывок.

Темп ускорился, и несколько мгновений спустя Пруденс, хрипло прошептав его имя, крепко обхватила Тристана ногами, достигнув кульминации наслаждения. Ее страстная реакция доконала его. Стиснув зубы, он старался сдержать свой стремительный натиск, но горячая волна страсти смела все преграды.

Тяжело дыша, они лежали, выбившись из сил. Тристан не мог бы сказать, сколько времени они находились в объятиях друг друга, но, в конце концов, Пруденс пошевелилась под ним. Тристан немедленно приподнялся на локтях.

Она одарила его улыбкой.

- Я назвала бы это блестящим исполнением.

Он усмехнулся:

- У меня это получилось не вполне по-джентльменски.

Продолжая улыбаться, она сказала абсолютно серьезно:

- В некоторых случаях надо поступать по-джентльменски, но бывают моменты, когда предпочтительнее быть пиратом.

Он расхохотался и поцеловал ее.

- Вы, миледи, просто прелесть.

Глаза ее затуманились. Он не хотел выпускать ее из объятий, но она встала и торопливо собрала свою одежду. Тристан вопросительно приподнял бровь.

- Что случилось, милая?

Пруденс вытерла сорочкой бедра. В голове у нее царил полный кавардак. Она не рассчитывала, что это произойдет, но, если уж говорить совсем откровенно, не жалела о происшедшем. Все шло именно так, как она себе представляла. Она сожалела лишь о том, что этот момент близости – единственное, что у них есть, а дальше все вернется на круги своя. Так должно быть.

Каким бы ни стал теперь герцог, он всегда останется немножко пиратом. Она видела это во всем, что он делал и говорил. Даже когда он изучал основы поведения в обществе, была в нем этакая с трудом скрываемая необузданность. Он был не из тех мужчин, за которых следует выходить замуж. Он был мужчиной, которого, полюбив, следовало как можно скорее покинуть. Эти мысли причиняли ей несказанные страдания.

Она оделась. Он наблюдал, но сам не проявлял ни малейшего намерения одеться. Мгновение спустя она вздохнула.

- Тристан, прошу тебя. Ты должен одеться. Кто-нибудь может войти.

- Меня это не волнует. Пруденс, я чем-нибудь обидел тебя?

Она заметила неподдельную тревогу в его взгляде.

- Разумеется, нет! Просто... это не должно повториться. Предполагается, что я должна обучать вас правилам поведения, а не... этому.

Его смех заставил ее замолчать. На мгновение она возмутилась, что он с такой небрежностью относится к ее тревогам.

- Пруденс, не смотри на меня так! Я думал о тебе много дней... нет, много недель! Я мечтал об

этом. – Его губы сложились в неотразимую кривую улыбку. – Все оказалось даже лучше, чем в мечтах, а это о многом говорит.

Она закусила губу, стараясь унять сердечный трепет. Значит, только это между ними и было? Исполнение мечты? Она принялась закалывать шпильками волосы, удивляясь, что чувствует какое-то разочарование. А чего она ожидала?

Тристан никогда не давал ей понять, что, кроме обоюдного наслаждения, их отношения означали что-то большее, однако почему-то для нее – и только для нее – они были чем-то значительным. Гораздо более значительным.

Она направилась в другой конец комнаты, и каждый ее шаг был победой силы воли над желанием. Стук ее каблуков звучал так, как будто заколачивали гвоздями крышку гроба, в котором хоронили то, что могло бы быть. Она подошла к окну и сделала вид, что любуется заливом.

– Я так люблю море, – сказала она, стараясь чем-нибудь нарушить молчание.

Она слышала, как за ее спиной он вздохнул и, одеваясь, зашуршал одеждой. Потребовалось напрячь всю силу воли, чтобы не подбежать к нему и не броситься в его объятия. Она знала, что его так же сильно тянет к ней, как и ее к нему. Она видела это по его взгляду, по учащенному дыханию, по пламени страсти в его глазах.

Но они не могли поддаваться этому страстному влечению. У них нет будущего. Он не из тех мужчин, за которых, влюбившись, выходят замуж. Вот Филипп был таким мужчиной. Спокойный, рассудительный, практичный – ни одно из этих определений не подходило для характеристики герцога. У них с Тристаном не было даже общего интереса или убеждений – вообще ничего. Их связывала только страсть.

Она сделала глубокий вдох и повернулась.

– Милорд... Тристан... сожалею, но мы не должны...

Дверь распахнулась, в комнату влетел Стивенс, держа в одной руке серебряный поднос, в центре которого лежало письмо.

– Доброго здоровья, капитан... я хотел сказать, милорд! Вам письмо!

Тристан нахмурился. Он посмотрел в глаза Пруденс и, повернувшись, протянул за письмом руку.

Стивенс подбежал к нему, протягивая поднос, на котором скользило из стороны в сторону письмо.

– Пришло всего минуту назад.

Тристан подхватил письмо, которое чуть не соскользнуло с подноса. С угла конверта капала вода.

– Я пока еще не очень хорошо управляюсь с подносами, милорд, – доверительным тоном сказал Стивенс. – Утром, когда приносил чайник, я пролил на поднос немного чаю.

– В следующий раз вытри поднос, прежде чем снова использовать его.

- И для этого испачкать полотенце? - возмущенно воскликнул Стивенс.

Тристан покачал головой и осторожно вскрыл письмо. Он поднес его к свету.

- Чернила расплылись. Трудно прочесть... - Он прищурился. - Проклятие!

Стивенс, заглядывая через плечо Тристана, попытался прочесть письмо сам.

Входивший в комнату Ривс остановился, увидев Стивенса.

- Это письмо, - с гордостью сказал первый помощник, то бишь дворецкий. - Я нес его от самой входной двери на серебряном подносе, как вы учили!

- Все это хорошо, мистер Стивенс. Однако с вашей стороны крайне непочтительно читать через плечо личную корреспонденцию его светлости. Там может быть написано то, что касается только его.

Стивенс приуныл.

- Значит, мне вообще нельзя читать никакую его корреспонденцию?

- Именно так. Как ни печально, это одно из правил, которые должен соблюдать хороший дворецкий.

Стивенс вздохнул.

- Быть плохим дворецким значительно интереснее.

Тристан выругался себе под нос.

- Тысяча чертей! Это от попечителей. Они приезжают на следующей неделе.

Пруденс всплеснула руками.

- Так скоро?

Тристан мрачно кивнул:

- Думаю, что им не терпится завершить эту эпопею. Они будут здесь в следующий четверг.

- В четверг? - Пруденс прижала руку ко лбу. - Но это слишком рано!

Ривс поморщился.

- Нам придется закончить подготовку несколько раньше, чем мы предполагали. - Он посмотрел на Тристана: - Милорд, я случайно встретился в городе со сквайром Томасом. Вы, кажется, с ним знакомы.

- Именно так. Он не раз приглашал меня к себе в гости, хотя я так у него и не побывал. Мне подобные глупости ни к чему.

- Но именно такого рода глупость нам нужна сейчас. Я постарался сделать так, чтобы этот сквайр узнал о ваших изменившихся обстоятельствах, и он немедленно потребовал, чтобы вы присутствовали на небольшом званом обеде, который состоится в начале следующей недели. -

Ривс бросил взгляд на Пруденс. – Мы говорили о том, что следовало бы попробовать что-нибудь в этом роде, хотя я и понятия не имел, что это потребуется так быстро.

Пруденс кивнула, изо всех сил стараясь выглядеть уверенной в себе, хотя все ее мысли были заняты собственным нарушением всех правил приличия.

– Да. Званный обед обеспечил бы герцогу отличную практику.

– Мне не нужна практика, – заявил Тристан, нахмутив лоб.

Ривс вздохнул:

– Милорд, чем лучше вы освоитесь с вашим новым положением, тем увереннее будете чувствовать себя с попечителями. Я настоятельно рекомендую вам принять приглашение.

Тристан взглянул на Пруденс:

– А вы?

– При чем тут я? – спросила она.

– Вы тоже там будете?

– Приглашение не распространяется на миссис Тистлуэйт, – произнес Ривс.

– Если она не пойдет, то и я не пойду, – заявил Тристан. – Она репетировала со мной весь этот спектакль. Без нее я туда не пойду. Мне может потребоваться ее совет, если я вдруг окажусь в затруднительном положении.

– Но я не приглашена! Ривс, объясните ему положение дел!

Дворецкий внимательно посмотрел на Тристана.

– Возможно, его светлость прав. Позвольте мне подумать, как исправить это досадное упущение. – Он встретился с удивленным взглядом Пруденс. – Действительно, было бы хорошо, если бы вы находились рядом с ним, мадам.

Тристан сложил на груди руки и прислонился к письменному столу. Он выглядел значительно красивее и мужественнее, чем требовалось для ее спокойствия.

– Вот видите. Значит, мы поедем на званный обед вместе – вы и я. – Он посмотрел на нее многообещающим взглядом. – Мы оба хорошо проведем время. Очень хорошо проведем время, не сомневайтесь.

Именно этого Пруденс и боялась.

Глава 14

Светские рауты являются проверкой эффективности вашей работы. Подобающим ли образом выглядит ваш хозяин? Хорошо ли начищены кожаные аксессуары? Нет ли пятен на бархате? Хорошо ли наглажено его белье? О нас судят именно по таким мелочам.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

В день званого обеда Пруденс прибыла в дом капитана ровно в семь. Уже стемнело. Где-то вдали погромыхивал гром, и время от времени небо прочерчивали зигзаги молний. Остановившись на лестнице, она оглянулась, чтобы полюбоваться на живописное зрелище: блестящие золотые вилки молний вонзались в черные воды моря.

Пруденс любила штормовую погоду. Когда она впервые приехала в Девон, измученная улаживанием множества трудных проблем, оставшихся после смерти Филиппа, и хлопотами, связанными с похоронами, погода произвела на нее гнетущее впечатление. Небо было хмурым и серым под стать ее настроению. Но мало-помалу это изменилось.

Теперь ей нравились и порывистые ветры, и дождь, хлещущий в лицо. Буйство природы напоминало ей о том, что она жива. Как и герцог. Удивившись тому, что в голову лезет такая чепуха, она плотнее закуталась в плащ и подставила лицо влажному ветру.

Он, конечно, освежал и бодрил, но был очень холодным. Хорошо, что герцог послал за ней экипаж, иначе ей едва ли было бы приятно любоваться красотами морского пейзажа. Вздохнув, она повернулась и постучала в дверь.

Стивенс открыл почти немедленно.

- А вот и вы, мадам! Я вас ждал.

Он помог ей снять плащ и отступил на шаг, увидев вечернее платье.

- Ух ты! Вы разодеты в пух и прах, мадам!

У Пруденс вспыхнули щеки, она смущенно разгладила руками шелк. По правде говоря, оно принадлежало матери, и было ее самым лучшим платьем. Пруденс даже удивилась, когда мать принесла платье в ее комнату.

Платье было из блестящего голубого шелка, покрытого белой сеткой. Его украшали голубые и белые розочки с крошечными зелеными листочками. Рукава доходили до локтя, и каждый был перехвачен белой ленточкой.

Платье было великолепное, хотя декольте более глубокое, чем обычно носила Пруденс. Глубокий вырез был украшен по краю тонкой полоской белого кружева, которое скорее привлекало к декольте взгляд, чем скрывало его глубину.

Она хотела пришить вдоль выреза более широкую полоску кружева, но мать отменила все ее попытки, напомнив, что Пруденс вдова, а не юная дебютантка.

Пруденс нахмурила лоб, взглянув на свое отражение в зеркале, висевшем в прихожей. Возможно, мать права. Хотя Пруденс был всего тридцать один год, в этом возрасте уже давно миновала пора девичьей застенчивости и ложной скромности. Надо было научиться наслаждаться теми немногими плюсами, которые имелись у зрелого возраста.

- Вы похожи на фрегат на зеркальной поверхности моря при полной луне, - заявил Стивенс, с неприкрытым восхищением окидывая ее взглядом с головы до ног. - Капитан обрадуется, когда увидит вас такой нарядной. - Новоиспеченный дворецкий аккуратно повесил на вешалку ее плащ.

- Спасибо, Стивенс. Где герцог?

- В своей комнате. Ривс помогает ему одеваться. Капитан - то есть герцог - и сам выглядит словно адмиральский катер. - Стивенс повел ее по коридору. - Капитан - то есть герцог - немного расстроен в связи с этой вечеринкой, и я подумал, что вы, может быть, тоже немного расстроены, поэтому я поставил на сервировочный столик графинчик хереса на тот случай, если вам захочется немного взбодриться.

- Спасибо, Стивенс. Немного хереса сейчас совсем не помешает.

Стивенс гордо выпятил грудь и, открыв дверь в библиотеку, отступил в сторону.

Пруденс заметила, как сильно изменились в лучшую сторону манеры Стивенса по сравнению с тем днем, когда она вновь пришла поговорить с капитаном относительно овец. Забавно, что овцы перестали перепрыгивать через забор, как только она начала занятия с герцогом. Это, конечно, странно, но...

- Вот он, херес! Я и сам его попробовал, но для меня он слишком сладок. - Стивенс наполнил для нее стаканчик. - Капитан - то есть герцог - спустился вниз, как только мистер Ривс убедил его надеть алый жилет.

Пруденс приняла стакан из рук новоиспеченного дворецкого.

- Алый?

- Мне этот цвет кажется алым и капитану - то есть герцогу - тоже, хотя Ривс упорно называет его каким-то рыжевато-красным или вроде того. Все равно название отвратительное, хотя в этом случае оно кажется вполне уместным.

Пруденс даже поперхнулась хересом.

- Может быть, цвет называется красновато-коричневым?

- Вот-вот! Оно самое! Но, по-моему, как его ни называй, алый останется алым, а это неподходящий цвет для одежды мужчины, особенно такого, как капитан. Это все равно, что кастрировать чистокровного жеребца. - Стивенс расправил плечи. - Надо пойти посмотреть, не нужна ли моя помощь Ривсу. Могу ли я что-нибудь еще сделать для вас, прежде чем уйти?

Пруденс покачала головой и улыбнулась:

- Ты стал настоящим дворецким. Даже говоришь, как Ривс.

Стивенс засиял от удовольствия:

- Вы так думаете? Он учит меня все делать правильно, хотя иногда бывает трудно смириться с тем, что ты ничего не умеешь делать как следует.

- Я согласна с тобой, - пробормотала Пруденс, взглянув на каминные часы. - Надеюсь, герцог не слишком задержится. Как бы нам не опоздать.

Стивенс поднял руку.

- Не бойтесь! Я его потороплю. Подождите и увидите капитана в новой одежде; при виде его все люди задрожат от возбуждения. - По-видимому, эта мысль очень понравилась Стивенсу, потому что он добавил: - Возможно, на вечеринке у сквайра капитан найдет женщину, на которой женится.

Пруденс почувствовала раздражение.

- Мы едем на обед не для того, чтобы искать жену для его светлости.

- Почему бы и нет? У него теперь есть титул, не так ли? И деньги будут, если ему удастся обвести вокруг пальца этих попечителей. Почему бы ему не жениться? Ведь нужно, чтобы кто-нибудь помог ему тратить эти деньги.

Пруденс знала тысячу доводов против этого, но не могла облечь их в словесную форму. К счастью, Стивенс вдруг вспомнил, что он, когда прибыла Пруденс, шел за булавкой для Ривса. Торопливо поклонившись, он выскочил из комнаты, оставив ее наедине со своими мыслями.

Пруденс сделала еще глоток хереса. Стивенс прав. Возможно, Тристану пора подумать о том, чтобы найти хорошую женщину и жениться на ней. Как только она закончит шлифовать шероховатости его поведения... Она замерла, представив себе, как герцог улыбается другой женщине. Как герцог обнимает другую женщину. Как герцог целует другую женщину так же, как целовал ее...

- О нет! - сердито воскликнула она и, резко повернувшись, посмотрела на дверь.

Сердце у нее колотилось так сильно, что удары отдавались в висках. Которая из местных женщин пожелала бы привлечь к себе внимание герцога? Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы сообразить: все до одной!

Прежде всего, он герцог, напомнила она себе. А скоро, возможно, станет богатым герцогом. Богатый герцог с потрясающе красивыми зелеными глазами и очаровательной кривой ухмылкой, от которой замирает сердце. Вопрос заключается не в том, кого заинтересует герцог, а скорее в том, кого он не заинтересует.

Пруденс принялась мысленно перебирать всех женщин, которые будут присутствовать на обеде. Во-первых, конечно, миссис Рид. Молодая вдова усердно обхаживает его преподобие отца Олджторпа, хотя тот решительно отказывается поощрять ее усилия.

Пруденс была уверена, что мерзкая вдова с готовностью перестроится и возьмет на мушку Тристана. Пруденс презрительно фыркнула. Жаль, что эта влиятельная особа, видимо, даже не подозревает, что нос у нее в несколько раз больше, чем ему следовало бы быть.

Дальше следует мисс Симпсон, чей папаша является местным магистратом. Ее считают красивой девушкой, но, по мнению Пруденс, у нее непростительно властный характер. Едва ли Тристана заинтересует такая девушка, пусть даже ее отец является самым богатым человеком во всей округе.

Пруденс вспоминались имена других подходящих женщин.

Нахмутив лоб, она налила себе еще один стаканчик хереса.

* * *

Ривс отступил на шаг и окинул взглядом с головы до ног творение своих рук.

- Милорд, вы выглядите, как подобает джентльмену. Тристан, стиснув зубы, вытерпел осмотр. Он чувствовал себя как корабль, у которого вышел из строя руль и который плывет по воле волн, брошенный на произвол судьбы. Ривс одобритительно кивнул:

- Вы выглядите хорошо, милорд. Очень хорошо.
- Я не надену этот жилет.
- Вы уже надели его, – мягко напомнил Ривс. – И он не алый, а красновато-коричневый.
- Было бы уместно назвать его «отвратительным». – Тристан повернулся, чтобы взять брелок для часов, и неожиданно увидел свое отражение в зеркале: высокий, широкоплечий, волосы аккуратно стянуты на затылке, черный фрак сидит на нем как влитой. Цветовыми пятнами служат красновато-коричневый жилет и рубин, сверкающий на булавке его галстука.

Ривс подошел и встал за его спиной.

- Вы выглядите совсем как он.

Руки Тристана сжались в кулаки.

- Я не горжусь этим сходством.
- А возможно, следовало бы гордиться. Как жаль, что мы не радуемся тому хорошему, которое иногда получается из плохого.

Тристан встретился с Ривсом взглядом в зеркале.

- Тем более жаль, когда ничего хорошего не получается.

Ривс скривил губы.

- Боюсь, я должен не согласиться с вами, милорд. Старый герцог оставил вам титул и деньги, хотя у него имелись другие варианты. Он мог узаконить одного из своих других родственников и назвать другого наследника.
- Вы правы. Я должен быть благодарен. И я благодарен. Только не ему. – Тристан снова посмотрел в зеркало, заглянув в глубину своих зеленых глаз. – От Кристиана по-прежнему нет никаких вестей?
- Нет, милорд. Мы лишь можем надеяться, что он приведет в порядок дела, чтобы получить возможность занять свое положение без... – Ривс закусил губу.

Тристан повернулся к дворецкому:

- Без чего?
- Бывают моменты, когда человеку следует оставить свое прошлое в прошлом.
- Что, черт возьми, это значит?
- Пусть мистер Кристиан сам вам об этом расскажет.

Тристан разочарованно взглянул на дворецкого:

- Временами вы бываете чертовски скрытным.
- Мне говорили об этом.

- Это не комплимент.

- Я это знаю, милорд. - Дворецкий вздохнул. - Интересно, сколько лет было мистеру Кристиану, когда вы в последний раз виделись с ним?

- Нам было по десять лет.

- Значит, с тех пор прошло более двадцати лет. Возможно, он сильно изменился.

- Я узнал бы его где угодно.

- При правильном освещении и в надлежащих условиях вы, я думаю, действительно смогли бы узнать.

- Что, черт возьми, все это означает?

- Ничего. Только было бы, наверное, неплохо понять, что того брата, которого вы знали, больше не существует.

Мысль эта, по меньшей мере, вызывала тревогу. Тристан взял трость.

- Что бы там ни было, а я хочу, чтобы он вернулся в мою жизнь.

Ривс поклонился.

- Я сообщу вам, как только получу от него весточку, милорд.

В дверь постучали.

Ривс открыл дверь. На пороге стоял Стивенс. Он страшно обрадовался, увидев Ривса.

- Подумать только! Я постучал, и кто-то действительно открыл мне дверь!

- Потрясающе, не так ли? - сказал Ривс, закрывая дверь.

- Святые угодники, капитан! - Стивенс покачал головой. - Не хватает только, чтобы вы начали носить юбки и бантики в волосах!

Тристан удивленно приподнял брови. Стивенс покраснел.

- Я не это имел в виду, милорд. У меня просто с языка сорвалось. Ведь я знаю, что никаких юбок и бантиков вы никогда не наденете, я просто имел в виду...

- Я знаю, что ты имел в виду, - проворчал Тристан.

Стивенс вздохнул.

- Я еще в себя не пришел после того, как проводил миссис Тистлуэйт в библиотеку. Она выглядит как картинка!

- Миссис Тистлуэйт всегда выглядит как картинка.

Что правда, то правда. Даже с покрасневшим от холода носом, со встрепанными ветром волосами и в помявшейся во время пешей прогулки от своего дома одежде она умудрялась выглядеть восхитительно.

- Это верно. Она настоящая красавица, - согласился Стивенс. - Но сегодня она выглядит как знатная леди. Попомните мои слова: вы с ног собьетесь, отгоняя от нее женихов, которые будут липнуть к ней во время танцев!

Тристан нахмурился.

- Женихов? - Он вопросительно взглянул на Ривса.

Дворецкий кивнул:

- Это, кстати, одна из целей званого обеда с танцами. Общество предоставляет возможность познакомиться тем, кто подыскивает себе жену... или мужа.

Тристану все это совсем не понравилось. Он подумал, что там, возможно, будет присутствовать и доктор, который станет суетиться вокруг Пруденс и чертовски его раздражать.

- Кто бы там ни присутствовал, им лучше оставить Пруденс в покое.

Обдумав его слова, Ривс сказал:

- Конечно, если только она сама того пожелает. А если не пожелает, то вы, откровенно говоря, не имеете права вмешиваться.

- Вмешиваться? Я буду защищать ее!

- Миссис Тистлуэйт не дитя, милорд. Если она не обратится к вам за помощью, вы ничего не сможете сделать. Надеюсь лишь, что она найдет человека, который сделает ее счастливой. Она такая милая женщина.

К еще большему раздражению Тристана, Стивенс закивал:

- Да уж, все при ней, не сомневайтесь. Уверен, что немало джентльменов хотели бы...

- Хватит! - рявкнул Тристан, сердито глянув на Стивенса и Ривса. - Я не желаю больше слышать ни слова.

Ривс поклонился:

- Как пожелаете, милорд.

Нахмутив брови, Тристан вышел из комнаты и спустился вниз по лестнице. Тысяча чертей! Что имел в виду Стивенс, высказав предположение, что Пруденс, возможно, не будет возражать против флирта? Она была не такого рода женщиной. Он вспомнил ее в своей библиотеке: волосы распущены, губы припухли от его поцелуев... Ну что ж, возможно, она была такого рода женщиной, но только с ним, черт побери! Он глянул вниз и разозлился, обнаружив эрекцию при одном воспоминании о прикосновении к ней.

Она была его женщиной. Его - и ничьей больше, пока он не решит порвать с ней или она - с ним. И он не позволит никому обсуждать эту тему. И если какой-нибудь пьяный болван вздумает взять Пруденс на бордаж, Тристан быстренько охладит пыл наглеца, возможно, даже с помощью пистолета. Хорошо, что Стивенс упомянул о такой возможности, иначе Тристан мог бы попасть впросак, как будто его застали заснувшим у штурвала.

Он прошел по узкому коридору, в конце которого из двери библиотеки виднелся свет, как маяк

на темном берегу. Всего меньше месяца назад он тихо и мирно жил здесь, и только забота о своих людях заставляла его подниматься с постели. А теперь он стал отчетливее видеть окружающий мир, появилась какая-то надежда...

Тристан остановился перед входом и взглянул вниз на свою одежду. Ткань, из которой сшит фрак, была мягче, чем его привычная одежда, хотя облегала тело плотнее. Он в сотый раз поправил галстук и, засунув палец за воротник, несколько ослабил узел, сознавая, что это привело бы в ужас Ривса.

Ему казалось, что папаша готов из своей могилы достать его. Но это ему не удастся: Тристан крепкий орешек. Он не позволит каким-то физическим неудобствам нарушить его планы. Он поможет своим людям и создаст настоящий дом для моряков, а тогда уж забудет обо всем остальном.

Ему нужно получить деньги, и тогда он освободится от участия в этой глупой комедии. И будет самим собой. А Пруденс будет принадлежать ему.

С этой мыслью он вошел в библиотеку и замер на месте. Перед камином стояла Пруденс. Она была в каком-то голубом с белым платье, но внимание его привлекло не оно.

Его внимание привлекло то, что яркое пламя камина обрисовывало контуры тела Пруденс сквозь тонкий шелк платья. Он видел соблазнительный изгиб ее бедер, линию ее длинных ног.

Она была так хороша, что захватывало дух, а в паху при виде ее буквально вспыхнуло пламя.

- А-а, милорд, вот и вы.

Звук ее голоса вывел его из задумчивости.

Он шагнул вперед, с трудом подавляя желание схватить ее в охапку и унести в свою комнату. Он бы так и сделал, если бы был самим собой, а не исполнителем роли джентльмена.

Неожиданно его осенила страшная мысль. Что, если, ничего не подозревая, Пруденс остановится перед камином на вечеринке у сквайра? И очарует каждого из присутствующих мужчин? Ведь они смогут увидеть ее так, как он видит сейчас? У него зашумело в ушах.

- Вы выглядите отлично, - сказала она.

Тристан с некоторым трудом взял себя в руки.

- Вы тоже. - Он заставил себя оторваться от очертаний ее тела, но, взглянув выше, осознал, какой соблазн представляет ее декольте. Черт побери, кто позволил ей надеть платье с таким рискованным вырезом? Он, конечно, сможет позаботиться о том, чтобы она не стояла перед камином, но как прикрыть плечи и грудь?

Она улыбнулась, пребывая в полном неведении относительно его опасений, и направилась к сервировочному столику, чтобы поставить пустой стакан. Он заметил, что походка ее была не совсем твердой.

Взглянув на почти пустой графин, он чуть было не застонал вслух. Боже милосердный! Ему предстоит сопровождать на вечеринку самую красивую женщину в мире, которая не только слишком оголена, но и навеселе!

- Я не хочу ехать на этот обед!

- Но вы должны. Это наш последний шанс попрактиковаться. - Она подошла к нему и заглянула в глаза. - Не беспокойтесь, я буду с вами весь вечер.

Он взглянул вниз, туда, где ее рука лежала на его рукаве, совсем рядом с соблазнительной округлостью груди, не прикрытой платьем. Тристан накрыл рукой ее руку. Если остаться здесь, то все кончится тем, что он займется с ней любовью. Он знал, что так оно и будет, словно это было написано черным по белому. Может быть, лучше им находиться на людях?

Тристан поцеловал ее пальцы.

- Я глаз с вас не спущу.

- В таком случае - вперед! - С этими словами Пруденс чуть не потащила его к двери. Она была восхитительна и очень сексуальна. - Нас ждут приключения!

Тристан шел за ней, хотя ему страшно не хотелось идти. Ладно, он все-таки пойдет на этот проклятый обед, но уйдет оттуда при первой же возможности, позаботившись о том, чтобы Пруденс ушла вместе с ним.

Он надеялся, что время пролетит незаметно, опасаясь, что в противном случае у него может не хватить терпения.

Глава 15

Всегда с готовностью делитесь своими знаниями, как с простолюдином, так и с аристократом. Семена мудрости могут взойти даже на самой каменистой почве.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Затея с присутствием на званом обеде была обречена на провал. Это стало ясно сразу же, как только они прибыли. Мало того, что добрейший деревенский сквайр оказался моложе, чем помнилось Тристану, но этот мерзавец был к тому же еще и не женат. Чувствуя себя так, как будто Ривс его предал, Тристан старался по возможности спокойно воспринимать ситуацию.

К сожалению, он очень скоро понял, что сама судьба ополчилась против него, потому что красивый молодой сквайр имел наглость с вожделием пялиться на слишком глубокий вырез платья Пруденс, когда Тристан помогал ей снять плащ.

Это никуда не годилось. И хотя Тристан не мог осуждать его как мужчину, это его очень раздражало. К счастью, сквайр перехватил предостерегающий взгляд Тристана и поспешно ретировался в дальний конец комнаты, правда, не удержавшись от нескольких восхищенных взглядов в сторону Пруденс. Тристан уже подумывал о том, чтобы как-нибудь выманить мерзавца из комнаты и подбить ему оба глаза, но впереди ждали еще худшие напасти.

Не успел он провести Пруденс сквозь строй вожделеющих мужчин, как им преградил дорогу доктор Барроу. Молодой доктор был радостно удивлен появлением Пруденс и в течение целых десяти минут делал все возможное, чтобы монополизировать ее внимание. Доктор представлял собой более серьезную угрозу, чем сквайр, потому что как ни старался Тристан, ему никак не удавалось намекнуть доктору, чтобы тот отчалил.

Ну что ж, Тристан в таком случае будет стоять рядом с ней и не отойдет ни на минуту. Этот болван, видимо, поймал наконец один из знаменитых «грозных взглядов» Тристана, которых до смерти боялись даже самые отъявленные из пиратов. Разве мог устоять перед ним этот простачок-доктор?

Тристан подумал, что у доктора, возможно, слабое зрение. Может быть, он поэтому не понимает, что находится в смертельной опасности? Если это так, то, возможно, следует сказать ему парочку слов? Но как это сделать, чтобы не услышала Пруденс?

В течение последних пятнадцати минут он разрабатывал план и к тому времени, когда гостей пригласили к столу, уже знал, как будет действовать. К сожалению, он не знал или забыл, что гостей за столом рассаживают в соответствии с их социальным статусом. На этой иерархической лестнице место герцога находилось на несколько ступеней выше, чем место нетитулованной вдовы, а это означало, что Тристаном немедленно завладела дама с лошадиной физиономией, которая имела наглость буквально толкнуть Пруденс к доктору, а потом, вцепившись пальцами, словно когтями, в локоть Тристана, поволокла его из комнаты.

Такая ситуация Тристана отнюдь не устраивала. Неудивительно, что дворяне вечно вызывают друг друга на дуэли и выясняют отношения другими способами. Правила, которым подчинялось общество, были, по меньшей мере, варварскими, если учесть, что они вынуждали человека сидеть в самом дальнем конце стола, наблюдая, как вокруг его женщины увивается стая голодных волчищ.

Это было уже слишком. Каждый раз, когда Пруденс смеялась, он терзался муками ревности и желания. К тому времени, как мужчины, извинившись, перешли в библиотеку, чтобы насладиться стаканчиком портвейна, Тристан был готов резать глотки, не беря пленных. Однако благодаря тому, что присутствие Пруденс теперь ему не мешало, он мог сделать то, что хотел сделать с самого начала.

Тристан подошел к доктору. Этот презренный тип стоял у камина и с томным видом, недостойным мужчины, потягивал портвейн из большого бокала.

Погруженный в собственные мысли, доктор не заметил приближения Тристана. Наклонившись к его уху, Тристан окликнул его рокошущим басом:

- Доктор!

Доктор Барроу вздрогнул, бокал выскользнул из его руки и разбился о каминную решетку.

Взглянув на осколки стакана, Тристан немного посторонился, когда подбежавший слуга начал их убирать.

Лицо у доктора стало багровым. Окинув смущенным взглядом комнату, он повернулся к Тристану:

- Лорд Рочестер, вы меня испугали.

- Вам не следовало удивляться, - пробормотал Тристан. - Наверняка вы знали, что я подойду к вам. Вы уделяли слишком большое внимание миссис Тистлуэйт. Мне кажется, вам было бы лучше прекратить это.

Доктор поморгал.

- Прекратить? Но я... я никогда...

- «Никогда» - отличное слово. Давайте на нем и остановимся, согласны? - Допив вино, Тристан поставил стакан на каминную полку.

- Милорд! Я должен возразить! Мои отношения с миссис Тистлуэйт...

- Закончены. - Тристан наклонился еще ближе, и его низкий голос приобрел угрожающие нотки. - Однажды я перерезал горло своему конкуренту - капитану другого пиратского судна, который стащил груз, принадлежавший мне. Я перерезал ему горло отсюда, - Тристан нажал пальцем на челюсть доктора под левым ухом, - до сюда. - Его палец скользнул по горлу наглеца и остановился под правым ухом.

Доктор открыл было рот, потом закрыл его.

История, конечно, была выдумкой. Но этот болван ей, кажется, без труда поверил. Его как ветром сдуло.

Мгновение спустя Тристан увидел, как доктор в другом конце комнаты что-то оживленно говорил сквайру, который испуганно поглядывал на Тристана.

Когда джентльмены вновь возвратились к дамам, Тристан улыбался с довольным видом, но его триумф был недолговечен.

Не прошло и пяти минут, как он услышал голос Пруденс.

- Чем это вы тут занимались? - спросила она.

- Я? - удивился он. - Я всего лишь сказал правду. Она нахмурилась и сложила руки под грудью.

- Вы сказали доктору Барроу, что разрежете его от горла до... О чем вы только думали?

Тристан помрачнел. По правде говоря, он вообще не думал. Просто реагировал. Возможно, конечно, он несколько переусердствовал. Но будь он проклят, если признается в этом Пруденс, особенно когда она смотрит на него с таким осуждением.

- Он бестактно вел себя по отношению к вам.

- Откуда вы это взяли?

- Ниоткуда. Я видел собственными глазами.

Она снова сложила под грудью руки, отчего под платьем с глубоким декольте грудь стала еще заметнее.

- Вы видели это собственными глазами? Когда?

- Перед обедом и во время обеда. Он монополизировал ваше внимание. Этот мерзавец не давал мне и слова вставить!

Тяжело дыша, она закрыла глаза. Тристан встревожился:

- Пруденс! С тобой все в порядке?

- Нет. У меня болит голова, и я хочу домой.

- Вот и хорошо! - обрадовался Тристан, но, увидев ее возмущенный взгляд, торопливо добавил:

- Пойду возьму твой плащ.

Они извинились и отбыли - к удовольствию Тристана и к явному облегчению хозяина. Пруденс была напряжена и расстроена, и Тристан мог лишь надеяться, что причиной тому - головная боль.

В экипаже царило молчание. Пруденс, сердито поджав губы, упрямо смотрела в окошко. Тристан наблюдал за ней со своего места в углу. Наверное, ему не следовало принимать столь жесткие меры. Но трудно было удержаться. Доктор чуть не лапал Пруденс. Все остальные, он мог поклясться Нептуном, тоже испытывали его терпение. Тристан был всего лишь человеком, и его терпение было небеспредельным.

Одним словом, если исходить из того, что он мог бы сделать, но не сделал, можно было считать, что с ситуацией он вполне справился.

Пруденс взглянула на него.

- Просто не верится, что ты угрожал бедному доктору Барроу.

- Может быть, тебе невдомек, но этот сукин сын хочет переспать с тобой.

Она покраснела.

- Мы просто разговаривали. Он довольно часто бывает у нас в доме и обожает стряпню миссис Филдингс.

Тристан сложил на груди руки.

- Это не все, что он обожает. Он суется вокруг тебя, с вожделением пялится на тебя. Я никогда не видывал подобного поведения...

- Не видывал? Во всех тавернах, во всех борделях, куда ты частенько заходишь, тебе не приходилось видеть столь непристойного поведения?

- Я не хотел бы, чтобы мое поведение сравнивали с поведением завсегда борделя, - сердито заявил Тристан и замолчал. Боже милосердный, неужели это говорит он? Откуда такое высокомерие? Что с ним случилось?

Пруденс фыркнула.

- Я не стала бы применять двойные стандарты в оценке добра и зла. Я не молоденькая девушка, которую надо спасать. Мне уже за тридцать, и я вполне способна сама позаботиться о себе.

- Этот мужик домогался тебя.

- Нет. Он уделял мне внимание. Это разные вещи, было бы тебе известно. - Она вздернула подбородок. - Но в любом случае это не твое дело. Я сама в состоянии разобраться со своими поклонниками.

Тристану многое хотелось сказать, но он сдержал себя, потому что сейчас все равно было бы

бесполезно. Хотя наверняка герцогам можно делать вещи, которые не дозволены капитанам дальнего плавания.

Но нет. Не будет он думать, как его отец. Существуют правила, и существуют законы. Поскольку Тристан не джентльмен, ему нечего беспокоиться о соблюдении правил. Законы – дело другое. Даже герцог не должен ставить себя выше законов.

Он положил голову на мягкую спинку сиденья экипажа и долго смотрел на Пруденс. Она сидела в противоположном углу, и глаза у нее сверкали гневом.

Она была так... красива. Больше не размышляя, Тристан подхватил ее на руки и посадил на сиденье напротив себя.

- Вот теперь мы можем поговорить.

Она судорожно глотнула воздух.

- Что ты себе позволяешь?

- Я пересаживаю тебя в более приемлемое для разговора положение.

- Для кого приемлемое?

Ему даже удалось улыбнуться.

- Для нас обоих. Я не слышу тебя из противоположного угла.

Она уперлась ладонями в сиденье и отодвинулась еще дальше.

- Я тебя слышу очень хорошо и отсюда. Если бы кто-нибудь из мужчин, присутствовавших сегодня на обеде, обращался со мной так, как сейчас обращаешься ты, то, возможно, это был бы повод для вызова их на дуэль за отвратительное и неуважительное поведение. Но угрожать из-за того лишь, что кто-то сказал любезное слово, – я этого не потерплю. Никогда.

Тристан взъерошил рукой волосы, страдая оттого, что не может объяснить свои чувства.

- Пруденс...

- И еще одно: когда мы на людях, ты не должен называть меня Пруденс. Называй меня миссис Тистлуэйт.

Он уставился на носки своих штиблет. Может быть, он и впрямь перегнул палку? Он вздохнул.

- Я смутил тебя?

- Ужасно!

Он поморщился.

- Извини. Я не хотел. Но мне не нравится, когда другие мужчины неуважительно обращаются с тобой.

- А мне не нравится, когда ты вмешиваешься не в свое дело. Я не являюсь членом твоего экипажа, раненным на войне и нуждающимся в помощи!

Это его разозлило.

- Пруденс, я ведь извинился. Большого я не могу сделать.

- Я не принимаю твои извинения.

- Не принимаешь?

- Нет. - Она отвернулась от него и, отогнув уголок кожаной занавески, закрывавшей окошко, уставилась в ночную тьму.

Проклятие! Он хотел, чтобы их вечер закончился совсем не так. Он обвел ее взглядом, задерживаясь на округлостях груди, прелестных ямочках возле ключиц и изящной линии шеи. Ему не терпелось прикоснуться ко всему этому великолепию, а голова чуточку кружилась от выпитого вина и бренди.

Не отдавая себе отчета в собственных действиях, он снова схватил ее в охапку и решительно пересадил, только на сей раз к себе на колени. Она замерла от неожиданности, потом заявила:

- Ты... ты не посмеешь это сделать!

- Я только что сделал это, - с самодовольным видом сказал он, целуя ее в то местечко, где скулы переходили в линию шеи.

Она тихо охнула, глаза у нее округлились.

- Извини, если нынче вечером я своим поведением смутил тебя, милая, - пробормотал он, уткнувшись ей в шею.

Она заерзала, словно пытаясь освободиться, но он крепко держал ее, а его губы проделывали поцелуями дорожку вдоль скулы и под ухо.

- Милорд. Вы...

- Тристан, - тихо поправил он, нежно покусывая чувствительную мочку ее уха.

Пруденс была зла на него и в отчаянии цеплялась за свой гнев, для которого имелись все основания. Но чувственная дрожь уже пробежала по ее спине, и она, несмотря на все свои благие намерения, поймала себя на том, что приподнимает подбородок, чтобы ему было удобнее продолжать свои манипуляции.

Волны наслаждения пробежали по ее телу, груди напряглись. «Да, нынче вечером он вел себя ужасно, - подумала она, - но ведь он извинился». Ей не следовало забывать о том, что хотя она и Ривс научили герцога правилам приличия, им не удалось сделать из него цивилизованного человека. Он был из тех людей, которые не поддаются цивилизации ни при каких обстоятельствах.

Его губы прошлись по ушной раковине и виску. Дыхание его было теплым и таким приятным. Ее раздражение мало-помалу улеглось. Она чувствовала тепло его рук сквозь тонкий шелк платья, его губы творили с ней чудеса. Ей следовало бы противостоять ему, напомнила она себе. Следовало бы потребовать, чтобы он вновь водворил ее на прежнее место. Но она не могла, потому что предательское тело отказывалось действовать с ней заодно. Способность мыслить здраво быстро покидала ее. Место здравого смысла занял такой мощный поток

эмоций, что она поддалась необузданному чувственному влечению. Если она когда-то надеялась, что, уступив желанию, ей удастся потушить огонь, то она сильно ошибалась. Теперь она хотела его еще больше.

Но какое значение это теперь имело? Нынче вечером он, конечно, вызвал у нее возмущение, но какая-то ее часть была радостно взволнована его вниманием. Если уж говорить правду, то она и сама, видя, как злится Тристан на ее соседей за столом, флиртowała с ними значительно больше, чем обычно.

Как ни странно, она и наслаждалась таким поведением, и презирала себя за это. В этот момент, когда он смотрел на нее с неприкрытым желанием, она чувствовала себя всецельной и даже красивой. Это были редкие эмоции, и она ими дорожила. Но ей не нравилось, что она так сильно реагировала на подобные вещи.

Крупные теплые руки Тристана скользнули по ее спине к талии. Он притянул ее ближе к себе, усадив на твердое утолщение, образовавшееся под брюками. От страстного желания у нее перехватило дыхание. Не может быть, чтобы он решился зайти дальше.

Его другая рука скользнула вниз по ноге и обхватила лодыжку. Крупная мужская рука на ее лодыжке выглядела поразительно эротично, особенно когда она, нырнув под юбку, прикоснулась сначала к икре, потом к колену.

Пруденс затрепетала, всем сердцем желая, чтобы это прикосновение продлилось. Чтобы оно не кончалось. И стало более дерзким.

Она его хотела, но ей не давала покоя мысль о том, что он слишком властный. Эта мысль немного отрезвила ее, и она поймала его руку, которая чуть было не скользнула к ее бедру.

- Если мы намерены продолжить дальше, нам следует понять одну вещь, - сказала она.

Он прищурился, и сердце у нее заколотилось еще сильнее. Была в этом человеке какая-то загадочная сила, которая одновременно и привлекала ее, и страшила. Но она не желала быть трусихой.

Не обращая внимания на бешено бьющееся сердце, она расправила плечи и, высвободившись из его рук, отодвинулась на безопасное расстояние. Ей нужно было прийти в себя. Когда он был близко, она с трудом понимала, кто она и кто он.

Правда, это не мешало хотеть его. Однако было важно, чтобы у них обоих не было никакого сомнения в характере их взаимоотношений.

- Мне кажется, нам обоим следует понять, что это всего лишь флирт - и ничего больше. - Лицо ее пылало от смущения, но она все-таки посмотрела ему прямо в глаза. - Тебе понятно?

Он усмехнулся:

- Ты настоящая головоломка, моя прелестная Пруденс. Я думал, что леди никогда...

- Я не леди, - заявила она. Впервые с тех пор, как покинула Лондон, она была рада этому факту. Согласно правилам, регламентирующим жизнь светского общества, так оно и было.

Он нахмурил брови.

- Ты леди. Одна из самых изысканных, каких я когда-либо встречал. - Он потянулся к ней и, отделив пальцами прядку волос, поднес ее к губам. - Но ты также женщина, и в этом различие между тобой и теми мяукающими кошками, перед которыми почтительно расшаркивается общество. Они не настоящие.

Он потер свою щеку прядкой се волос, и у нее замерло сердце.

- Я хочу тебя, Пруденс.

Его слова и звук его голоса возбудили в ней ответное страстное желание. По телу прошла дрожь. Она тоже хотела его. Почему бы ей не хотеть? Она не была невинной, нетронутой девушкой. Она уже была с мужчиной. С Филиппом.

В другое время мысль о Филиппе, возможно, направила бы ее мысли по иному руслу, заставила бы почувствовать себя виноватой. Но сейчас она лишь вдохновила ее на действия. Филипп не захотел бы, чтобы она перестала ощущать себя живым человеком потому лишь, что он умер.

Однако теперь перед ней встал более трудный вопрос. В отличие от отношений с Филиппом у ее отношений с Тристаном не было будущего. Его не могло быть, как бы сильно их ни тянуло друг к другу. Он герцог. И попечителям требовалось, чтобы он был человеком, приемлемым для светского общества. Тогда как она была особой, для общества неприемлемой. Попечители никогда бы не одобрили их связь, тем более что они были хорошо осведомлены о том, что общество ее практически бойкотировало.

Что же ей делать? За последние несколько недель она познакомилась с моряками, проживающими в доме Тристана, и они стали ей небезразличны. Она узнала Тоггла, который, хотя и не отличался сообразительностью, был всегда добр и благожелателен. Она узнала Гиббона, у которого была ампутирована рука, и очень тревожилась за него, потому что он находился в подавленном состоянии. Был там еще Адкинс, весь исполосованный шрамами, который, несмотря на это, всегда находил какой-нибудь повод посмеяться. И конечно, был Стивенс, который всегда заставлял ее чувствовать себя желанной гостьей. Она привязалась к ним всем. Если она допустит продолжение своих отношений с Тристаном, это может поставить под угрозу его шансы получить деньги. Она не хотела стать причиной ухудшения положения тех, кто и без того страдал.

Ей нужно признать, что эта их связь носит временный характер. Как только придут попечители, связь прервется так же внезапно, как началась.

При мерцающем свете фонаря она, замирая от восторга, любовалась его необыкновенными глазами, аристократической формой носа и твердой линией подбородка.

- Что происходит? Ты смотришь на меня, будто обнаружила что-то ужасно плохое.

Она улыбнулась. Экипаж немного накренился, огибая поворот узкой дороги.

- Возможно, я обнаружила что-то ужасно хорошее.

Тристан поднес к губам ее руки.

- Пруденс, я вел себя как последний болван. Сможешь ли ты простить меня? Я не могу обещать, что больше никогда не стану ревновать, но я, по крайней мере, постараюсь выбирать для выяснения отношений более подходящее место и время. Я понимаю, что расстроил тебя. Позволь мне загладить свою вину.

- Возможно, позволю, - сказала она, подивившись внезапно возникшей хрипотце в своем голосе, - но только на моих условиях.

Он помрачнел, хотя все еще улыбался.

- А ты в душе воин, не так ли, дорогая? Будешь сражаться до последнего дыхания?

- Я не люблю проигрывать, - сказала она, чувствуя, как подпрыгивает экипаж на ухабистой дороге. - Да и кому бы это понравилось?

- Значит, ты считаешь, что заниматься со мной любовью означает проигрывать? - Он хохотнул.

- Думаю, что тебе надо заново определить, что ты подразумеваешь под словом «проигрывать».

Или, может быть, мне следует помочь тебе дать определение этому слову? - спросил он, взглянув на ее губы. Она храбро посмотрела ему в глаза, хотя пришлось приложить усилия, чтобы не было заметно ее волнения.

- Что это ты затеял?

В его зеленых глазах сверкнул озорной огонек. Он медленно протянул к ней руки и расстегнул плащ. Снимая его, он ласкал кончиками пальцев каждый дюйм кожи, открывавшийся его взгляду. Движения его были неторопливыми, чувственными.

Она была уверена, что теперь они займутся любовью, и замерла в предвкушении.

Сняв с нее плащ, он чуть отодвинул ее в сторону. Оставшись без плаща и не ощущая больше тепла его тела, она вздрогнула от холода и обняла себя руками, наблюдая, как Тристан скатывает плащ, превращая его в нечто вроде длинного толстого каната.

- Что ты делаешь?

Он усмехнулся своей кривой улыбкой, от которой у нее всегда учащался пульс.

- Я собираюсь обозначить линию фронта, миледи.

Линия фронта. Ей это даже понравилось.

Он засунул один конец полученного жгута за спинку сиденья и проложил его по сиденью, так что другой конец свесился до пола.

- Вот, - сказал он и, откинувшись на спинку, полюбовался результатом своей работы.

Она взглянула на мягкое сиденье, обитое красным бархатом, которое было разделено ее плащом.

- Значит, эта сторона сиденья принадлежит мне?

- А эта мне, - сказал он.

- И мы должны развязать войну? На сиденье экипажа?

- Я предпочел бы назвать это борьбой. Чтобы ее можно было контролировать.

Ну что ж. Это звучало многообещающе. Несмотря на опасения, Пруденс даже улыбнулась.

- Боюсь, что справедливого матча не получится. Ты как-никак относишься к совсем другой весовой категории.

- Возможно, «бороться» не совсем правильное слово. Правильнее было бы сказать «соблазнять». - Он загадочно взглянул на нее. - Идея игры заключается в том, чтобы узнать, кто кого соблазнит пересечь первым разграничительную линию.

Соблазн. Такое короткое слово, а как много оно обещает.

- Что именно ты подразумеваешь под словом «соблазнять»? Оно может иметь множество разных...

Он развязал галстук.

Она тихо охнула и взглянула на окошки экипажа, прикрытые кожаными занавесками.

- Думаю, нам не следует...

Он отшвырнул галстук и также быстро снял жилет, бросив его на противоположное сиденье.

- Проигрывает тот, кто первым добровольно пересечет разграничительную линию. Хотя... - блеснув белозубой улыбкой, он вытащил из-за пояса сорочку и снял ее через голову, - в этой войне, любовь моя, мы оба выиграем.

Глава 16

Даже самый осторожный из слуг не застрахован от неожиданностей. Вопрос лишь в том, тебя ли застанут врасплох или врасплох застанешь ты.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Это была большая глупость. И Пруденс это понимала. Но ее завораживала мысль о том, чтобы заняться любовью в экипаже.

А еще больше ее завораживал мужчина, сидевший без сорочки на расстоянии вытянутой руки.

- Что, если нас застанут врасплох?

- Любовь моя, прежде чем открыть дверь, им придется остановить экипаж. К тому же ехать нам еще далеко.

Сорочка Тристана последовала за другими предметами одежды, лежавшими на противоположном сиденье.

Он помедлил, окинув ее взглядом.

- Ну?

Она вдруг осознала, что сидит не двигаясь на своей половине сиденья и наблюдает за тем, как раздевается Тристан. И каждое его движение разжигало огонь, тлевший где-то глубоко внутри ее тела.

Если ей желательно соблазнить его, то надо что-то предпринять. Но что? Она не успела еще

ничего сообразить, а пальцы уже отыскивали ленточку на вороте платья. Только она начала развязывать ленточку, как поймала на себе взгляд Тристана.

Плотно сжав губы, он сидел, не двигаясь, словно статуя. И казался таким напряженным, как будто едва сдерживал себя.

Ах-ах! Он старается сохранить самообладание. Это уже интересно. Возможно, если чуточку замедлить движения, то можно заставить предвкушение играть себе на руку...

Она опустила руку.

- Пожалуй, я подожду.

Он нахмурил брови.

- Подождешь?

- Подожду, пока ты закончишь раздеваться, - сказала она из своего угла, наблюдая за ним из-под полуопущенных ресниц. - Продолжай, пожалуйста. Мне это очень нравится.

Он некоторое время смотрел на нее, всем своим видом выражая сомнение.

- Мне кажется, это несправедливо.

- Несправедливо? - улыбнулась она. - Кто сказал, что мы должны быть справедливыми? Мне казалось, что цель заключалась в том, чтобы проверить способность каждого из нас противостоять искушению.

- Так оно и есть, - сказал он, несколько помрачнев, что заставило Пруденс улыбнуться еще шире.

- Гм-м. Значит, ты, наверное, просто боишься... проиграть, - сказала она, взглянув на него из-под ресниц.

Это, видимо, побудило его к действиям, потому что он, захлопнув рот, сбросил с ног штиблеты.

Пруденс была буквально загипнотизирована видом его широкой спины, игрой мускулов под кожей, его узкой талией и бицепсами предплечий. Господи, как же он красив!

И в этот момент целиком принадлежит ей.

Эта мысль несколько приободрила ее, и она сумела удержать себя в руках даже тогда, когда он, сбросив штиблеты, принялся расстегивать брюки. То, что последовало дальше, Пруденс запомнит на всю жизнь. Только что он стоял перед ней в черных брюках, а мгновение спустя оказался абсолютно голым - каждый дюйм его великолепного мощного тела был на виду.

На ноге виднелся шрам - белый на фоне смуглой кожи. Пруденс вспомнила, как поцеловала этот шрам и обстоятельства, при которых это произошло. Она вздрогнула от приятного воспоминания.

Тристан повернулся к ней лицом, слегка раздвинув мускулистые ноги, так что ей было видно...

Она зажмурилась и сделала глубокий вдох. Может быть, это ей снится? Потом она медленно открыла глаза. Но он нигде не исчез. И был все такой же великолепный. От одного лишь

взгляда на него ее охватило непреодолимое желание.

Если бы не разделительная полоса на сиденье, она могла бы моментально раздеться, передвинуться на его сторону и оказаться в его объятиях. Но ей во что бы то ни стало хотелось победить.

Заставив себя хотя бы казаться спокойной, Пруденс улыбнулась, надеясь, что ее губы не дрожат так, как дрожали ноги.

- Ну что ж... - Она провела пальцами по краю выреза платья. Заметив, что он, не отрываясь, следит за каждым движением ее рук, она провела рукой сверху вниз по переду платья: по груди, животу и еще ниже.

- Что ты делаешь? - спросил он.

Она улыбнулась:

- Раздеваюсь.

Вот она, власть! Настоящая власть! Он следил за каждым ее движением, не в силах оторваться.

Пруденс подняла ногу и поставила ее на противоположное сиденье. Сбросив с ноги туфельку, она позволила ей упасть на пол. Потом одной рукой подхватила подол платья.

Ни на миг не отводя взгляда от лица Тристана, она заметила, как вспыхнули его глаза, когда она приподняла подол платья выше колена, открыв взору икру и стопу.

- Надо снять чулки, - сказала она и, приподняв подол чуть выше, открыла все бедро. Верх подвязки скрывала сорочка, но она отодвинула ее в сторону и принялась расшнуровывать атласную шнуровку. Тристан не сводил глаз с ноги. Казалось, он был загипнотизирован движениями ее рук, и в тишине слышалось лишь его тяжелое дыхание.

Расшнуровав подвязку, она принялась медленно скатывать чулок вниз по ноге, причем то и дело задерживала руку то здесь, то там, чтобы ласково погладить кожу.

Слыша прерывистое дыхание Тристана, она не переставала наблюдать за ним из-под ресниц и сама воспламенялась все сильнее при виде его возбужденного мужского естества и страстно горящего взгляда.

Сняв чулок, она сбросила вторую туфельку, продолжая держать подол платья на бедре - достаточно высоко, но не слишком. По крайней мере, пока.

Потом не спеша сняла второй чулок, замедляя движение рук на привлекательных округлостях и наблюдая за выражением лица Тристана, чтобы оценить результат тех или иных манипуляций. Похоже, особенно сильно он возбудился, когда она провела рукой от щиколотки до ямочки под коленом.

Тристан подался вперед, положив руки на разделяющий их плащ, но не пытаясь нарушить границу. Глаза его горели, тело напряглось.

- Если ты пересечешь границу, я поцелую тебя везде, где твои пальцы прикасаются к телу, - сказал он.

Пруденс, ритм дыхания которой тоже был давно нарушен, а тело горело, спросила:

- Везде?

Бросив чулок на пол, она снова опустила до щиколотки подол платья.

- Тристан, если ты пересечешь линию, я позволю тебе нечто большее, чем просто поцеловать меня.

Она с улыбкой развязала ленточку, стягивавшую ворот платья, высвободила плечи и руки, потом стянула платье вниз до талии. Приподняв бедра, она окончательно сняла платье, которое теперь лежало на полу, словно лужица из атласа и кружева.

Тристан никогда в жизни не видел ничего более прекрасного. Она была прирожденной искусительницей, однако в ней не было ничего вульгарного. Это была женщина респектабельная и при этом пылкая, чувственная, что делало ее тем более желанной.

Она снова села. Кроме сорочки, на ней ничего не было. Тонкая ткань обрисовывала груди, над каждой из которых красовался элегантный бантик, который так и напрашивался на то, чтобы его развязали.

Тристан был чрезвычайно возбужден, однако не двигался. Уцепившись за край сиденья, он был полностью поглощен созерцанием раздевающейся женщины. Он уже сожалел, что создал проблему, предложив провести эту разделительную линию.

Она развязала один из бантиков на сорочке. Сорочка соскользнула с одной груди. Она потянулась ко второму бантику, но пальцы зависли в воздухе.

Карие глаза встретились с его взглядом.

- А что, если ты пригласишь меня пересечь границу?

- Я проиграю.

- Понятно.

Он уловил желание в ее голосе. Тристан и сам чувствовал то же самое, но не мог позволить ей выиграть. Просто не мог.

Она развязала второй бантик, и сорочка соскользнула с груди, открыв его жадному взгляду нежные холмики. Они были прекрасны: полненькие, с розовыми сосками, которые сами по себе привлекали его внимание и возбуждали еще сильнее.

Она грациозно приподняла бедра, и сорочка соскользнула на пол следом за платьем. Глаза Пруденс сияли, на губах играла загадочная улыбка, словно она отлично знала, что с ним делает.

Столь возбуждающей сценки он не наблюдал никогда в жизни.

Подняв руки, она принялась вытаскивать из волос шпильки.

- А что, если нам изменить правила?

- Каким образом? - спросил Тристан, чувствуя, что не в силах оторвать взгляда от ее груди.

- Пока бедра не прикоснутся к плащу, это не будет считаться нарушением границы. Но руки и

все остальное... - в ее глазах блеснули озорные искорки, - руки и все остальное могут забираться куда угодно.

У Тристана снова взыграла кровь.

- Руки и все остальное?

- Все, кроме бедер.

- Я согласен с изменением правил.

- Я так и думала, - усмехнулась она, вытаскивая последние шпильки. Каштановые волосы шелковистой волной хлынули на плечи.

Тристан затаил дыхание. Она была великолепна.

Она отклонилась назад, чуть раздвинув ноги. Ее волосы струились по плечам, прикрывая одну грудь и оставляя вторую открытой для его голодного взгляда.

- Ну, что дальше?

Протянув руки над разделительной линией, он положил их на ее колени, лаская нежную кожу.

- И впрямь - что дальше?

Ее обнаженная кожа жгла его. Тело отреагировало немедленно. Его член, уже крайне напряженный, аж подпрыгнул.

- Можно поцеловать тебя?

Глаза у нее потемнели, она тяжело дышала, и он понял, что она возбуждена так же, как он.

- Наверное, мы могли бы встретиться на границе.

- Пожалуй, могли бы.

Пруденс наклонилась вперед. Тристан пришел в полный восторг от того, в каком соблазнительном ракурсе предстали перед ним ее полные груди.

А потом... она оказалась в пределах досягаемости, и он поцеловал ее, нежно раздвигая языком губы.

Поцелуй длился долго. Потом его стало недостаточно. И их руки принялись нетерпеливо обследовать тела друг друга.

Это было похоже на какое-то безумие. Ему хотелось лишь потеряться в ее великолепной женственности. И казалось, что Пруденс чувствует то же самое. Он ощущал, как бешено колотится ее сердце. Ему нужно было всего лишь подвинуться ближе, посадить ее к себе на колени и подтвердить, что она принадлежит ему.

Она застонала, требуя дальнейших действий.

С невероятным усилием Тристан чуть отодвинулся от разграничительной линии.

- Я не могу, любимая. Не могу пересечь границу. Если ты сама не позовешь меня... - Он замолчал, надеясь, что она сдастся и позволит...

- Нет. - Она наклонилась вперед, запустила пальцы в его волосы и притянула к себе его голову, так что губы их почти соприкоснулись. - Возьми меня.

Он дрожал от желания вторгнуться в ее тело - еще, еще и еще. Но всякий раз, как только он делал попытку придвинуться к ней, его останавливал плащ, напоминая об их игре. Если она была слишком горда, чтобы проиграть, то он был слишком упрям.

- Я не хочу проиграть, - сказал он.

На ее губах заиграла улыбка. Она откинулась на мягкую спинку сиденья. Грудь ее на фоне красного бархата обивки казались молочно-белыми, так и напрашиваясь, чтобы он к ним прикоснулся. Заложив руки за голову, она пожала плечами.

- Тогда не надо.

Тристан понял, что она умышленно провоцирует его. Причем провоцирует очень умело. Как будто читая его мысли, она взяла грудь в ладони и, опустив ресницы, призывно выпятила губки.

Господи, какой же она была желанной! Долго он сдерживаться не сможет. Надо предпринимать какие-то чрезвычайные меры. Протянув руку над разделительной полосой, он прикоснулся к ее колену.

Она вскинула ресницы и взглянула на него теплыми карими глазами. Наклонившись над границей, он поцеловал ее в щеку, уголок рта, шею... С каждым поцелуем его рука скользила все выше и выше, и, когда он поцеловал ее в плечо, рука была уже на ее бедре. Он легонько погладил кончиками пальцев кожу и прикоснулся к тугим кудряшкам, вид которых возбуждал его сверх всякой меры.

Наклонившись, он взял губами сосок, а его пальцы тем временем отыскивали тайные складочки кожи. Пруденс судорожно глотнула воздух и выгнулась ему навстречу, ерзая на сиденье.

- Скажи, - пробормотал Тристан, - скажи, что зовешь меня к себе.

- Нет, - задыхаясь, сказала она, - я... о Боже!

- Скажи, - настаивал он, засовывая палец во влажное тепло, - скажи, что хочешь, чтобы я пересек разделительную линию.

- Нет, - повторила она, отчаянно мотая головой.

Проклятие! Как видно, эта женщина настроена решительно. И при этом она была такой загадочной и эротичной. Он никогда еще так отчаянно не хотел ни одну женщину. Никогда еще с таким упорством не добивался благосклонности ни одной из них. Но ведь и Пруденс была не такой, как все. Она была более любящей, более откровенной в своих желаниях, более чувственной, чем все прочие женщины.

Она застонала, когда его пальцы шевельнулись внутри ее тела, и, заерзав, прижалась к его руке.

Ощущая пальцами теплую влагу, он испытал огромное желание.

- Пруденс, позволь мне...

- Нет, - выдохнула она. Его пальцы возбуждали ее, не принося удовлетворения. - Тристан, я хочу... - Она закусил губу и беспокойно завертела головой.

Наклонившись, он прошептал ей на ухо:

- Я мог бы это сделать. Но ты должна попросить меня пересечь линию.

Все его тело напряглось. Он хотел ее безумно. Но он был не из тех, кто сдается. Он принялся потирать подушечкой большого пальца ее самое чувственное местечко.

Она сразу же выгнулась ему навстречу, возбуждвшись еще сильнее.

- Тристан! - умоляюще крикнула она.

- О, Пруденс, - произнес он сквозь стиснутые зубы, - я не могу... - Он хотел вырвать у нее свою руку, но она крепко держала его за запястье.

Черт возьми, она не могла ни остановиться, ни послать куда подальше свою гордость. Он тоже не мог. Проклятие! О чем он только думал, когда предложил провести эту чертову демаркационную линию?

Пруденс обхватила его лицо руками.

- Тристан, двигайся вместе со мной.

- Что ты затеяла? - не понял он.

- Двигайся со мной вместе. Мы пересечем линию одновременно. И займемся любовью прямо поверх нее.

Его заторможенный похотью разум не сразу воспринял смысл ее слов, а когда воспринял, по его лицу медленно расплылась улыбка.

- И мы оба выиграем, - услышал он свой удивленный голос.

Он не мог не рассмеяться. Его Пруденс всегда была самой практичной из женщин, даже в пылу страсти. Он взял в ладони ее ягодицы и одним плавным движением подвинул ее под себя, сам оказавшись на ней. Она помогала ему, раскинув ноги, чтобы принять его, и упираясь ступней в край противоположного сиденья.

Свернутый плащ лежал теперь прямо под ее спиной.

- Он не будет тебе мешать... - начал было он, но она не позволила ему продолжить. Со счастливой улыбкой Пруденс обхватила ногами его талию и буквально надела себя на него.

Больше Тристан не думал. Он мог лишь чувствовать. Ощущать обволакивающий его жар.

- Тристан, - прерывисто дыша, сказала она, - еще.

Еще. Какое мощное слово. И если она желает еще, то она получит еще. Тристан начал

двигаться, задавая ритм.

Покачивание экипажа еще настойчивее толкало их друг к другу, добавляя остроты моменту. Тристан слегка повернулся, чтобы было удобнее, но неожиданно ударился больной ногой о край сиденья.

Он поморщился, охнув от боли.

- Что с тобой? - спросила Пруденс.

- Нога, - проворчал он. - Это проклятый экипаж виноват.

Озорная улыбка тронула манящие губы Пруденс.

- Тристан, позволь мне быть сверху.

Он на мгновение застыл от неожиданности, глядя в ее теплые карие глаза. Потом его губы дрогнули в улыбке.

- Ладно, милая. Держись за меня.

Она обеими руками обняла его за шею. Тристан положил руки на ее талию, потом плавно перевернулся вместе с ней.

Тяжело дыша, она некоторое время не двигалась, а запрокинув назад голову, смаковала ощущение от его проникновения так глубоко в ее плоть. Тристан, ухватив ее за бедра, помогал ей двигаться вперед-назад и покачиваться. Пруденс вскоре нашла нужный темп и двигалась, держась руками за его плечи. Ее волосы рассыпались по его груди. Ощущения множились и становились все сильнее. Тристану лишь большим усилием воли удавалось сдерживаться. И его усилия были с лихвой вознаграждены, когда она неожиданно напряглась в его руках и, хрипло выдохнув его имя, упала на него. Волны ее наслаждения возбудили его еще сильнее, и Тристан, крепко прижав ее к себе, достиг кульминации следом за ней.

Некоторое время спустя, когда он все еще крепко прижимал ее к себе, а их сердца бились учащенно, Пруденс вдруг приподнялась на руках. Он в это время все еще находился внутри ее тела, и ее движение заставило его застонать.

Она замерла и, откинув упавшие на глаза волосы, с беспокойством взглянула на него:

- Ты... я сделала тебе больно?

Он хохотнул и, взяв ее на руки, возвратился на свое место.

- Нет, моя милая. - Взяв плащ, он укутал ее. - Мне совсем не больно. Наоборот, все было великолепно. - Он поцеловал ее в нос. - Просто чудесно.

На ее губах появилась робкая улыбка.

- Боюсь, что у меня небольшая проблема.

Он намотал на палец прядку ее волос. Казалось, он не может перестать прикасаться к ней, поглаживать ее.

- Что за проблема?

- Думаю, что я, возможно, слишком сильно люблю это.

Он тихо рассмеялся.

- В любви «слишком сильно» не бывает.

- Вот как?

- Да. В том-то и заключается ее красота: у нее нет пределов.

Она провела пальчиком, очерчивая линию его подбородка.

- Значит, это сражение никто из нас не выиграл.

- Мы оба выиграли, милая. Оба выиграли, - с улыбкой сказал он сонным голосом.

Пруденс прижалась щекой к его плечу. Значит, они оба выиграли. Она не сожалела о том, что они снова занялись любовью, - это было предопределено самой судьбой. Она инстинктивно знала это. Она была лишь не уверена в том, что будет дальше. Мысль об этом заставила ее спуститься с небес на землю.

- Мы должны одеться.

Он вздохнул.

- Ты уверена?

- Да. Как бы я ни любила Стивенса, но, если он выйдет встречать экипаж и обнаружит нас в таком виде, я, наверное, никогда больше не смогу смотреть ему в глаза.

- Это действительно стало бы проблемой. Хорошо, дорогая. Давай оденемся.

Они собрали свои вещи и стали одеваться, хотя Тристан всячески замедлял этот процесс и принялся страстно целовать ее, когда она попыталась надеть чулки.

И вот когда Пруденс разглаживала на себе уже надетое платье, ей с ясностью звона церковного колокола открылась правда: она любит Тристана.

При этой мысли у нее подогнулись ноги, и она опустилась на сиденье. Не может быть. Возможно, это всего лишь отголоски наслаждения после их страстных объятий. Или просто реакция на прикосновение мужчины после столь длительного перерыва. Наверняка все дело лишь в этом...

Но это было правдой. Она, Пруденс Тистлуэйт, полюбила Тристана Ллеванта, возмутительно нецивилизованного герцога Рочестера.

Она прижала руку ко рту - скорее для того, чтобы успокоить дрожащие губы, чем по какой-либо другой причине.

Должно быть, здесь какая-то ошибка. Она что-нибудь не так поняла. Одним словом, допустила оплошность.

- Готово, - сказал Тристан, на шее которого вновь красовался галстук. На сей раз он был завязан простым узлом без затей. - Так значительно лучше. Теперь, когда Стивенс откроет

дверцу экипажа, мы сможем сохранить свое достоинство.

- А это очень важно, - заставила себя улыбнуться Пруденс.

- Сохранять достоинство? Да, временами это важно. - Он улыбнулся. - Однако иногда это бывает обременительной формальностью. - Не тратя лишних слов, он поднял Пруденс на руки и снова усадил к себе на колени.

- Что ты делаешь?

- Пытаюсь согреться. - Удобно примостившись в углу, он накрыл плащом их обоих.

Пруденс прижалась щекой к его груди. Как только попечители выскажут свое одобрение, он отправится в Лондон, где дамы из высшего света постараются свести его с кем-нибудь равным ему по положению.

И это будет не она. Она никогда не захочет вернуться в бездушное лондонское общество. Никогда не пожелает появиться в залах величественных домов и слышать у себя за спиной шепот и жестокий издевательский смех или - что еще хуже - видеть высокомерные взгляды тех, кому, по сути дела, ее судьба была абсолютно безразлична.

Тристан пригладил прядку волос, упавшую на ее щеку.

- Я всегда догадывался, что ты страстная женщина. Но до сегодняшней ночи я, оказывается, даже не знал, что такое страсть.

Пруденс попыталась улыбнуться, поуютнее устроившись у него на груди.

- Это было великолепно.

Так оно и было. И будет. Пока реалии жизни не вмешаются в их отношения. Но она не станет об этом думать. По крайней мере, пока.

Прижавшись щекой к его накрахмаленной сорочке, она прислушивалась к равномерным ударам его сердца. Он глубоко дышал, тело его расслабилось, и ей показалось, что он заснул. После смерти Филиппа она никогда не думала, что полюбит снова. Но она ошибалась.

Тристан пошевелился и еще крепче прижал ее к себе. Тепло его объятий подействовало на нее успокаивающе.

Пруденс не двигалась. Сдерживая готовые брызнуть из глаз слезы, она думала о том, что будет дальше. Скоро придут попечители, и причина, по которой она появилась в его жизни, исчезнет, как только они согласятся передать ему наследство. Скоро придет время и ей исчезнуть из его жизни.

А до того момента она постарается насладиться тем, что дают их отношения.

Экипаж накренился набок, заставив их обоих скользнуть по сиденью к дверце. Тристан еще крепче прижал ее к себе и, подставив плечо, защитил от удара.

- Что он себе позволяет, этот проклятый кучер? - пробормотал Тристан, когда их безжалостно швырнуло в другую сторону.

Экипаж накренился снова, на сей раз под еще более рискованным углом. Тристана швырнуло

вперед. Прижав к себе Пруденс одной рукой, он удержался с помощью другой руки, но при этом сильно ударил больную ногу о противоположное сиденье, скрипнув зубами от боли.

Экипаж швыряло из стороны в сторону, как будто за ними гнались по пятам исчадия ада. Единственный фонарь, висевший на потолке, раскачивался и мигал.

Прозвучал выстрел, и звук его эхом отозвался в тишине ночи.

Тристан выругался:

- Пропади все пропадом! Похоже, это ограбление! - Столкнув Пруденс на пол, он достал из-за ее спины коробку. Внутри лежали два пистолета. Он вытащил их, и на губах его заиграла холодная улыбка.

- Не бойся, любовь моя. Этот разбойник никогда больше не увидит дневного света.

Глава 17

Вы можете обнаружить, что за сварливостью характера вашего хозяина скрывается истинная любовь к хорошей потасовке. Не удивляйтесь. Даже знатный дворянин может счесть царапину-другую на своем теле приятным развлечением.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Тристан задул фонарь, и внутри экипажа стало темно. Сунув руку глубже под сиденье, он извлек еще одну коробку, которая была подлиннее первой. Открыв ее, он достал шпагу.

Пруденс схватила его за колено.

- Тристан, дай мне один из пистолетов.

Не видя в темноте ее лица, он мог представить себе спокойную отвагу в ее карих глазах.

- А ты умеешь стрелять?

- Конечно. Отец научил меня стрелять еще в детстве.

Он сунул пистолет ей в руку. В этот момент экипаж резко остановился, и испуганно заржали лошади.

- Спрячь в складках юбки и не вздумай...

Дверца распахнулась, но никто не появился. Тристан выругался. При ярком свете луны перестрелять нападающих было бы проще пареной репы. Но тот, кто спланировал налет, был, судя по всему, человеком опытным.

- Выходи, положив руки на голову!

Судя по голосу, человек был настоящим гигантом.

Тристан двинулся к двери, но едва успел дойти до нее, как Пруденс обняла его сзади и прижалась к нему всем телом. Он тоже обнял ее и на мгновение прижался щекой к ее волосам.

У него голова шла кругом от множества мыслей и эмоций. Он вспомнил, какой беспросветной казалась ему собственная жизнь всего несколько коротких недель назад, когда он, не обремененный мыслями о будущем и какими-либо желаниями в настоящем, лишь приветствовал бы ночную схватку вроде сегодняшней. Теперь же все изменилось. Он будет драться и выйдет победителем, потому что если не победит, за это может поплатиться жизнью Пруденс.

Эта мысль придала ему сил и одновременно испугала его. Он должен выйти победителем из этой заварухи. Другого не дано.

Взглянув последний раз на Пруденс, Тристан собрался с духом и вылез из экипажа. Справа от дверцы стоял громадный детина, в руках которого поблескивала в лунном свете короткоствольная винтовка.

- Милорд! - послышался голос кучера, который стоял рядом с экипажем, держа в руке обрывок порванных вожжей. Джон был одним из людей Ривса и творил чудеса в обращении с лошадьми, хотя, судя по всему, опыта обращения с короткоствольной винтовкой у него не было. - Извините, милорд, когда я их заметил, было слишком поздно. Я попытался сбежать от них, но лопнули вожжи, и я не сумел...

- Я уверен, что ты сделал все, что смог, - сказал Тристан, оглядываясь вокруг и пытаясь определить число нападавших. Пока, кроме огромного детины, никого не было видно.

Джон, наклонившись к нему поближе, тихо сказал:

- Оба наших верховых, сопровождавших экипаж, скрылись, хотя один из них ранен. Я уверен, что они доберутся до коттеджа и приведут подкрепление.

- Эй, там, заткнитесь! Доставайте поскорее то, что везете. Нынче вечером мы хотим пораньше вернуться домой. Что-то холодно стало. У меня совсем нет желания схватить лихорадку.

- Разумеется. Это было бы очень печально, - сказал Тристан и, выхватив пистолет, нацелил его прямо в сердце детины.

- Я бы не советовал вам делать это, - произнес за спиной Тристана голос, явно принадлежавший человеку культурному. Он почувствовал, как что-то острое прижалось к спине между лопатками.

Кучер громко охнул.

- Их двое, милорд. Я хотел вам это сказать, но не успел.

Острые шпаги еще сильнее прижалось к спине Тристана.

- Брось пистолет.

Тристан скорчил гримасу и бросил пистолет на землю.

- Правильно, приятель, - сказал человек за его спиной. - Очень мудрое решение. Оно позволит тебе прожить лишний день.

Огромный бандит выступил вперед, размахивая пистолетом.

- Выворачивай карманы, хозяин. И поторапливайся. На сегодняшний вечер у нас

запланировано еще два визита вежливости.

Тристан пришел в ярость. Он опустошил карманы, бросив на землю часы и несколько монет.

- И это все, что у вас имеется? Не густо! - с презрением в голосе сказал гигант.

- Спокойнее, друг мой, - произнес более культурный джентльмен удачи из-за спины Тристана.
- Думаю, что в экипаже имеется кое-что еще. Мне показалось, что после того, как они остановились, я слышал женский голос. - Судя по его тону, разбойника это обстоятельство явно забавляло. - Может быть, этой ночью нам перепадут два трофея вместо одного.

Тристан не стал больше ждать. Он ринулся вперед и оказался вне досягаемости для шпаги, прижатой к его спине. Собрав все свои силы, он бросился на огромного бандита, выбил у него из рук пистолет и повалил на землю.

- Ух ты! - изумленно воскликнул огромный детина, ошалевший от такого натиска. Пистолет его, звякнув о каменистую дорогу, отлетел под экипаж. Не дав ему времени опомниться, Тристан замахнулся кулаком и ударил его в челюсть.

Бандит пробормотал что-то невнятное и замотал головой, но сознания не потерял. Тристан громко выругался. У него были увесистые кулаки, и обычно одного удара было достаточно, чтобы у любого человека отключилось сознание. Но только не у этого бегемота. Огромный бандит поднял мясистые руки и схватил Тристана за шею.

Тристану вдруг стало трудно дышать. Он ухватился за толстые пальцы бандита, но они не сдвинулись с места и лишь сжимались все крепче и крепче. Перед глазами Тристана заплясали черные мушки, он задыхался. Неужели это конец? Неужели он умрет на обочине дороги темной ночью на глазах у Пруденс?

Мысль о Пруденс придала ему силы. Он поднял колено, чтобы ударить мерзавца в наиболее уязвимое место, но тот быстро сообразил и поднял свое колено, чтобы блокировать удар.

Тристан поморгал, изо всех сил стараясь не потерять сознание. Он обхватил руками запястья противника, чтобы его хватка и впрямь не стала смертельной.

- Вижу, - сказал культурный разбойник, - что вы запачкали грязью свою одежду. Очень жаль, потому что мне приглянулся ваш фрак.

В это мгновение послышался легкий шум, и, словно из воздуха, материализовалась Пруденс.

- Mon dieu! - воскликнул разбойник и сделал шаг вперед.

Но Пруденс даже не взглянула на него. Она стояла, целясь из пистолета в огромного детину, напавшего на Тристана. Она сделала два маленьких шажка, и дуло пистолета прикоснулось к его виску.

- Отпусти его, - приказала она.

Детина замер. Потом бросил удивленный взгляд на другого разбойника:

- Джек?

- Спокойнее, миледи, - сказал разбойник, которому, видимо, ситуация перестала казаться забавной. - Вилли, не двигайся. Похоже, дама не шутит.

- Не шучу, и не надейтесь! - подтвердила Пруденс. - Лучше отпусти его.

Бегемот медленно ослабил хватку на горле Тристана. Тристан сжал кулак, замахнулся и ударил противника в висок, вложив в удар все силы. На этот раз глаза огромного детины закатились, а потом закрылись, и он рухнул на землю без сознания.

Тристан приподнялся на колени.

- Пруденс, возвращайся...

Кончик шпаги прикоснулся к горлу Пруденс. Когда рука в черном скользнула на ее талию, у Пруденс испуганно округлились глаза. Разбойник смотрел на Тристана поверх ее головы.

У Тристана звенело в ушах. Не в силах что-либо сделать, он мог лишь смотреть на Пруденс.

- Брось пистолет, дорогуша, - тихо сказал разбойник на ухо Пруденс. - В таких прелестных ручках он выглядит весьма неуместно.

Тристан, сердце которого колотилось где-то в горле, встретился с ней взглядом.

- Делай так, как он говорит.

Ему сначала показалось, что Пруденс не согласится, но она очень, очень медленно положила пистолет на землю.

Как только она встала, разбойник ногой отбросил пистолет под экипаж и рывком прижал ее к себе.

Тристан обезумел от ярости. Этот сукин сын держит Пруденс, нахально обнимая ее рукой за талию! Никому не позволено проделывать такое! Никому!

- Не смотри так мрачно, человек с молотообразными кулачищами, - сказал насмешливо разбойник. - И не двигайся. Или твоя леди никогда больше не насладится запахом жасмина, который в изобилии растет в этой местности.

Тристан скрипнул зубами. Он только начал подниматься с колен, и сейчас весь вес его тела приходился на больную ногу. Он боялся, что долго не выдержит.

- Что будет, если я двинусь?

- В таком случае тебе лучше поцеловать на прощание эту прелестную леди. Или еще лучше - посмотреть, как это сделаю я.

- Сукин сын, - прорычал Тристан, - если ты тронешь ее...

- То что ты сделаешь? - спросил разбойник, блеснув в лунном свете белозубой улыбкой. Его полумаска скрывала только цвет и разрез его глаз. Считай, что тебе повезло, потому что я не склонен к насильственным действиям против слабого пола. По правде говоря, - разбойник приподнял свободной рукой прядь волос Пруденс, - я люблю женщин.

Тристан света белого неувидел от ярости.

- Если ты обидишь ее, я убью тебя!

- Увы, не сможешь. Лучше позаботься о том, чтобы остаться в живых и тебе самому, и этой леди. А теперь медленно опустошай карманы. И на этот раз - до конца. Я буду наблюдать. Сначала правый, потом левый.

Тристан стиснул зубы, взглянув на Пруденс, и нахмурил лоб. Она явно пыталась что-то сказать ему. Тристан медленно извлек из кармана оставшиеся деньги, которых, по правде говоря, набралось не густо. Однако это дало ему время попытаться понять, что хочет сказать Пруденс.

Она снова взглянула на него, потом на землю, но на этот раз закрыла глаза и чуть заметно кивнула.

Тристан кивнул в ответ. Вытаскивая из кармана последние монеты, он убедился, что короткая шпага все еще засунута за его пояс.

Пруденс судорожно глотнула воздух, пошатнулась, сделав вид, что теряет сознание. Разбойник попытался подхватить ее и удержать равновесие, на мгновение забыв о шпаге. Пруденс якобы без сознания рухнула на землю.

Тристан сделал выпад вперед, взяв шпагу на изготовку. Разбойник отступил на шаг, подняв в ответ свою рапиру. Послышался лязг: металл коснулся металла.

- Коротышка-шпага против рапиры, - усмехнулся Тристан, которому было отнюдь не весело. - По-моему, я имею преимущество.

- Это зависит от твоего мастерства, дружище. И от моего. - Разбойник сделал выпад. Глаза его поблескивали в прорезях маски, лезвие рапиры грозно сверкало в ярком лунном свете.

Тристан парировал все удары. Коротышка-шпага была более сильным оружием, чем рапира, потому что один мощный удар над линией эфеса мог разломить рапиру пополам. Но рапира действовала проворнее и была более смертоносным оружием. Стоило допустить один промах в обороне, и противник мог пронзить Тристана насквозь.

Хитрость заключалась в том, чтобы заставить противника двигаться, а это было непросто, потому что при падении с бегемотом Тристан ушиб больную ногу.

Разбойник сделал ложный выпад, и Тристан его парировал, хотя для этого ему пришлось отступить на несколько шагов назад. Чтобы восстановить позицию, Тристан атаковал, стараясь для равновесия опираться на больную ногу. Каждый шаг причинял мучительную боль.

Одно успешное туше - это все, что ему нужно. Однако он понял, что разбойник с незаурядным мастерством владеет рапирой.

Тристан перешел в оборону, парируя выпады противника с такой скоростью, словно это было для него единственной возможностью удержаться. Нога у него болела так, что на лбу выступили капельки холодного пота. Он не мог крутиться и прыгать, как его противник. Но он мог, удерживая свою позицию, драться как дьявол.

Во время одной особенно яростной атаки рапира прорезала рукав фрака, оставив кровоточащую царапину на его предплечье. Уголком глаза Тристан заметил какое-то движение. К ним шагнула Пруденс, как будто намереваясь остановить бой.

- Нет! - прорычал Тристан, не сводя взгляда с противника.

Пруденс попятилась, и он услышал, как кучер, схватив ее за предплечья, тихо сказал:

- Не отвлекайте его, мадам!

Тристан промок от пота, но продолжал бой. В холодном ночном воздухе слышалось тяжелое прерывистое дыхание его противника. Теперь лунный свет четко обрисовывал всю его фигуру: линию плеч, складки плаща, длинные темные волосы.

- Послушай, ты! - проворчал Тристан, вновь блокируя удар рапиры. - Сдавайся, и я позволю тебе прожить еще один день.

Разбойник хохотнул, и звук этот насторожил Тристана. Этот смешок... Тристан нахмурил лоб. Он знал его, помнил с каких-то давних времен.

Когда при очередном выпаде кончик рапиры царапнул ему подбородок, Тристан выбил оружие из рук противника.

- Ох! - Он прикоснулся пальцем к подбородку и почувствовал, как по руке и горлу струйками стекает кровь. - Ах ты, дьяволенок!

Его противник радостно рассмеялся:

- Уж такой я есть. Давай покончим с этим раз и навсегда.

На дороге послышался топот копыт.

- Слышишь? - сказал Тристан, снова взмахивая шпагой. - Это едут мои люди. Ты покойник.

Разбойник с быстротой молнии бросился к нему.

- Если я умру, то ты умрешь тоже.

Тристан едва успел увернуться от удара и в ответ поднял свою шпагу. Схватка возобновилась. Оба сражались молча. Было слышно лишь их хриплое дыхание и звон металла.

Оба они мастерски владели шпагой, и вопрос сводился к тому, кто из них раньше утомится. Тристану показалось было, что у него есть преимущество перед более худощавым противником, но когда он сделал шаг в сторону, чтобы избежать особенно опасного выпада, его здоровая нога поскользнулась на расшатавшемся камне дорожного покрытия. Он удержал равновесие с помощью больной ноги и света белого невзвидел от боли.

Стиснув зубы, Тристан заставил себя устоять на ногах. Нет, он не может упасть. Он нужен Пруденс. Она...

Раздался выстрел. Он прозвучал так близко, что Тристан вздрогнул. Разбойник замер. Его глаза под маской удивленно округлились. Еще какое-то время он, покачиваясь, стоял на ногах, глядя на свою сорочку.

Вперед вышла Пруденс. В руке она держала дымящийся пистолет. Перед ее платьем был в грязи. Она испачкалась, ползая под экипаж. Тристану с его места было видно бледное личико и жилку, бешено бьющуюся на горле.

Разбойник прикоснулся рукой к сорочке.

- Mon dieu, - произнес он с какой-то странной отрешенностью. - Мне кажется, вы меня убили.

С этими словами, уронив рапиру в грязь, он рухнул на колени. С его губ сорвался еле слышный хохоток.

- Наше последнее состязание. Мы-то думали... - Он замолчал, глаза его закрылись, и он упал на землю.

В это самое мгновение у Тристана подвернулось колено, и он упал рядом с разбойником. Пруденс в мгновение ока была рядом. Отшвырнув пистолет, она наклонилась над ним:

- О, Тристан! Ты можешь...

В этот момент подъехал всадник. Но это был не Макгрейди, не Тоггл и даже не Стивенс, который, несомненно, явился бы по первому зову. Это был Ривс. Он спешился, бросил поводья кучеру и ринулся вперед, задержавшись на мгновение, чтобы взять висевший на боку экипажа фонарь.

Однако вместо того чтобы подойти к Тристану, он подошел к разбойнику и опустился на колени. Он прижал пальцы к его горлу.

- Он еще дышит. Слава тебе, Господи!

Тристан позволил Пруденс помочь ему встать на ноги, потом обнял ее так, что полностью спрятал в своих объятиях. Боже милосердный! Ведь он мог потерять ее. Он не осмеливался даже думать о том, что могло бы произойти, если бы...

Разбойник тихо застонал. Ривс снял с себя шарф и приложил к его ране.

- Он будет жить, - сказал дворецкий с явным облегчением. - Рана не глубокая, но ее следует промыть.

- Я не намерен промывать раны человека, который пытался убить нас всех.

Ривс, с упреком взглянув на него, сказал:

- Он пытался не убить вас, а только ранить.

- Похоже, он очень старался, - вставила свое слово Пруденс.

- Что правда, то правда, - сказал Тристан с саркастической ноткой в голосе. - Мне действительно казалось, что он хочет убить меня.

- Он никогда никого не убивал, - сказал Ривс, старательно завязывая шарф на боку разбойника. - Ни разу за всю свою карьеру разбойника с большой дороги, хотя возможностей, конечно, было предостаточно.

Разбойник пошевелился и приложил к голове руку.

- Что, черт возьми, произошло?

Ривс наклонился к нему:

- Вы были ранены. Лежите спокойно, я отвезу вас в коттедж.

- В мой коттедж? - сердито переспросил Тристан. Какая муха укусила Ривса? Неужели он...

Разбойник приподнялся на локте, прижав к боку руку.

- Ривс?

Пруденс даже вздрогнула. Карие глаза ее округлились. Она вопросительно взглянула на Тристана:

- Он знает Ривса?

Тристан хмуро взглянул на разбойника:

- Откуда ты знаешь Ривса?

Ривс закончил возиться с раной, встал и взял фонарь.

- Все очень просто, милорд. Я побывал у него на прошлой неделе.

- Ты нашел разбойника? Зачем... - Тристан взглянул на разбойника. - Нет. Этого не может быть.

На губах разбойника появилась едва заметная улыбка.

Тристан наклонился, поморщившись, когда нога отозвалась болью, и медленно снял с него маску.

Ривс поднял фонарь, осветив лицо разбойника. Черные волосы упали на лоб. И эти удивительные зеленые глаза...

- Глазам своим не верю, - произнес Тристан. - Кристиан, это ты?

Глава 18

Для того чтобы должным образом накрахмалить галстук, положите его изнаночной стороной вверх на стол с мраморной столешницей... Очень важно, конечно, чтобы столешница была как следует подогрета. Без этого галстук превратится в мокрую мятую тряпку.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Ривс взял Пруденс за локоть и отвел в сторону.

- Это давно потерянный брат его светлости.

Пруденс изумленно вытаращила глаза:

- Но ведь он... разбойник?

- Да, это опасная карьера, но мы не теряем надежды, что он ее оставит.

Пруденс рассеянно кивала. Пока это все не укладывалось у нее в голове. Судя по выражению лица Тристана, у него тоже.

Пруденс незаметно стала наблюдать, как два брата с удивлением и радостью смотрят друг на

друга. На какое-то мгновение она даже почувствовала себя лишней, ненужной.

Здесь не ее место. Это не ее дом, не ее семья. Ее семьей была мать, которая ждет Пруденс, чтобы узнать, как прошел званый обед.

Пруденс пока не решила, что ей сказать, но была уверена, что о случившемся в экипаже она промолчит.

Она помнила все. Страсть, которую она чувствовала, любовь, которая даже сейчас согревала ее в холодную ночь, – все это было на самом деле. Но не имело будущего. Нет, она закончит их отношения, не устраивая из этого трагедии. Легко. Не нужно ему знать о ее чувствах, тем более что он их не разделяет.

А вдруг разделяет? При этой мысли у нее екнуло сердце. Что, если она Тристану небезразлична? В последнее время он был к ней очень внимателен, а его реакция на мужчин на званом обеде была довольно странной. Хотя сначала она приписывала ее уязвленной гордости, но ведь возможно... возможно, что это было нечто большее.

Однако разве это что-нибудь меняло? Он был тем, кем был. Пруденс попыталась представить его более угомонившимся. Сколько было горечи и тоски в его взгляде!

Какое будущее могли иметь их отношения, если самым большим желанием Тристана было снова уйти в море... подальше от нее? Она понимала, что он не может этого сделать из-за своих ран. Но это не меняло того факта, что его сердце находилось где-то в других местах. Она не согласится занимать второе место в его жизни. Жизнь с Филиппом научила ее тому, что отношения между двумя людьми складываются удачно, если они преданы друг другу и своим отношениям.

Она плотнее закуталась в плащ, наблюдая за выражением его лица в свете фонаря. На его подбородке был виден порез, а лицо покраснелось от холода.

Он был так дорог ей в этот момент, что у нее защемило сердце.

Кристиан с трудом поднялся на ноги и чуть покачнулся. Тристан был тут как тут и сильной рукой поддержал брата, обняв его за плечи. До нее вдруг дошло, что она стреляла в брата Тристана.

Она прижала ко лбу дрожащую руку.

– Тристан, я не хотела стрелять в твоего брата! Я выстрелила, но не знала, кто он такой...

– Вздор! – заявил Кристиан, улыбнувшись ей. – Вы защищали Тристана. Я рад видеть, что он попал в такие хорошие руки.

У Пруденс покраснели щеки.

– Вы ошибаетесь. Ваш брат и я не...

– Мадам? – прервал ее Ривс, взяв за предплечье. – Не тревожьтесь о том, что стреляли в мистера Кристиана. Пуля всего лишь царапнула его.

– Но... я попала точно в цель.

Тристан усмехнулся, подняв что-то в своей руке:

- Ты попала ему точно в карманные часы.

Пруденс с недоумением уставилась на искореженные часы на ладони Тристана.

Кристиан рассмеялся и тут же поморщился.

- У меня, конечно, будут синяки и кровоподтеки, но я не умру. К тому же вы сделали то, что должны были сделать. Откровенно говоря, я восхищен вашей храбростью.

Он закашлялся и немного застонал. Тристан позвал кучера Джона, попросив его помочь посадить брата на его коня.

Пруденс наблюдала за ними, с каждой минутой чувствуя себя все более несчастной.

- Мадам? - обратился к ней Ривс. - Не хотите ли, чтобы я проводил вас домой? Его светлость, возможно, немного задержится. Мистер Кристиан пожелал вернуться к себе, а не в коттедж.

- Да, спасибо. Это было бы очень кстати.

Тристан вернулся к ним, хромя и морщась от боли при каждом шаге.

- Пруденс, я хочу поговорить с тобой.

Сердце у нее испуганно замерло, но она улыбнулась.

- Тебе сейчас необходимо побыть со своим братом. Увидимся завтра.

Взяв ее за руку, Тристан притянул ее к себе, не обращая внимания на присутствие Ривса.

- Обещаешь?

Пруденс осторожно высвободила свою руку.

- Конечно.

Он пристально посмотрел на нее и кивнул.

- Ривс, проводите, пожалуйста, миссис Тистлуэйт домой. Возьмите экипаж. А я возьму вашу лошадь.

- Слушаюсь, милорд.

Улыбаясь, Тристан прикоснулся теплой ладонью к щеке Пруденс.

- Мы поговорим завтра.

Кучер Джон, державший за поводья лошадь Кристиана, спросил что-то насчет второго разбойника. Улыбнувшись на прощание Пруденс, Тристан отправился помочь Джону привести в чувство огромного детину.

- Вы готовы, мадам?

- Готова. - Она поедет домой к матери, и они вместе подумают о том, что нужно сделать, чтобы их школа начала функционировать. Мать со дня на день должна была получить весточку от своей приятельницы из Шотландии, и это, возможно, положит начало успешной деятельности

их учебного заведения.

Да. Именно об этом ей следует думать, а не о герцоге, живущем по соседству. В экипаже по дороге домой она молчала, погруженная в собственные мысли. Ривс не пытался отвлечь ее внимание, хотя, проводив ее до двери, пристально посмотрел на нее.

Мать ждала ее. Пруденс отмахнулась от обрушившейся на нее лавины вопросов, торопливо прошла в свою комнату и, вздохнув с облегчением, закрыла за собой дверь. Оказавшись наконец в тиши своей спальни, она бросилась на кровать и расплакалась.

Тристан смотрел поверх края пивной кружки на своего брата. Они пили с тех пор, как уехал доктор.

Было немного неловко приглашать доктора к своему брату после инцидента на вечеринке, но пришлось это сделать. Тристан не собирался терять брата после того, как наконец нашел его.

Доктор не пожелал даже смотреть на Тристана, что в принципе устраивало всех заинтересованных лиц. Хотя Тристан был зол на этого человека за флирт с Пруденс, он был доволен тем, что компетентный врач внимательно осмотрел Кристиана и убедился, что с ним все в порядке.

Тристан задумчиво уставился в кружку с элем. Пруденс, уезжая, как-то странно посмотрела на него. Печально... как будто прощалась с ним.

Он поставил кружку на стол.

- Тристан? - окликнул его Кристиан. - Ты стал таким мрачным с годами.

- Просто ты нашел меня в трудный период жизни.

Кристиан усмехнулся:

- Не в такой трудный, как у меня.

Тристан усмехнулся в ответ.

- Возможно. - Он поднял кружку. - Предлагаю тост.

- За что?

- За женщин в наших жизнях.

- Для такой затеи в этой таверне не хватит эля.

На губах Тристана появилась страдальческая улыбка. В его жизни были женщины и до Пруденс. Но ни одной из них он не помнил. Ни одной. Эль вдруг показался ему горьким, и он отставил кружку.

- Прошло столько лет, а ты все такой же дуралей.

Кристиан усмехнулся такой знакомой озорной улыбкой, что у Тристана защемило сердце.

Черт возьми, как же ему не хватало брата! Разумеется, Кристиан несколько изменился.

Нынешний Кристиан был жестче, сообразительнее, под его обаятельной внешностью скрывалась твердая воля. Тристан не мог забыть закутанную в черный плащ фигуру человека, остановившего их на дороге, который держал Пруденс на острие шпаги. При воспоминании об этом Тристану все еще приходилось сдерживать себя.

- Тебе повезло, что ты сегодня никому не причинил вреда.

Кристиан не стал притворяться, что неправильно понял его.

- Ты говоришь о леди?

- Да.

- Прелестная женщина. Это твоя?

Хотел бы Тристан ответить на этот вопрос утвердительно. Он схватил кружку и сделал большой глоток.

- Понятно, - сказал Кристиан.

- Что ты хочешь этим сказать? - сердито поинтересовался Тристан.

- Ничего. Я только заметил, что она очень хороша собой. И если она живет где-то неподалеку...

- Она вдова, - сказал Тристан, сам не зная, зачем добавил такую подробность. Но ему показалось важным сказать об этом Кристиану.

- Она выглядит слишком молодой, чтобы быть вдовой.

- Виновато плохое освещение. Она старше, чем выглядит.

- С такими иметь дело лучше всего, - сказал Кристиан, задумчиво кивнув и, казалось, не замечая растущего раздражения Тристана. - Они молоды и уже овдовели. Они уже достаточно опытные, чтобы утратить застенчивость, которая так раздражает. Однако все еще сохраняют привлекательность и бывают очаровательны.

- Давай поговорим о чем-нибудь другом.

- Почему?

- Потому что я не хочу обсуждать ее с тобой.

- Гм-м, - произнес Кристиан, задумчиво выпятив губу. - Ты находишь ее интересной?

- Она раздражает меня сверх всякой меры. - Это, по крайней мере, было правдой. Если она не заставляла его сходить с ума от вождления, то она его страшно раздражала. Делать это она была большая мастерица. - Нынче вечером я был с ней на званом обеде. Когда ты нашел нас, мы как раз возвращались оттуда.

- Как это приятно. Там были танцы? Я умею танцевать кадрили.

- Когда это ты успел научиться?

Кристиан лукаво улыбнулся, напомнив Тристану о бесчисленном количестве случаев, когда за

его лукавыми улыбками скрывалось все, что угодно, – от сообщения о лягушках, подобранных в постель гувернера, до предложения ускользнуть из-под бдительного ока матушки, чтобы поиграть с деревенскими мальчишками.

Но все это было давным-давно. И теперь Тристан не знал, каким человеком на самом деле является его брат.

- Нынче ночью мне несколько раз показалось, что ты намерен убить меня.

Кристиан, посмотрев ему прямо в глаза, сказал:

- Я не убийца.

- Именно это пытается внушить мне Ривс.

- Я еще никого не убил... пока, – усмехнулся Кристиан. – Но когда-нибудь такое может произойти. Я в этом уверен.

Тристан пожал плечами и чуть отодвинул в сторону ногу, чтобы спинка стула не давила на нее.

- О себе я не могу сказать того же. Я участвовал во многих морских сражениях и убил столько людей, что и не сосчитать.

Зеленые глаза Кристиана потемнели.

- Это тебя тревожит?

- Немного. Некоторые, как и я, сражались за свою страну. С такими было труднее всего.

- Могу себе представить. – Кристиан жестом показал служанке на пустые кружки, подмигнув ей при этом.

Тристан нахмурил брови.

- Тебе надо бы лечь в постель.

- Пустяки. Рана поверхностная.

- Достаточно серьезная, чтобы свалить тебя с ног.

Глаза Кристиана вдруг вспыхнули восхищением.

- Ты великолепно владеешь шпагой, братец. Я редко терпел поражения.

- Я не стремился одержать над тобой верх. Я хотел лишь подольше продержаться на ногах, но мне это не удалось. Слава Богу, Пруденс нашла этот пистолет... чему это ты, черт возьми, усмехаешься?

- Пруденс? Значит, эту леди зовут Пруденс?

- Именно так.

- Забавно.

Это и впрямь было забавно.

- Менее благоразумной женщины свет еще не видывал.

- В попытке спасти твою жизнь она выстрелила не один, а даже два раза. Причем успешно. - Кристиан пристально посмотрел на брата: - Судя по всему, она считает, что ты того стоишь. В этом я с ней полностью солидарен. Тристан... я так рад видеть тебя.

Тристан, перегнувшись через стол, схватил брата за предплечья.

- Я никогда не забывал о тебе. Никогда. И когда мне пришлось вытолкнуть тебя из окна... - Он был не в состоянии договорить фразу.

Кристиан с такой силой сжал руку брата, что обоим стало больно. Потом, сконфуженно улыбнувшись, он отпустил руку Тристана и утер глаза рукавом.

- Песок в глаза попал, - пробормотал он.

- Мне тоже. - Тристан закашлялся. - Ты не покалечился, когда я тебя вытолкнул? Меня всегда это беспокоило.

- Я думал, что сломал руку, но, как оказалось, это была просто ссадина. Трис, нам с тобой здорово повезло. Покойный герцог был отвратительным отцом, но мы, наконец, кое-что выиграли от родственной связи с ним.

- Поживем - увидим, - сказал Тристан, передвинув свою кружку к центру стола. - Ты знал, что я участвовал в Трафальгарском сражении вместе с Нельсоном? Именно там меня ранило в ногу.

- Ривс мне об этом рассказывал.

- После войны мне приказали прибыть в Лондон, чтобы встретиться с королем. В светском обществе каждый стремится познакомиться со мной, потому что Нельсон... Кристиан, ведь он умер на моих руках.

- Этого я, к сожалению, не знал.

- Когда я приехал в Лондон, со мной обращались как... как...

- Как с героем войны?

- Нет. Как с какой-то диковинкой. Каждый хотел услышать о смерти Нельсона, но не о том, каким он был человеком, - с явным отвращением сказал Тристан. - Им хотелось узнать какие-нибудь пикантные подробности его жизни, услышать о его слабостях, как будто они хотели заклевать его до смерти, хотя он уже умер. - Он посмотрел на Кристиана. - Я не хочу туда возвращаться. А здесь титул мне ни к чему. Вот деньги - это совсем другое дело. Они мне нужны, чтобы помочь моим людям.

- Ты получишь деньги.

- Я на это надеюсь, хотя если то, что рассказал Ривс, правда, эти попечители представляют собой кучку пустых и напыщенных фатов.

- Ну так пусти им пыль в глаза, и они от тебя отвяжутся.

- Видишь ли, я не мастер пускать пыль в глаза, - мрачно промолвил Тристан, окинув брата

взглядом. – Это ты всегда умел одеться, даже будучи ребенком.

– Мы с матерью оба любили красивые вещи, – вздохнув, согласился Кристиан. – Знаешь, я до сих пор вижу ее во сне.

– Я тоже.

Они на мгновение замолчали. Кристиан откинулся на спинку стула, стараясь не беспокоить раненый бок. На губах его снова появилась улыбка.

– Знаешь, я все еще не могу поверить, что ты здесь.

– Я тоже.

Они помолчали, глупо улыбаясь друг другу.

– Кристиан, я намерен использовать эти деньги для своих людей. А как ты собираешься распорядиться своей частью?

Благодушное выражение исчезло с лица Кристиана. Он спокойно сказал:

– А я сделаю то, что хотел сделать еще тогда, когда мне было десять лет: я разыщу человека, по вине которого мать бросили в тюрьму. – Его глаза сверкнули в задымленной таверне. – Тристан, я уже вышел на след того, кто предал мать. Я должен поехать в Лондон. Все ответы находятся там. – Кристиан вздохнул. – Полагаю, что отец действительно помог нам.

– С опозданием на двадцать лет.

Кристиан встретился взглядом со служанкой и подмигнул ей.

– Еще эля, дорогуша.

Она подмигнула в ответ и удалилась. Кристиан с одобрением посмотрел ей вслед.

– Бегаешь за юбками, а?

Кристиан притворился обиженным.

– Нет, не бегаю. Я их ловлю.

Тристан покачал головой.

– Да, застенчивостью ты никогда не отличался.

– Я люблю женщин с тех пор, как сумел оценить их по достоинству. И их притягательная сила неизменно действует на меня.

– Видимо, ты все-таки унаследовал кое-какие склонности от нашего папаша.

Улыбка сползла с лица Кристиана.

– Никогда больше не говори этого.

– Или что? – усмехнулся Тристан.

- Не поддразнивай меня! - Кристиан прищурил глаза и радостно улыбнулся.

Это была старая игра, в которую они играли бесчисленное множество раз. Тристан вдруг почувствовал, как легко на сердце ему стало. Если бы не тревога по поводу прощального взгляда Пруденс, он чувствовал бы себя невероятно счастливым человеком.

Кристиан склонил голову набок.

- Ты что же, совсем больше не выходишь в море?

- Я не могу сохранять равновесие. Капитан, который не может устоять на палубе, когда корабль качает, такая же несуразица, как устрица, впряженная в телегу.

- Я люблю устриц. В Лондоне я всегда покупаю их у уличных торговцев.

- Великолепно. Меня низвели до уровня пищи с лотка уличного торговца.

Кристиан одарил его белозубой улыбкой.

- Твое дело - превращаться в страшного великана-людоеда, а мое - напоминать тебе, что ничто человеческое тебе не чуждо.

- Большое спасибо. Не знаю, как я жил без тебя все эти годы.

- Судя по всему, плохо жил.

Тристан кивнул, хотя и не был вполне уверен, что Кристиан прав. Тристан хорошо питался. В его доме было тепло и уютно. Его окружали преданные ему люди. А если возникала потребность, его в любое время были готовы с радостью принять девицы из таверны в ближайшем городишке.

И если бы у него было побольше монет, чтобы помочь своим парням, его жизнь можно было бы считать идеальной. Если бы не Пруденс...

Теперь в его доме то одно, то другое напоминало о Пруденс: кресло по-прежнему стояло до смешного близко к дивану, стол для завтрака теперь прочно обосновался в библиотеке, а в прихожей Стивенс прибил специальный крючок для ее плаща. Все это были, конечно, мелочи, но они каким-то непостижимым образом создавали нечто похожее на домашнюю атмосферу.

У него защемило сердце. Он жил во многих местах. Побывал в разных странах. Спал со многими женщинами. Но ни одна из них не смогла заставить его почувствовать домашнее тепло.

Был у него когда-то дом. Но его у Тристана отобрали, когда была арестована мать. Боль, которую ему причинили, до сих пор преследовала его. Не надо ему никакого другого «дома». А надо ему...

Проклятие! Он больше и сам не знал, что ему надо. Когда-то он мог поклясться, что если сможет снова плавать, то большего ему в жизни не нужно. Теперь... теперь он не был в этом уверен. Вся его жизнь казалась пустой и даже бесполезной. Тысяча чертей! Что с ним происходит? Неужели все дело в Пруденс? Неужели одна мысль о том, что он ее никогда больше не увидит, заставляет его чувствовать себя таким несчастным? Она проникла в его жизнь и изменила ее, а он даже не понял, что произошло.

- Тристан?

Он взглянул на Кристиана.

Брат придвинул свой стул поближе к нему и внимательно смотрел на него.

- Тристан, что тебя гложет? Ты то и дело отключаешься, как будто что-то не дает тебе покоя.

- Пруденс.

- Ты влюбился.

- Заткнись...

- Я вижу все симптомы. Ты, мой дорогой братец, глубоко влюблен. Можно сказать, по уши.

Тристан взлохматил рукой волосы.

- Да, она мне нравится, но...

Кристиан наклонился к нему. Он уже не шутил.

- Когда дело идет о любви, не должно быть никаких «но», Тристан. Если ты любишь ее, то должен что-то предпринять. – Он медленно поднялся со стула, потирая бок и морщась от боли.

- Жизнь переменчива. Если ты хочешь эту леди, то сделай ее своей. Иначе... – Кристиан пожал плечами. – Иначе она уйдет, а ты снова останешься один.

Справедливость этих слов, словно нож, пронзила Тристана. Однако эти слова также придали ему решимости. Кристиан прав. Незачем медлить. Завтра же он отправится к Пруденс и все уладит. Он взял свою трость и поднялся на ноги.

- Спасибо, Кристиан. Я сделаю так, как ты сказал.

Как хорошо, что брат вернулся в его жизнь. Теперь ему было нужно лишь убедить Пруденс, что ее место тоже там, в его жизни.

Глава 19

В чрезвычайных обстоятельствах ни один образцовый дворецкий не остановится перед действиями, которые в обычной обстановке могли бы показаться отвратительными утонченному человеку знатного происхождения. Однако чрезвычайные обстоятельства требуют принятия чрезвычайных мер.

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Пруденс удивленно заморгала.

- Прошу прощения. Что вы сказали?

Миссис Филдингс хмыкнула.

- Я сказала, что капитан... или герцог... или кем бы он ни был, находится здесь. В гостиной.

Пруденс, сидевшая в спальне перед зеркалом со щеткой в руке, взглянула на свой пеньюар.

- Он находится здесь сейчас?

Миссис Филдингс сложила на груди руки.

- Кошке, которая играет с клубком, следует опасаться запутаться в нитках.

- Меня не интересуют ни кошки, ни нитки. Сейчас только половина восьмого утра! - Отложив щетку, Пруденс торопливо собрала волосы в аккуратный пучок на затылке. С помощью экономки она быстро оделась и спустилась по лестнице.

Что ему надо? А может быть... В сердце шевельнулась слабая надежда - может быть, он пришел, чтобы сказать, что любит ее?

При одной лишь мысли об этом сердце Пруденс гулко забилося. Что, если это так? Будет ли это означать, что он расстался с мечтой снова скитаться по морям и вести свободную, не связанную никакими обязательствами жизнь? Будет ли он счастлив, приняв такое решение?

Пруденс открыла дверь в гостиную. Тристан стоял перед камином, задумчиво глядя на танцующие язычки пламени. На нем был надет один из новых однобортных сюртуков, заказанных для него Ривсом, волосы аккуратно стянуты на затылке, а его сапоги для верховой езды сверкали как зеркало.

Он был так красив, что она даже споткнулась, хотя быстро скрыла смущение за веселым приветствием:

- Доброе утро, милорд! Надеюсь, что ночное волнующее приключение обошлось без неприятных последствий?

При виде ее у него потемнели глаза.

- Пруденс.

Она присела в глубоком реверансе.

- Доброе утро, - повторила она, надеясь, что он последует ее примеру и перейдет на более официальный тон, что было бы проще для них обоих. Пруденс уселась перед камином и жестом предложила ему сесть в кресло, стоявшее напротив.

Тристан сел, поставив трость рядом. Этим утром он тоже выглядел усталым. Только эта усталость да порез на подбородке напоминали о том, что ночные события были реальностью.

- У тебя здесь может остаться шрам, - сказала она, прикасаясь рукой к собственному подбородку.

- К шрамам мне не привыкать.

Пруденс кивнула.

- Как твоя рука?

- С ней все в порядке. Пруденс, мы должны...

- А как твой брат?

У Тристана потеплел взгляд.

- Прошлой ночью я провел с ним более часа. Мне очень его не хватало.

За этими словами скрывалось множество эмоций.

- Я рада, что ты его нашел.

- Спасибо. Но я пришел, чтобы поговорить не об этом. Прошлой ночью у нас не было времени, чтобы обсудить, что происходит между нами. Я принял решение, Пруденс. Мы должны пожениться.

Пруденс, кажется, даже дышать перестала.

- Должны?

- Это был бы правильный шаг.

Она внимательно посмотрела на него. В выражении его лица не было радости, а была лишь суровая целеустремленность человека, исполняющего свой долг.

У нее упало сердце. Долг. Он всего-навсего чувствовал себя виноватым...

- Нет.

Тристан помрачнел.

- Нет? Почему, черт возьми, ты говоришь «нет»?

- Я однажды была замужем. Филиппа и меня объединяли любовь, уважение, общие интересы, взаимопонимание... У нас же ничего этого нет, Тристан.

Он нахмурил брови.

- Но нам хорошо быть вместе и...

- Нас связывает страсть - и ничего более. А этого недостаточно. - Вздохнув, она поднялась с кресла. Он тоже встал, опираясь на трость.

- Для меня этого достаточно, - тихо сказал он. - У меня ни разу в жизни не возникало желания жениться. А теперь я не вижу никаких причин, чтобы не жениться. Разве этого не достаточно?

- Это все, что ты можешь сказать?

У Тристана задвигались желваки на скулах.

- Мне приятно быть в твоей компании.

Очень мило. Она думала, что взорвется от чувств, а он думал, что она «приятный компаньон». На глазах ее выступили слезы.

- Тристан, ты должен кое-что знать. Двое из попечителей пострадали от инвестиционных проектов Филиппа. Я уехала из Лондона в разгар скандала. Филиппа уже не было в живых, но страсти все еще не улеглись. И если эти двое членов совета - лорды Уэр и Саутленд - увидят

нас вместе, им не понравится. Они потребуют, чтобы ты никогда больше не встречался со мной.

Она ждала его реакции, но Тристан лишь пожал плечами.

- В таком случае мы им об этом не сообщим. Я просто скажу, что ты была моей наставницей. А получив деньги, я смогу сделать все, что пожелаю. И женитьба на тебе послужит им хорошим уроком.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

- Я не стану прятаться от них. Ни сейчас, ни в дальнейшем.

- Я не предлагал тебе прятаться, просто... - Он провел рукой по лицу, как будто не находя подходящих слов.

Пруденс не знала, что сказать. Все было даже хуже, чем она предполагала. Он хотел сохранить их отношения в тайне, а потом, когда это больше не будет иметь значения, щеголять ими как символом своего мятежного духа.

- Я польщена, - резко сказала она, не сумев скрыть обиды.

Он с озадаченным видом взглянул на нее:

- Пруденс, я действительно решил это сделать.

- Я не верю этому, Тристан Ллевант, и замуж за тебя не выйду. Ни сейчас. Ни завтра. Никогда.

Он удивленно посмотрел на нее:

- Что ты сказала?

- Ты меня слышал. Я не желаю участвовать в этой комедии. А теперь извини, меня ждут дела. И не приходи больше. Нам нечего сказать друг другу. - С этими словами она повернулась и вышла из комнаты. Как только закрылась дверь, она подхватила юбки и взбежала вверх по лестнице. Слезы хлынули из глаз, когда она еще не добежала до своей комнаты, но ей, по крайней мере, удалось избежать конфуза и не расплакаться на глазах у человека, которого любила.

- Гм-м, - задумчиво произнес Ривс и покачал головой. - Не знаю, что и сказать, милорд. Я бы посоветовал вам забыть о миссис Тистлуэйт.

- Забыть о ней?

- Да, милорд. Похоже, миссис Тистлуэйт вы нравитесь меньше, чем вам казалось. - Ривс махнул рукой. - Я бы на вашем месте забыл о ней и нашел другую. Имея герцогство и деньги в кармане, вы можете выбрать любую женщину в округе. Возможно, не только в округе, а во всей стране. - Голубые глаза Ривса встретились с глазами Тристана. - Зачем останавливать выбор на вдове? Вы можете выбрать что-нибудь получше.

Тристан скрипнул зубами.

- Я не желаю никого другого.

Ривс пожал плечами и взял поднос.

- Я бы посоветовал вам подумать денек-другой и принять решение. Спешить некуда, потому что, как вы сказали миссис Тистлуэйт, вы все равно не сможете жениться на ней, пока не уедут попечители. А тем временем ее, возможно, сможет утешить доктор. - Дворецкий направился к двери.

- Ривс?

- Да, милорд.

- Когда я предложил ничего не говорить попечителям, я не имел намерения обидеть Пруденс.

- Конечно, нет, милорд. Я уверен, что вы этого не хотели. Но эти слова, должно быть, показались ей довольно... обидными.

Тристан потер лоб.

- Я извинюсь перед ней. Я хочу, чтобы она была в моей жизни.

- Позвольте спросить почему, милорд.

Почему? Потому что он не мог представить себе жизни без нее? Потому что его счастье полностью зависело от нее? Почему-то нужные слова не приходили в голову. Тристан взглянул на нетронутый завтрак:

- Я не люблю завтракать в одиночестве.

Ривс проследил за взглядом Тристана.

- Понятно, милорд. Завтракать одному весьма неприятно. Это дилемма, милорд.

- Черт возьми, я это знаю!

- Да, милорд. Если вы сделаете предложение миссис Тистлуэйт сейчас, то рискуете потерять деньги. Но если вы сделаете предложение только после отъезда попечителей, это может выглядеть так, словно вам нужна не столько она, сколько деньги. Однако я уверен, что вы что-нибудь придумаете, - сказал дворецкий и вышел за дверь.

«Тысяча чертей! - пробормотал Тристан. - Зачем иметь дворецкого, если он ничего не может придумать?»

Тристан уставился на огонь, чувствуя себя растерянным и одиноким. Боже милосердный, он сам все испортил. Что же ему теперь делать?

* * *

В библиотеке громко тикали часы. Тристан этого не замечал. Поднос с завтраком убрали, его сменил поднос с ленчем, за которым несколько часов спустя последовал поднос с обедом. Тристан не прикоснулся к пище, предпочитая подкрепляться бренди.

Алкоголь не решит его проблем. Он это понимал. Но бренди приглушало боль, давая возможность думать. Тристан поднялся на ноги и торопливо схватился за трость. Все тело у него болело после ночного приключения.

Поморщившись, он взял свой стакан и подошел к сервировочному столику, но обнаружил, что графин, в котором было бренди, пуст.

- Тысяча чертей! Стивенс!

Не получив ответа, Тристан громко выругался и, подойдя к двери, выглянул в коридор.

- Черт бы тебя побрал, Стивенс! Где ты?

Ответа не было.

- Ривс! - взревел Тристан.

Почти сразу же послышались приближающиеся размеренные шаги. В коридоре появился Ривс и остановился, увидев Тристана.

- Что вам угодно, милорд?

- Мне нужно еще бренди, а Стивенс неизвестно куда исчез.

- Он и еще несколько человек находятся на кухне, где чинят по просьбе повара ножку стола. - Ривс вошел в комнату и взял пустой графин. - Что-нибудь еще, милорд?

Да. Этот вышколенный дворецкий мог бы привести к нему Пруденс. Вот было бы здорово! Но это было невозможно. Тристан знал, как упряма Пруденс.

- Нет. Только принеси это проклятое бренди.

- Да, милорд. - Ривс с достоинством поклонился и стал удаляться по коридору.

Тристан смотрел ему вслед, испытывая какое-то чувство вины. Он был в скверном настроении и знал это. Надо было что-то сделать, чтобы оправдаться перед Пруденс. Тяжело вздохнув, он вернулся в библиотеку. Войдя в комнату, он сделал два шага и остановился как вкопанный. Там сидел перед камином, вытянув к огню обутые в сапоги ноги, Кристиан.

Заметив изумление на лице Тристана, он усмехнулся.

- Добрый вечер, брат.

Тристан взглянул на дверь, ведущую на террасу.

- Как, черт возьми, ты попал сюда? Дверь была заперта.

- Я ее открыл.

- Каким образом?

- А вот этого я тебе не скажу, потому что не хочу нарушать клятву, данную разбойничьему братству.

Тристан дохромал до кресла, стоящего рядом с Кристианом.

- Разбойничье братство? Очень мило. - Он тяжело опустился в кресло. - Я предложил бы тебе бренди, но в данный момент у меня его нет.

Кристиан сунул руку в карман и извлек фляжку. Он взял с сервировочного столика пустой стакан Тристана, отвинтил крышку фляжки и налил в стакан щедрую порцию.

- Держи. Думаю, что этот напиток лучше, чем тот, что имеется у тебя.

Тристан отхлебнул глоток. Бренди было душистое и пахло дымком.

- Где ты это взял?

- А это одно из преимуществ членства в разбойничьем братстве, - сказал Кристиан и, отхлебнув из фляжки, удовлетворенно вздохнул. - Вот и ладно, а то, знаешь ли, чертовски холодно.

- Да, - согласился Тристан, вновь мысленно возвращаясь к ситуации с Пруденс.

В комнате на какое-то время воцарилось молчание. Наконец Кристиан, вздохнув, сказал:

- Здесь, конечно, очень уютно, но я должен спросить: зачем ты посылал за мной?

- Я не посылал.

- Но я получил записку. В ней говорилось, что я тебе нужен.

- Ох уж этот Ривс, - сердито пробормотал Тристан. - Вечно во все вмешивается.

- Кристиан приподнял брови.

- Значит, я тебе не нужен?

- Со своими проблемами я справлюсь сам.

- Гм-м, - произнес Кристиан, окидывая взглядом его довольно неопрятную одежду. - О каких проблемах идет речь?

- Пруденс.

- Понятно, - сказал Кристиан и взял пустой стакан Тристана. - Боюсь, что в этом от меня мало толку. Но я, по крайней мере, могу разделить твою печаль. - Он налил еще немного бренди в стакан и протянул его Тристану. - Что произошло?

- Я все испортил. Я попросил ее выйти за меня замуж.

- О Господи, я и не подозревал, что все так серьезно.

- Да, все серьезно. По крайней мере, я так думал. Но когда я предложил ей выйти за меня замуж, она отказалась.

- Она объяснила тебе причину отказа?

- Думаю, что нет.

- Она не сказала ни слова? Даже не намекнула? Вообще никак не отреагировала?

У Тристана вспыхнуло лицо.

- Нет. Я сказал, что хочу жениться на ней, но только после отъезда попечителей.

Кристиан взял флягу и завинтил крышку.

- Что ты делаешь? - удивился Тристан.

- Я не делюсь своим бренди с болванами.

- Но она согласилась со мной. Она сама сказала, что попечители не одобрили бы наш брак. Ее муж умер в разгар скандала, и она покинула Лондон, оказавшись в эпицентре слухов. Тогда были затронуты интересы некоторых из попечителей, которые отнеслись к ней недоброжелательно.

- Мне кажется, слово «доброжелательный» едва ли применимо в качестве характеристики друзей отца. Что ты ответил на все это?

- Что нам не обязательно рассказывать что-нибудь попечителям. Что мы могли бы сохранить это в тайне.

- Боже милосердный! - воскликнул Кристиан, поставив фляжку на пол подальше от Тристана. - Я больше до конца жизни не принесу тебе ни капельки этого первоклассного бренди.

- Ну и не приноси! - огрызнулся Тристан.

- Ты хотя бы сказал, что любишь ее? Что не можешь и дня прожить без нее? Что глаза ее - словно звезды в ночи, а ветерок нежно ласкает ее шелковистые волосы?

- Что за чушь! - сердито пробормотал Тристан.

- Это поэзия, - высокомерно заявил Кристиан.

- У меня не было возможности высказаться подробнее, а если бы была, то Пруденс рассмеялась бы мне в лицо и выставила вон. Правда, она все равно меня прогнала.

Кристиан печально покачал головой.

- И это говорит мой родной брат! Как ты можешь быть таким глупцом, когда речь идет о женщинах?

- Не понимаю, почему мои действия показались ей такими ужасными? Она знает, что если я сделал ей предложение, то это означает, что она мне безразлична. Зачем бы еще я стал это делать?

- Тристан, поставь на мгновение себя на ее место. Вот приходит мужчина, чтобы предложить тебе выйти за него замуж. Однако вместо того чтобы сказать, что любит тебя, он объясняет, что хочет жениться на тебе, но пока не может, потому что боится мести со стороны тех самых людей, из-за которых тебе пришлось уехать из Лондона. И поэтому, если ты не возражаешь, он спрячет тебя в шкафу, пока не уедут попечители. А потом, когда минует опасность вызвать гнев попечителей, он достанет тебя из шкафа, стряхнет пыль и примется строить планы относительно брачной церемонии.

Тристан вздохнул.

- В твоем изложении это звучит еще хуже, чем было, - сказал он и за один глоток допил

бренди. – Я не хотел, чтобы все выглядело так некрасиво. Просто подумал, что мог бы и деньги получить, и Пруденс сохранить при себе. Похоже, ей кажется, что я буду сожалеть о том, что женился на ней. Я, конечно, сожалеть не буду, но она так думает.

– Это потому, что ты не сказал, что любишь ее, глупец ты этакий. – Кристиан склонил набок голову и, прищурился глазами, посмотрел на брата. – А ты действительно любишь ее, не так ли? – тихо спросил он.

– Да. – Моментально ответил Тристан, как будто ждал этого вопроса. – Я люблю ее безумно. Было время, когда я думал, что никогда больше не буду счастлив без моря. Но теперь, когда я узнал Пруденс... Кристиан, что-то во мне изменилось. Мне всегда будет не хватать моря, но если бы у меня была возможность плавать, но не было бы Пруденс, меня бы это не удовлетворило. Однако если у меня будет Пруденс, но не будет моря... – Тристан пожал плечами, – я буду счастливейшим из смертных.

– Почему ты не сказал ей все это?

– Я не думал, что это имеет значение. Я считал, что женюсь на ней, а потом уж расскажу о своих чувствах.

Кристиан вздохнул:

– Уж эти мне мужчины!

– Притормози. Ведь ты сам мужчина.

– Да, но в отличие от тебя, который провел всю жизнь в море исключительно в мужском обществе, я окружал себя женщинами. Это открыло мне глаза на многие вещи.

– Временами ты вызываешь у меня беспокойство, – нахмурился Тристан.

– Тебе повезло, что я здесь. Мы должны вместе обмозговать эту проблему и найти выход.

– Хотел бы я, чтобы нам это удалось. Кристиан, ведь если я сделаю ей предложение сейчас, то потеряю деньги, необходимые для моих людей. А если не сделаю, то она никогда до конца не поверит, что интересуется меня больше, чем деньги, хотя на самом деле это так. Без нее не нужны мне никакие деньги.

– Положение действительно трудное, – сказал Кристиан. – Но будем делать все по порядку. Ты должен увидеться с ней и извиниться.

– Я уже пытался.

– Попытайся еще раз. И еще. И еще. В конце концов, она тебя примет.

– Для того лишь, чтобы ответить мне отказом. Она не из тех женщин, которые легко прощают. Клянусь, я не хотел ее обидеть, хотя... теперь я, кажется, понял, что в моих словах было плохого. И даже ужасного.

Кристиан кивнул.

– Еще будучи ребенком, ты никогда не умел как следует выразить свои мысли. Но я пришел сюда, чтобы помочь тебе. Женщины в моей жизни сильно отличаются от твоей Пруденс. Плохие не желают уходить, а хорошие не желают оставаться. Обычно они хотят стабильности

отношений. Ишь, чего придумали! Разве они не знают, что я сын герцога? Откуда взяться стабильности отношений?

Тристан рассеянно улыбнулся.

- Если тебе надоест быть виконтом, ты всегда можешь попытаться удачи на театральных подмостках. Ты всегда был... - Не закончив фразы, он замолчал, кое о чем вспомнив. Интересно, нет ли возможности как-нибудь показать Пруденс, насколько сильно он ее любит? Мысль стала обретать форму плана. Но сможет ли он? Тристан отодвинул от себя стакан. Ему потребуется все обдумать на свежую голову. Он взглянул на брата. - Кристиан, - сказал он, впервые за весь вечер радостно улыбнувшись, - мне потребуется твоя помощь. Я знаю, что надо делать.

Кристиан замер, не донеся до рта флягу.

- Приказывайте, братец капитан. Я полностью в вашем распоряжении. Но помните одно: если план не сработает, мне будет предоставлено право самому добиваться расположения прелестной вдовы.

Улыбка сползла с физиономии Тристана.

- Никогда! А теперь брось свое позерство, шут гороховый. Нам предстоит работа.

Глава 20

Мне нередко приходилось слышать, что, мол, «не хлебом единым жив человек». Я полностью с этим согласен. В конце концов, много ли значит хлеб, если его не запить глотком вина?

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Пруденс откинула одеяло и нетерпеливо сбросила ногой простыню. Она уже целую неделю не виделась с Тристаном. Он приходил каждый день и просил разрешения поговорить с ней, но она отказывалась его принять. Она убеждала себя, что поступает правильно, потому что это дает ей возможность мерить шагами комнату, размышляя над последними словами Тристана.

А устав сновать по комнате, она, стараясь не замечать жалостливых взглядов матери и ее глубоких вздохов, ложилась в постель и притворялась спящей. Как сейчас.

- Если я не прекращу все это, меня упекут в психушку, - вслух сказала Пруденс. Вздохнув, она поднялась и, накинув на плечи шаль, бесцельно направилась к окну. Было еще слишком рано, чтобы ложиться спать. Но она в течение четырех часов выслушивала предположения матери относительно того, зачем сегодня приходил герцог, и почему дочь не приняла его, и чаша ее терпения, в конце концов, переполнилась.

Разумеется, заснуть было невозможно. И не только потому, что было слишком рано. С тех пор как они последний раз виделись с Тристаном, она, кажется, не спала более двух часов подряд.

Она раздвинула шторы и выглянула в окно, положив локти на подоконник. Заходящее солнце уже скрылось за горизонтом. На небе появилась луна, и ветви деревьев рельефно выделялись в ее свете.

Она прислонилась лбом к стеклу, глядя в окно невидящим взглядом. Как там Тристан? Сегодня

его должны были посетить попечители. Пруденс надеялась, что он не забудет, как надо вести себя, как обращаться к каждому из попечителей, как встретить их в своей библиотеке – то есть все то, что будет характеризовать его как джентльмена в глазах попечителей.

Конечно, они никогда не увидят настоящего Тристана, который заботится о своих людях, хотя постоянно орет на них. Того, чьи глаза темнели от боли, когда он говорил о своей матери. Того, который смотрел на нее с такой нежностью...

Она беспокожно поежилась. Зачем она думает о Тристане? У их отношений нет будущего. Он предложил ей выйти за него замуж из чувства долга, а не по какой-либо другой причине. Более того, если попечители узнают об их связи, они вполне способны урезать его доход.

Она вздохнула, плотнее закутавшись в шаль. Лампы она не зажигала, а вокруг было темно и тихо. Только тиканье каминных часов нарушало тишину.

Тонкий серп луны освещал сад, и Пруденс рассеянно наблюдала, как раскачиваются на ветру деревья. Неожиданно она заметила, как медленно открылась калитка...

Она поморгала, подумав, что ей это показалось. Но нет. В калитку, пятась, входил закутанный в плащ человек, таща за собой что-то на веревке. Пруденс наклонилась вперед, напряженно вглядываясь в фигуру человека, и охнула. На веревке вели овцу!

Схватив из гардероба домашнее платье, Пруденс быстро переоделась и выбежала из комнаты, встретившись на лестнице с миссис Филдингс.

- Куда это вы? – подозрительно спросила экономка.

- Кто-то проник в наш сад!

Экономка последовала за ней.

- Я только что вычистила ваш плащ. Он висит на вешалке возле входной двери.

- Мне не нужен плащ. Я намерена выяснить раз и навсегда, кто приводит овцу в наш сад!

- Мудр тот человек, который, услышав шипение змеи, проявляет осторожность, – поучительно заявила экономка.

- Похоже, эта змея носит плащ.

Миссис Филдингс хмыкнула.

- Насколько я знаю, воры не носят плащей.

Остановившись у входной двери, Пруденс сняла с вешалки свой плащ и бросила на столик шаль.

- Эта змея носит не просто плащ, но плащ с отделкой.

Миссис Филдингс окинула Пруденс настороженным взглядом.

- Вы сказали, что плащ с отделкой? С какой?

- Я видела его всего в течение нескольких секунд из окна своей комнаты, но мне показалось,

что он отделан по краю капюшона... – Пруденс взглянула на вешалку. Плаща матери там не было. Красного. С отделкой из меха горносталя.

Пруденс взглянула на миссис Филдингс, лицо которой приобрело какой-то странный багровый оттенок.

– Вам что-нибудь об этом известно?

Сухопарая экономка сложила на груди руки.

– Благоразумный человек держит свои знания под замком, чтобы не растерять их по мелочам.

У Пруденс не было времени выслушивать назидания.

– Как видно, мне придется все выяснить самой, – сказала она и взялась за ручку двери, но миссис Филдингс ее опередила и загородила дверь собственным телом.

– Дайте пройти!

– Сердце разгневанного человека...

– Миссис Филдингс, вы видите мой кулак? Тот, на котором сейчас надета перчатка?

У экономки округлились глаза.

– Вы мне угрожаете?

– Да! – заявила Пруденс.

Это, кажется, привело экономку в полное замешательство. Пока она лихорадочно подыскивала подходящую назидательную фразу, Пруденс протянула руку за спиной женщины и открыла дверь. Получив при этом увесистый удар в зад филенкой двери, экономка охнула и мгновенно отошла в сторону. Пруденс, игнорируя ее протесты, вышла в сад. Подойдя к калитке, она остановилась, сложив на груди руки.

– Добрый вечер, мама, – спокойно сказала она.

Мать, охнув от неожиданности, обернулась.

– Боже мой! Ты напугала меня до смерти!

– Я напугала тебя? Разве это я украдкой привожу овцу в сад?

Мать оглянулась через плечо. К веревке, которую она держала в руке, была привязана очень толстая, очень медлительная и абсолютно равнодушная к происходящему овца.

– Узнаю эту овцу, – сказала Пруденс.

Похоже, овца поняла, что говорят о ней, потому что открыла рот, обнажив крупные желтые зубы, и издала громкое блеяние.

Пруденс покачала головой:

– Так это ты все время приводила овцу капитана в наш сад? Зачем ты это делала, мама?

Мать беспомощно развела руками.

- Понимаю, что это выглядит некрасиво, – сказала она, – но я... я никогда не думала... я ведь совсем не хотела...

Пруденс подняла руку.

- Давай войдем в дом, пока мы не замерзли до смерти. Может быть, там ты сможешь сказать что-нибудь более связное.

- Хорошо. Но сначала мне нужно покормить Гортензию.

Пруденс удивленно вскинула брови.

- Гортензию?

- Нашу овечку. То есть овечку герцога. – У матери хватило такта, чтобы признать, что она виновата. – Я всегда ее подкармливаю, когда она появляется. Только так я могу заставить ее следовать за мной. Обычно я только открываю калитку, и она входит. Но сегодня она почему-то упрямится. – Мать взглянула на овцу, которая стояла у калитки, ощипывая листочки с кустарника. – Думаю, она на меня обиделась. Я последнее время не приводила ее в гости, а она очень обидчивая.

- Нет у овец никаких чувств, – сказала Пруденс. – Объясни мне лучше, что все это значит. А я попрошу миссис Филдингс приготовить нам чаю. – С этими словами Пруденс вошла в дом. Экономка с мрачным видом стояла в прихожей.

- Я предупреждала хозяйку, что вес это плохо кончится.

- Вы знали, что мама приводит овцу к нам в сад?

- Я не сразу об этом узнала. Она все делала скрытно. Но когда я заметила, что ее плащ промок, я поняла, что она выходила из дома. – Миссис Филдингс улыбнулась, очень довольная своей догадливостью. – А потом уж мне нетрудно было догадаться, откуда ветер дует.

- Не приготовите ли чай, миссис Филдингс? Нам с мамой надо поговорить.

- Чай уже готов. Я догадалась, что вам захочется чаю, чтобы успокоить нервы. И камин в гостиной я разожгла. Можете поговорить там, но только никаких криков! Я подам чай и снова лягу в постель.

Сделав это предупреждение, миссис Филдингс удалилась на кухню, а Пруденс направилась в гостиную. Ее родная мать... Как она могла пойти на такое?

Пруденс припомнила все случаи, когда она, пылая гневом, являлась к капитану и отчитывала его за поведение овцы. Боже, что он, должно быть, думал о ней тогда! И что, должно быть, думает сейчас... Она закрыла глаза, чувствуя, что вот-вот расплачется.

Мать, снимая на ходу плащ, вошла в комнату. Подол ее платья промок, к рукаву пристали соломинки.

- Пруденс, я не знаю, что и сказать.

- Просто объясни, с какой целью ты все это затеяла.

- Боже мой! - запричитала мать, ломая руки. - Не смотри на меня так! Я не хотела никому причинить зла. Поверь, я это делала из самых лучших побуждений!

- Ты обманула меня.

- Совсем немножко. В первый раз я не заметила Гортензию, она явилась сама.

Пруденс приподняла брови.

- Не смотри на меня так, как будто думаешь, что я лгу! Я говорю правду! - Взяв Пруденс за руку, мать повела ее к дивану. - Пруденс, ты должна понять.

- Думаю, что я понимаю.

- Нет, не понимаешь. - Мать села на диван и заставила Пруденс сесть рядом. - Когда мы переехали сюда, до меня вдруг дошло, что если для меня это начало нового дела, то для тебя - нечто вроде ссылки.

- Меня вполне устраивает моя судьба, - сказала Пруденс. Вернее, устраивала, пока она не испытала магическое воздействие объятий Тристана. Объятий, которые ей больше никогда не суждено почувствовать. У нее комок встал в горле.

- Пруденс, - тихо сказала мать, потрепав ее по руке. - Я понимала, что мы переезжаем в глухомань, но когда мы приехали, мне показалось, что мы отрезаны от всего мира. Не этого я хотела для тебя. А потом я увидела герцога - в то время он был, конечно, не герцогом, но показался мне идеально подходящим для тебя мужчиной.

- Идеально подходящим? Он вел себя грубо и нагло и не желал иметь с нами ничего общего!

- Ну, не считая этого, он идеально подходил для тебя, - торопливо внесла поправку мать. - У него, должно быть, нелегкий характер. Но, судя по всему, он добр, потому что позволяет всем этим раненым морякам жить в своем доме. Сразу видно, что он честен и храбр, и есть в нем еще что-то такое... - Мать беспомощно пожала плечами.

Пруденс знала, что делает Тристана одним-единственным человеком, на которого можно опереться, оказавшись в безвыходном положении. Он был надежен и добр и не проходил мимо чужой беды. И она любила его всем сердцем.

Мать вздохнула.

- Я сожалею, что обманула тебя насчет овцы. Но я была обязана что-то предпринять. Герцог упрям и не желал по-соседски навестить нас. Но он был единственным мужчиной в округе, кроме доктора, конечно, который абсолютно для тебя не подходит...

- Я думала, тебе нравится доктор.

- Да, нравится. Но для тебя он слишком слабохарактерный. И часу не пройдет, как ты станешь верховодить в ваших отношениях, тем дело и кончится.

- Мама! - с упреком воскликнула Пруденс.

Мать смутилась.

- Но это правда. Ты во многом похожа на меня, а у меня всегда была эта проблема. Хотя, если

говорить честно, я никогда не была такой прямолинейной, как ты, но это лишь потому, что меня по-другому воспитывали.

- Не понимаю, то ли ты меня хвалишь, то ли осуждаешь.

- Хвалю. Только сильный характер одного из супругов не обязательно сулит удачный брак. Надо, чтобы партнер тоже обладал сильным характером.

Пруденс не могла не улыбнуться:

- Как папа?

- Вот именно. Слава Богу, что он был таким, каким был, иначе из нашего брака ничего не получилось бы. - Мать вздохнула. - Знаешь, я ведь до сих пор по нему скучаю.

Пруденс кивнула.

- Иногда я тоже думаю о Филиппе... Но, мама, теперь все это не имеет значения. Мы с Тристаном - я хочу сказать, с герцогом - больше даже не разговариваем.

- А вот когда капитан стал герцогом, я убедилась, что поступаю правильно!

- Мама, мне безразлично, герцог он или нет.

- Но мне это небезразлично. Ты заслуживаешь герцога. Даже королевского герцога. - Мать на мгновение задумалась. - Я даже могу представить тебя с принцем, хотя после того, как однажды в юности я увидела принца с близкого расстояния, и он вызвал у меня отвращение, потому что был чудовищно толст, я этого никому не пожелаю.

Пруденс вздохнула.

- И на том спасибо. Но я никогда не знала, что ты такая скрытная.

- Раньше у меня не было причины держать что-либо в тайне. Поразительно, что может сделать мать ради своих детей. Сначала я чувствовала себя виноватой, хотя бедняжка Гортензия обычно бывает весьма послушной. От меня лишь требуется сунуть в карман кусочек яблока и позволить ей учуять его запах. Она, жадное создание, последует за тобой хоть на край света, лишь бы получить лакомый кусочек.

Пруденс сжала руку матери.

- Я уверена, что Гортензия хорошая овечка. А что касается герцога, то у наших с ним отношений нет будущего. Так что обещай мне, что больше не будешь ничего предпринимать.

Мать хмыкнула.

- Ты, я вижу, умыла руки. Но только не я.

- Мама, одним из попечителей является лорд Уэр.

Мать побледнела.

- Тот, кто рассказал всем, что ты... - Мать сжала губы. Мгновение спустя, с трудом взяв себя в руки, она проговорила: - Хотела бы я сказать пару ласковых этому человеку.

- Я уверена, что он сам не ведал, что говорит. Он потерял тогда почти триста тысяч фунтов на инвестиционном проекте Филиппа и был страшно зол. Однако он никогда не потерпит, чтобы у Тристана была связь со мной.

- А что скажет об этом герцог?

- Ничего. Я ему не позволю.

- Ах, Пруденс. Тебе не следует...

Открылась дверь. Это миссис Филдингс принесла поднос с чаем.

- Ну что ж, никаких криков не было слышно. Как видно, вы урегулировали вопрос?

Мать улыбнулась:

- Почти. Спасибо за чай. Согреться нам не помешает...

Раздался стук во входную дверь. Пруденс и мать обменялись удивленными взглядами.

- Кто бы это мог прийти в столь поздний час? - пробормотала миссис Филдингс, выходя из комнаты. - Ни один добропорядочный христианин не отправится с визитом после наступления темноты.

Стук повторился. Мать пересекла комнату и подошла к окну. Скосив глаза, она взглянула в темноту, пытаясь рассмотреть входную дверь.

- Я ничего не вижу!

- Мама, иди сюда и сядь. Миссис Филдингс уже впустила посетителя в дом. Я слышу их голоса в прихожей. - Это не был низкий голос Тристана, однако принадлежал голос кому-то знакомому. Увидев, что дверь открывается, Пруденс закусила губу.

В комнату вошла миссис Филдингс. Обычного кислого выражения на ее лице как не бывало. За ней следовал Ривс, который чуть заметно улыбнулся, услышав, как экономка весьма торжественно докладывает о нем:

- Мистер Ривс к миссис Тистлуэйт.

Ривс поклонился.

- Меня прислал его светлость. Он желает видеть вас в своем коттедже.

- Чудесно! - воскликнула мать, хлопнув в ладоши. - Пруденс, иди и возьми свой плащ...

- Я никуда не пойду.

Ривс печально кивнул.

- Мадам, его светлость посвятил меня в причину вашей размолвки. Позвольте сказать, что я, как и он, глубоко разочарован его поведением.

- Я больше никогда не хочу видеть его.

- Мадам, я не виню вас, но мне кажется, что вы не понимаете. Меня прислали, чтобы я доставил вас во что бы то ни стало.

Мать возбужденно подпрыгнула. Ривс взглянул в ее сторону, вопросительно приподняв брови. Мать покраснела и пригладила волосы.

- Что-то жарко стало от камина. Отойду-ка я подальше. - Она отошла от камина и встала за спиной Ривса.

Дворецкий поклонился и вновь повернулся к Пруденс:

- Мадам, ваше посещение очень много значит для его светлости.

- Он сам вам это сказал?

- Да, мадам. Он горячо этого желает.

Горячо желает. Это уже хорошо. Мать из-за спины Ривса дико жестикулировала, показывая Пруденс на дверь и всячески убеждая ее пойти. Бросив на нее сердитый взгляд, Пруденс сказала Ривсу:

- Его светлость сказал, о чем ему нужно поговорить со мной?

Мать на своем наблюдательном пункте за спиной Ривса тут же наклонилась вперед, вся обратившись в слух. Ривс кивнул.

- Речь пойдет о попечителях, мадам. Они прибыли сегодня. Думаю, что его светлость желает лично рассказать вам о результатах, а также расплатиться за вашу работу.

Пруденс сникла. Значит, он хотел расплатиться с ней.

- Понятно. Прошу вас, поблагодарите его от моего имени, однако мне кажется, что было бы лучше, если бы его светлость прислал мой гонорар сюда. У меня нет желания видеть его.

- Ну, Пруденс, с меня довольно!

Пруденс моргала, удивленная резким тоном матери.

- Бери свой плащ и отправляйся с Ривсом.

- Но я не хочу...

- Сделай это не для себя, а для меня. Я знаю, что вы с герцогом разошлись во мнениях, но с твоей стороны было бы эгоистично позволять такой мелочи помешать тебе воспользоваться его любезным приглашением.

Пруденс вспыхнула.

- Это не мелочь, а я вовсе не эгоистка.

- Я умираю от любопытства. Мне ужасно хочется узнать, как прошла встреча с попечителями. Если ты не пойдешь, мы узнаем обо всем только через несколько недель, а я просто не смогу ждать так долго. Так что бери свой плащ и отправляйся с мистером Ривсом.

У Пруденс покраснелись щеки.

- Мама! Я думаю, что не хочу...

- Вздор! Ничего подобного ты не думаешь. - Мать заглянула ей в глаза. - Если ты не пойдешь, Пруденс, то всю жизнь проведешь в сомнениях, потому что не узнаешь, чего он хотел.

- Миссис Краптон, - тихо сказал Ривс, - его светлость просил и вас прибыть к нему.

Мать так и просияла.

- Какая прелесть! Пруденс, похоже, мы обе приглашены в коттедж герцога! - Прежде чем Пруденс смогла запротестовать снова, мать отправилась в прихожую за их плащами.

Глава 21

Трудно передать радость, которую испытываешь от хорошо выполненной работы! Разве может что-то другое доставить более полное и бескорыстное удовлетворение?

Ричард Роберт Ривс. Искусство быть образцовым дворецким

Всю дорогу до дома Тристана мать без умолку болтала, пытаясь вытянуть из Ривса хоть какую-то информацию. Дворецкий отмалчивался. Время от времени улыбался и повторял, что скоро его светлость сам обо всем расскажет.

О том, что именно он сам расскажет, Пруденс не имела ни малейшего понятия. Почему Тристан пожелал ее видеть? И зачем он пригласил также ее мать? Она лишь надеялась, что ей при этом разговоре удастся держать себя в руках. Но по мере приближения к коттеджу герцога уверенность в том, что ей удастся сохранить спокойствие, становилась все меньше.

Когда они прибыли, дом был ярко освещен. Стивенс открыл дверь еще до того, как они вышли из экипажа.

- Пожалуйста сюда, мадам! - пригласил он с любезной улыбкой.

Мать, которой не терпелось поскорее попасть в дом, быстро поднялась по лестнице, а Пруденс задержалась.

- Стивенс! Где твоя новая ливрея?

На нем, как это было прежде, красовался плохо подогнанный морской бушлат, под которым виднелась сильно выгоревшая полосатая тельняшка.

- А-а, это... - произнес он, бросив взгляд на Ривса.

- Видите ли, - сказал Ривс, - мистер Стивенс перестал носить новую ливрею из-за того, что на ней серебряные пуговицы.

- Что в них плохого?

Ривс взглянул на Стивенса.

- Эти пуговицы слишком яркие и блестящие, - заявил Стивенс. - Вот именно: яркие и

блестящие! – радостно повторил он, как будто только что нашел правильный ответ. – Они вызывают у всех остальных зависть. А где зависть, там и всякие беспорядки могут случиться. Многие перестали разговаривать со мной, считая, что из-за этих пуговиц я изменился и все такое прочее.

Пруденс пристально посмотрела на него, потом перевела взгляд на Ривса.

Ривс чуть заметно улыбнулся.

– Не пройти ли нам в библиотеку? Ваша матушка уже в прихожей и, судя по всему, проявляет нетерпение.

– В таком случае нам тоже надо, наверное, поспешить.

Стивенс расплылся в улыбке.

– Полный вперед, мадам!

Ривс поклонился, и Пруденс вскоре уже следовала за матерью по узкому коридору. По пути им встретились двое или трое людей Тристана. Все они радостно улыбались. Да и во всем доме царил праздничная атмосфера. У Пруденс слегка защемило сердце. Очевидно, встреча с попечителями прошла удачно.

Это хорошо. Она могла порадоваться – если не за себя, то за Тристана. Ей лишь хотелось, чтобы все было по-другому. Для них обоих.

Она вошла в библиотеку в тот момент, когда ее мать присела в глубоком реверансе перед высоким мужчиной в безупречных черных брюках и жилете. Человек этот был как две капли воды похож на герцога. Однако... это был не герцог. Это был разбойник. Вернее, виконт и разбойник в одном лице.

– Виконт Уэстервилл, – промолвила Пруденс, когда Стивенс закрыл за ней дверь. Она присела в реверансе. Он поклонился, окинув ее одобрителем взглядом зеленых глаз.

Высокий, стройный, он был одет во все черное, что на любом другом человеке выглядело бы слишком мрачно. Но только не на этом зеленоглазом черноволосом виконте, черный цвет одежды которого лишь подчеркивал его потрясающее обаяние. Это был настоящий красавец: гибкий, изящный и невероятно элегантный.

– Светское общество примет вас с распростертыми объятиями, – сказала Пруденс, все еще не понимая, что все это значит.

Кристиан улыбнулся беззаботной озорной улыбкой.

– Общество, возможно, и готово принять меня, но я-то не намерен принимать его в свои объятия.

С кресла возле камина пророкотал голос Тристана:

– Мой брат обожает строить из себя шута горохового.

Пруденс, прежде чем повернуться, пришлось взять себя в руки. Но даже после этого она оказалась не готовой к тому, что увидела. Тристан был одет с головы до пят как... пират. На нем были узкие черные бриджи и кожаные сапоги до бедер. Белая рубашка заправлена за

широкий черный пояс, к которому подвешен полный набор пистолетов и ножей, а также большая абордажная сабля. Но самым удивительным было небольшое золотое кольцо, украшавшее его ухо.

Если попечители видели его одетым подобным образом...

- О Господи! - воскликнула Пруденс. - Тристан, что ты наделал?

Он одарил ее кривой улыбкой, от которой у нее всегда замирало сердце.

- Мы с братом решили, что настало время открыть попечителям нашу подлинную сущность.

- Но как же...

- Прежде чем вы произнесете еще одно слово, - сказал Кристиан, беря ее за руку, - пройдите сюда и сядьте на диван вместе со своей прелестной сестрой.

Мать покраснела до корней волос и хихикнула.

- Ах, лорд Уэстервилл! Только не начинайте со мной эти игры! Я уже в том возрасте, что могла бы быть вашей... тетушкой.

Пруденс опустила на диван.

- Объясните мне, что же будет с деньгами?

Кристиан уселся в красное кресло и лениво усмехнулся.

- Миледи, не смотрите на Тристана. Это я выиграл состязание. - Он махнул рукой. - Придется, конечно, провести сезон в Лондоне, чтобы утвердиться в обществе, но это чистая формальность. Попечители твердо решили, что деньги должен получить я, а не мой неотесанный братец.

После этого заявления некоторое время все молчали. Потом мать, с лица которой сползла улыбка, спросила:

- Лорд Уэстервилл, я правильно поняла, что деньги герцога присудили вам?

Кристиан вздохнул.

- Veni, vidi, vici, - промолвил он.

- Пришел, увидел, победил, - автоматически перевела Пруденс. - Кристиан очаровал попечителей.

Мать удивленно вскинула брови.

- Вы очаровали попечителей?

- Всех до одного, - сказал Кристиан, театрально всплеснув руками.

- Боже мой! - Она взглянула на Тристана. - Но ведь...

Тристан кивнул.

- У меня остается титул, но не деньги. Они отказали наотрез.

- Неудивительно, - сказала мать, жестом указывая на одеяние Тристана. - Что еще можно было от них ожидать после того, как они увидели вас в таком виде?

Тристан усмехнулся. Его улыбка выглядела поразительно похожей на улыбку брата.

- Я не только оделся как морской волк.

- Вот как? - Мать, не понимая, вытаращила глаза.

Кристиан кивнул в подтверждение.

- Он еще и ругался как морской волк. Не правда ли, Ривс? - обратился он к дворецкому, который вошел в комнату, держа в руках поднос с чайником и чайными чашками.

- Что правда, то правда, - любезно подтвердил Ривс. - Боюсь, что до прибытия сюда мне редко приходилось слышать ругательства, употребляемые моряками, но должен признать, что немногие владеют таким богатым вокабуляром, который имеется в распоряжении его светлости.

Пруденс прижала руку ко лбу.

- Объясни мне, Тристан... тебе больше не нужны деньги?

- Нужны. Но гораздо больше, чем деньги, мне нужна ты.

В комнате воцарилось молчание. Взяв трость, Тристан подошел к Пруденс, взял ее руку и поцеловал пальцы.

- Я люблю тебя, Пруденс, - с улыбкой сказал он, глядя на нее сверху вниз своими зелеными глазами. - Я не богат. Кроме того, что ты видишь здесь, у меня ничего нет. Но я люблю тебя всем своим существом.

У нее так сильно билось сердце, что его удары звоном отдавались в ушах. Она пыталась понять, что происходит, о чем он говорит, почему Кристиан выглядит таким самодовольным, а Ривс таким радостным. Но больше всего ей хотелось вникнуть в смысл слов, сказанных Тристаном.

- Пруденс, - продолжал Тристан, - ты меня слушаешь? Когда-то я думал, что не буду счастлив, если не смогу выходить в море. Но теперь я понимаю, что настоящие приключения ждут меня там, где ты. - Он прикоснулся рукой к ее щеке и нежно заглянул в глаза. - Я хочу, чтобы ты была рядом со мной отныне и навсегда. Ничего другого мне не нужно.

Он любит ее - это все, что поняла Пруденс, да и не нужно ей было ничего другого. Она медленно взяла пальцами руку, которая прикасалась к ее щеке, повернула ее ладонью вверх и поцеловала.

У него потемнели глаза.

- Пруденс! Ты хочешь сказать... что выйдешь за меня замуж?

Пруденс, которая все еще была не в состоянии говорить, кивнула. Он схватил ее в медвежьи объятия и приподнял над полом. В это мгновение она поняла, что именно здесь ее место - в объятиях Тристана.

Когда он наконец поставил ее на пол, комната кружилась у нее перед глазами, но на губах сияла улыбка. Он ее любит. И он просит ее выйти за него замуж именно по этой причине, а не по какой-нибудь другой.

Мать, ошеломленно глядя прямо перед собой, сказала:

- Нет, я просто не понимаю. Все эти деньги. Их больше нет? И после этого вы предлагаете Пруденс выйти за вас замуж?

Ривс прочистил горло.

- Милорд? Вы позволите?

Тристан уселся в кресло и посадил Пруденс к себе на колени.

- Прошу тебя, Ривс. Я сейчас слишком занят, чтобы что-нибудь объяснять.

Пруденс обхватила ладонями его лицо и повернула к себе.

- Если из-за меня ты не сможешь обеспечить своих людей, ты будешь сожалеть о том, что женился на мне, а я этого не вынесу.

- Любовь моя, но я смогу обеспечить своих людей. До того как Ривс появился здесь с сообщением об этом проклятом наследстве, я уже работал над кое-какими планами. В конце концов, я решил бы эту проблему без посторонней помощи. - Он положил палец под ее подбородок и приподнял лицо. - Я не из тех, кто пасует перед трудностями. Если я чего-нибудь хочу, я этого добиваюсь.

Пруденс не могла не улыбнуться. Что бы там ни случилось, но если он счастлив... Чего ей еще желать? Она с нежностью заглянула ему в глаза и обняла за шею.

Тристан еще крепче прижал ее к себе. Он был счастлив. Очень, очень счастлив.

- Но я не понимаю, - возмутилась мать.

- Мадам, - сказал Ривс, - все произошло следующим образом. Лорд Рочестер понял, что любит вашу дочь, но из-за неблагоприятного отношения к ней в высшем свете он не мог получить деньги и жениться на ней. По крайней мере, до тех пор, пока попечители не освободят его от некоторых оговоренных в завещании условий, чего они не сделали бы, если бы узнали, что он ее любит. А он ее любит.

- Значит, денег нет? Совсем? - повторила мать.

- Совсем. Лорд Рочестер, имея, по крайней мере, одну общую со своим отцом черту характера, не желал ждать. Не желал он также публично отказаться от любимой женщины. Во всяком случае, не пожелал это сделать после того, как хорошенько подумал. - Ривс довольно сурово взглянул в сторону хозяина.

Тристан вздохнул, уткнувшись в волосы Пруденс.

- Я сожалею об этом, любовь моя. Мне не следовало предлагать такую вещь. Я поступил как мерзавец.

- Да уж, - подтвердила она, устраиваясь поудобнее в его объятиях. Карие глаза, поблескивая,

взглянули на него. – За это я посчитаюсь с тобой, но в другое время.

Тристан хохотнул.

– Буду ждать с нетерпением. – Он поцеловал ее руку, заметив, когда прикоснулся к безымянному пальцу, на котором обычно носят обручальное кольцо. – Пруденс, еще один вопрос. О Филиппе.

– Спрашивай.

– Ты любила его?

Она сплела его пальцы со своими.

– Я любила его. Филипп был моим лучшим другом и замечательным компаньоном, и я никогда не пожалею, что была с ним. Но ты, Тристан, больше, чем все это. Ты любовь всей моей жизни.

Сердце его переполнилось гордостью. Он немедленно перецеловал все ее пальчики.

– Миссис Крамpton, – заговорил Ривс, – его светлость предложил новый план. Это было ничуть не хуже, чем получение огромного состояния им самим.

– Что же это такое? – спросила мать, потирая виски.

– Он постарался сделать так, чтобы, отказав в получении денег ему, поручители безоговорочно присудили бы их брату.

Мать взглянула на Кристиана.

– Но ведь он... разбойник!

– Ну не все время, – возразил Кристиан. – Попечители ничего не знают о моем... гм-м... невинном хобби. Вам, возможно, невдомек, что я становлюсь разбойником только тогда, когда мне не хватает денег. В остальное время я живу в своем поместье в Дорсете, где выращиваю самые разнообразные цветы и овощи и имею превосходные охотничьи угодья. Поместье я выиграл в карты, но об этом попечителям тоже совершенно не обязательно знать. Они считают меня просто фермером-джентльменом, и я хотел бы, чтобы они продолжали так думать.

– Фермер-джентльмен, – тупо повторила мать.

Кристиан кивнул.

– Кстати, один из попечителей является моим ближайшим соседом, хотя до сегодняшнего дня он об этом не знал. Меня, видите ли, считают настоящим отшельником.

Пруденс вопросительно взглянула на Тристана.

– Но... что же будет с твоими людьми?

– Мой брат, который в ближайшее время будет очень богат, предложил продать ему мой старый корабль «Викторию» и обещал оплатить первоначальные расходы в связи с созданием там дома для раненых моряков.

Пруденс радостно рассмеялась.

- Это великолепно! - сказала она, взглянув на Кристиана. - Большое спасибо. Вы так же щедры, как и ваш брат.

- Желал бы я, чтобы это было так, - сказал Кристиан, поблескивая зелеными глазами. - Эта сделка выгодна мне по целому ряду причин, ни одна из которых не имеет отношения к благотворительности. За исключением, пожалуй, возможности видеть своего брата счастливым. Чтобы обеспечить это, я заплатил бы в три раза больше того, что имею.

Тристан улыбнулся Кристиану.

- А я сделал бы то же самое для тебя.

Они некоторое время молча смотрели друг на друга. Потом Кристиан поклонился.

- Мне бы очень хотелось остаться, чтобы насладиться этим моментом, но я должен уйти. Бедняга Вилли все еще сидит в гостинице с большой головой. Он не будет счастлив до тех пор, пока не возвратится в Дорсет, где управляет моими конюшнями.

Ривс, подававший чашку чаю миссис Крамптон, присоединился к разговору:

- Хороший слуга готов многое сделать ради своего хозяина. Надеюсь, вы вознаградите его за предприимчивость, проявленную под вашим руководством?

- Несомненно, - сказал Кристиан. - Я всегда был сторонником хорошего вознаграждения. Во всех формах. - Потом Кристиан взял руку Пруденс и посмотрел на Тристана. - Странно, но она выглядит совсем не такой старой, как ты описывал.

Пруденс повернулась к Тристану:

- Старой? Ты сказал ему, что я...

- Крис, я очень сожалею, что ты не можешь остаться, - сказал Тристан, еще крепче прижимая к себе Пруденс. - Но я знаю, что тебе нужно идти. Сию же минуту.

- Как ни печально, это правда, - сказал Кристиан, направляясь к двери. Он задержался лишь на минуту и взглянул на Ривса. - Полагаю, следующий визит будет нанесен мне. Мне все еще предстоит получить окончательное одобрение попечителей, хотя думаю, что с этим проблем не возникнет.

- Я приеду к вам сразу же после женитьбы лорда Рочестера.

- Отлично! К этому событию я вернусь. Но я думаю, что мне потребуется твоя помощь в Лондоне. Я предполагаю вновь открыть Рочестер-Хаус. Тристан любезно позволил мне пользоваться им в обмен на финансирование его благотворительного проекта.

Ривс поклонился и, слегка прищурив глаза, сказал:

- Буду с нетерпением ждать этого. Давненько я не имел удовольствия одевать человека, который знает толк в одежде.

Тристан фыркнул.

- Ривс, не питай слишком больших надежд. Кристиан не станет носить красно-коричневый цвет, он предпочитает черный.

Кристиан кивнул.

- Цветное кажется мне таким... вульгарным.

Ривс тиховздохнул:

- Вижу, мне предстоит нелегкая работа.

- Как всегда, - сказал Тристан, посмотрев на Пруденс, которая сидела у него на коленях, глядя на него с любовью и нежностью.

Их союз будет единением сильных, темпераментных личностей. Они будут расходиться во взглядах, и доказывать свою правоту с такой же страстью, какая объединяла их в постели.

Они никогда не покинут друг друга: он будет помогать морякам, она - руководить школой. И их совместная жизнь будет освящена любовью.

Чего еще можно желать?

Пруденс, прикоснувшись лбом к его лбу, прошептала:

- Спасибо, что Господь послал мне Ривса.

Тристан улыбнулся и повторил следом за ней:

- Спасибо, что Господь послал нам Ривса.